

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
лесотехнический университет»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕМЫ В РОССИИ

Сборник
научных трудов по материалам
научно-практической конференции

Екатеринбург
2013

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.59(2)

Ц 58

Рецензенты

Кафедра эстетического воспитания Института педагогики
и психологии детства УрГПУ;
зав. кафедрой Н.Г. Куприна, д-р пед. наук
С.М. Верзилов, кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории
и социально-политических наук УГЛТУ

Редакционная коллегия

И.В. Назаров, О.Н. Новикова (отв. за выпуск),
С.Н. Каташинских, С.Ф. Масленникова (отв. секретарь)

Ц 58

Цивилизационные перемены в России: сборник научных трудов
по материалам научно-практической конференции «Цивилизационные пере-
мены в России». – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2013. 129 с.
ISBN 978-5-94984-412-0

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным про-
блемам социального развития российского общества, его духовно-
нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным про-
цессам в современном образовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и широкий круг специали-
стов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность
приведенных цитат, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения.

УДК 316.722(470)(08)

ББК 60.59(2)

ISBN 978-5-94984-412-0

© ГОУ ВПО «Уральский государственный
лесотехнический университет», 2013

© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Проблемы социального развития современной России

<i>Беляева Л.А.</i> Модернизация российского образования на основе компетентностного подхода	5
<i>Некрасов С.Н.</i> Личность и права человека как центральная проблематика российских перестроек	12
<i>Колесова И.С.</i> Соборный потенциал русской цивилизации и его оценка Е.С. Троицким	21
<i>Посыпайко А.Ф.</i> Реализация принципа справедливости в современной России	25
<i>Каташинских В.С.</i> Функции института высшего образования в условиях его реформирования: социологический анализ	30
<i>Кох И.А.</i> Развитие социальной инфраструктуры малых городов	35
<i>Антропова Н.К.</i> Иллюзии и реальности российской цивилизации	44

Раздел 2. Духовно-нравственные проблемы российского общества

<i>Новикова О.Н.</i> Игроизация современной культуры	53
<i>Мирошников Ю.И.</i> Социально-нравственная философия Л.Н. Толстого	61
<i>Усольцев В.А.</i> Специфика славянства и православие на Руси как предпосылки феномена русского космизма	71
<i>Бурдина Т.Г.</i> Духовность – имманентная характеристика человеческой деятельности в XXI веке	80
<i>Масленникова С.Ф.</i> Воспитание нравственных качеств учащейся молодежи как педагогическая проблема	84
<i>Пожар А.И.</i> О подходах к формированию типовых перечней вопросов для проведения проверок деятельности органов опеки и попечительства и органов местного самоуправления, наделенных соответствующими полномочиями в отношении несовершеннолетних граждан	88
<i>Назаров И.В.</i> О российском менталитете	93

<i>Каташинских С.Н.</i> Практика чтения электронной книги	103
<i>Лыкова Т.Р.</i> К вопросу о духовно-нравственном воспитании в условиях университетской образовательной среды	109
<i>Паикова А.В.</i> Качество научно-педагогических кадров как показате- ль примитивизации российского высшего профессионального об- разования	116
<i>Летягин Л.И.</i> О мифах «государственного патриотизма»	119
<i>Рязанов И.В.</i> Пермский миф: опыт культурологической реконструкции	123
Наши авторы	127

Раздел 1

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л.А. Беляева
УрГПУ, Екатеринбург

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В 2003 году Россия официально вступила в Европейскую зону высшего образования, присоединившись к Болонскому соглашению, что связано с необходимостью интеграции России в мировое образовательное пространство, повышением конкурентоспособности российского образования и привлекательности российского диплома о высшем образовании для молодежи как нашей страны, так и других стран.

Так появилась современная стратегия развития российского образования, заключающаяся в его модернизации под углом вхождения в общеевропейское образовательное пространство, что предполагает определение точек конвергенции и выработку общего понимания цели и результата образования. Подобно математике, где для решения задачи с множеством разнообразных дробных чисел необходимо свести их к единому знаменателю, так и в области образования в процессе глобализации появилась необходимость свести разнообразие образовательных систем к единому основанию, в качестве которого и выступает компетентностный подход.

В связи с этим хотелось бы остановиться на позиции, рассматривающей компетентностный подход как новую парадигму образования, идущую на смену «знаниевой» педагогике. Можно согласиться с парадигмальным характером компетентностного подхода, понимая под парадигмой, согласно Т. Куну, «образец постановки и решения познавательных задач, разделяемый научным сообществом», добавив к этому и педагогическое сообщество. Однако новая парадигма всегда возникает на основе новых идей, представлений и новых теорий. Таким образом, возникают вопросы о теоретических основаниях компетентностного подхода и его обусловленности временем.

На наш взгляд, для их решения необходимо обратиться к философским основаниям происходящих цивилизационных перемен, в том числе и в области образования. Поэтому необходимо вести речь не просто о смене парадигм образования, а о более глубоких корнях, связанных с новыми цивилизационными веяниями и новыми философскими основаниями теоретической и практической деятельности в области образования. Полагаем, что теоретико-методологическим основанием компетентностного подхода в образовании служит синтез идей наиболее влиятельных в современной западной культуре двух философских течений – прагматизма и экзистенциализма, возникших в переломный период развития человечества на рубеже XIX и XX столетий и достигших своего расцвета в первой половине XX века.

Их идеи идут на смену философии Просвещения, основополагающие принципы которой очень долго определяли методологию образовательной деятельности, в рамках которой среди всех ценностей во главу угла ставилось научное знание. Философия Просвещения и явилась основой так называемой «знаниевой» педагогики, на защиту которой хотелось бы встать и не согласиться с утверждением, что на смену знаниевой парадигме пришла компетентностная парадигма образования. На наш взгляд, компетентностная парадигма не отменяет знаниевой, а дополняет ее с учетом реалий и требований сегодняшнего исторического этапа развития человеческой цивилизации, характерной особенностью которого являются процессы глобализации во всех сферах жизни общества, в том числе и в образовании.

Позитивное отношение к знанию имеет многовековую историю. Среди древних философов можно выделить Сократа, который считал *знание – основой добродетели*, и был убежден, что человек поступает плохо только потому, что не знает, как поступить хорошо, поэтому он нуждается в обучении. Сократ предложил метод диалога, когда в процессе столкновения различных точек зрения и наводящих вопросов самостоятельно добытое учеником знание превращается в убеждение. В этой связи нельзя не упомянуть и Ф. Бэкона с его знаменитым изречением «*Знание – сила*», осуществившим попытку «великого восстановления наук» и положившим начало методологии как учению о методе научного познания.

В оценке значения знания эпоха Просвещения пошла еще дальше и рассматривала *знание как инструмент и критерий общественного прогресса*, называя предшествующую эпоху средневековья эрой невежества, а наступившую эпоху – эрой разума и просвещения. Данная эпоха совпала с расцветом научной рациональности, принесшей не только теоретические, но и практические результаты, связанные с развитием промышленного производства.

Что касается современного исторического этапа развития общества, то первоначально философы называли его постиндустриальным обществом (Р. Арон, Д. Белл и др.), а в настоящее время все более оперируют понятиями «информационное общество», а также «общество знания», тем самым подчеркивая особое значение информации и информационных технологий в жизни современного общества и современного человека. Поэтому расставание с идеями философии Просвещения и одновременно со «знаниевой» педагогикой, с одной стороны, несколько преждевременно, однако, с другой стороны – изменившиеся исторические условия требуют уточнения «знаниевой» парадигмы, ее дополнения, но ни в коем случае не отторжения.

В связи с этим следует отметить, что и прагматизм, и экзистенциализм позитивно относятся к знанию. Прагматизм возник на американской почве на рубеже XIX–XX веков (У. Джемс, Д. Дьюи). Особенно следует обратить внимание на философию Д. Дьюи, который известен не только как философ, но и как выдающийся педагог, идеи которого положены в основу американского образования. В своей версии прагматизма, которая получила название философии «инструментализма», он обратил особое внимание на то, что *разносторонние знания* являются важнейшим **инструментом успеха**. При этом функция интеллекта, по Джемсу и Дьюи, состоит не в том, чтобы копировать мир, а в том, чтобы *осуществлять правильное определение целей и выбор средств их достижения*. Они утверждали, что жизнь ставит перед человеком практические проблемы, связанные с вопросами о том, как лучше поступить в конкретном случае, чтобы достичь желаемых результатов. Достигая желаемого результата, человек утверждает в своей деятельности наши ценности (ценности американского образа жизни. – Л.Б.) [1, с. 59]. При этом формула успеха проста. Она состоит из следующих компонентов: *знаю – могу – действую – достигаю*. Однако прагматизм из всех видов знания отдает предпочтение практико-ориентированному знанию, носящему технологический, прикладной характер (know how) в ущерб фундаментальному знанию.

Таким образом, философия прагматизма задает ориентацию на успех и достаточно пренебрежительное отношение к фундаментальному знанию, поэтому не случайно, что то же самое отношение к фундаментальному знанию и успеху (успешной личности) как цели педагогической деятельности характерно и для современной российской системы образования.

Что касается экзистенциализма как теоретико-методологического основания цивилизационных изменений в обществе, в том числе в сфере образования, то он акцентирует внимание на идеях свободы и активности человека в выборе самого себя и своего существования. Человек – это существо, «толкующее и понимающее свое бытие» (М. Хайдеггер) [2]. Человек – это «свобода, или его нет вовсе», он является «реализацией своего

собственного проекта» (Ж.П. Сартр) [3, с. 29]. На этой философской базе возникла теория самореализации (самоактуализации) личности, являющаяся центральным содержанием опирающейся на экзистенциализм гуманистической психологии, в рамках которой самореализация понимается как желание человека стать тем, чем он должен быть, как стремление осуществить, выразить себя, актуализировать все свои возможности, заложенные в человеке от природы.

По мнению видного представителя гуманистической психологии А. Маслоу, самоактуализирующаяся личность, в отличие от среднего человека, обладает рядом качеств, которые позволяют ей максимально полно развить и реализовать свои способности. Перечисляя эти качества, автор подчеркивает, что самоактуализирующиеся личности ***ориентированы на достижения***, им свойственна сильная увлеченность своей работой. Такие люди не боятся непонятного, нового, они идут им навстречу [4, с. 190–212]. Таким образом, мы видим, что упор на *достижение целей* и *результатов* характерен и для философии экзистенциализма, при этом акцентируется внимание на самостоятельности, самомотивированной активности человека, направленной на *достижения*. Отсюда, например, и *технология портфолио*, нацеленная на документирование результатов достижений учащихся.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что компетентностный подход имеет в своей основе экстраполяцию идей философии прагматизма и философии экзистенциализма на сферу образования. При этом он выполняет ряд методологических функций, являясь методом моделирования цели образования, методом измерения его результатов и методом их сравнения и оценки.

Прежде всего хотелось бы остановиться на положении о том, что компетентностный подход является методом моделирования цели образования. Это положение обосновывают и разделяют многие авторы [5; 6]. Однако в связи с этим нельзя не отметить, что универсальное (общее для всех видов воспитания и обучения) педагогическое целеполагание является сложной проблемой для педагогики, оно всегда связано с поиском *образовательного идеала*, т. е. таким представлением о человеке, которое могло бы послужить ориентиром педагогической деятельности, теоретическим обоснованием выработки и постановки ее целей. Поиски таких моделей и в философии, и в психологии ведутся уже на протяжении продолжительного времени. Уже древнегреческая философия выдвинула идеал всесторонне и гармонически развитого человека, на который опиралась многовековая педагогическая практика, в том числе и советская педагогика. Именно в советский период совместными усилиями философов, психологов и педагогов делались попытки различных интерпретаций всесторонности и гармоничности человека, разрабатывалась определенная система воспитания и образования, соответствующая этому идеалу.

В качестве одного из таких подходов был использован деятельностный подход к построению целостной модели человека. В его основе лежит признание деятельностной сущности человека, рассмотрение *личности как персонифицированной деятельности* (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, Г.С. Батищев, Л.П. Буюева, М.С. Каган, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.).

С позиций этого подхода определялись те виды деятельности, которыми личность должна овладеть, а также знания, умения, навыки, необходимые для ее выполнения. Однако в рамках деятельностной интерпретации личности можно встретить различные ее описания. Так, например, М.С. Каган, выделяя пять основных видов человеческой деятельности, считает, что человек как субъект деятельности должен обладать «пятимерной структурой». Соответственно этому *личность понимается как единство пяти потенциалов*: гносеологического (познавательная деятельность), аксиологического (ценностно-ориентационная деятельность), творческого, коммуникативного и художественного. В психологии *личность рассматривается как субъект труда, познания и общения*. Иногда добавляется игровая деятельность в силу ее особой важности для личностного развития в детском возрасте.

К деятельностному основанию моделирования целей образования примыкает и *ролевая теория личности*, которая возникла на Западе и нашла отражение в трудах Т. Сарбина, И. Ридинга, В. Мезона, Т. Парсонса, Д. Мида, С. Стетцеля и др. В нашей философской литературе 70-х годов можно встретить неоднозначные оценки этой теории. Одни авторы отвергали ее на том основании, что она фиксирует внимание лишь на внешней стороне личности и не дает возможности проникнуть в ее сущность. Другие отнеслись к ней положительно, увидев в ней возможность описания личности в социологическом аспекте.

Следующий шаг в развитии теоретических представлений о человеке как личности был связан с поиском таких моделей, которые бы не только отражали деятельность, выполняемую ею, но и источники, регуляторы деятельности, представленные в ее внутренней структуре. Это привело к возникновению целого направления в психологии и философии, исследующего потребности личности, результатом чего явилось создание *потребностно-мотивационных моделей личности*. Примером таких моделей могут служить модели, предложенные П.В. Симоновым и К.К. Платоновым.

В качестве еще одного теоретического основания моделирования личности был использован *ценностный подход*. Ядов В.А. и другие ученые выдвинули понимание личности как системы ценностных ориентаций, которые характеризуют направленность личности и позволяют отличить нравственную личность от безнравственной, духовную от бездуховной.

Опираясь на эмпирические исследования зарубежных авторов, они предложили трехслойную структуру ценностных ориентаций, включающую в себя мыслительные, эмоциональные и поведенческие элементы. Это направление в исследовании внутренней структуры личности довольно долго не получало должного развития, в результате чего недооценивалось значение *ценностных ориентаций* как важнейших характеристик личности [7, с. 86–93].

Из приведенного выше анализа подходов к моделированию цели образования следует, что компетентностный подход по своей сути близок к деятельностному подходу. С позиций компетентностного подхода цель образовательной деятельности определяется как совокупность компетенций, которыми должны овладеть учащиеся в процессе обучения и воспитания. При этом разведение понятий «компетенция» и «компетентность» видится нами в контексте теории деятельности, ее конституирующих элементов: цель и результат. *Компетенции* – это требования к личности обучающегося, выраженные в целях и стандартах образования на разных его уровнях и направлениях подготовки. *Компетентность* же – это результат овладения компетенциями, выражающийся в способности учащегося, выпускника решать личностные, социальные и профессиональные задачи на соответствующем уровне.

Что касается компетентностного подхода как метода измерения, сравнения и оценки результатов образования, то здесь возникает ряд трудностей. Если за единицу измерения принимается компетентность, то каков инструментарий ее измерения, какими приборами осуществлять текущий и итоговый контроль формирования компетентности. Например, в ФГОС ВПО по направлению подготовки 030300 «Психология» (бакалавр) сказано, что выпускник должен обладать рядом компетенций, т. е. «способностью и готовностью к овладению культурой научного мышления, обобщению, анализу и синтезу фактов и теоретических положений» (ОК-3). Или другой пример: выпускник должен владеть «умением критически оценивать свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков» (ОК-7) – ФГОС ВПО по направлению подготовки 040100 «Социология» (бакалавр). Как это можно измерить и как это можно сравнить? Вольно или невольно мы снова возвращаемся к многократно и напрасно раскритикованному «зунам». Это основа основ, и без них невозможны никакие компетенции. Владение компетенциями предполагает наличие знаний, умений, навыков, но кроме этого наличие ценностных ориентаций, синтезированных в мировоззрении как единстве знаний, убеждений, целей и ценностей (ценностей-норм и ценностей-образцов). Все вышеназванное необходимо человеку для того, чтобы уметь применить это в жизни для решения проблем, т. е. уметь определить цель, выбрать средства и проявить активность в ее достижении. Основанием любой компетентности являются научные знания – это аксиома, не требующая доказательств. Другое дело, какие знания предпо-

честь, будут ли это фундаментальные знания или прагматические. И здесь нужен диалектический подход. Нельзя отказываться от фундаментализма в образовании в угоду прагматизму. Нет ничего лучше хорошей теории, ибо она освещает путь практике, а метод проб и ошибок уместен только тогда, когда теории нечего сказать практике. Поэтому, определяя парадигму современного образования, необходимо подчеркнуть, что знания остаются важнейшим ее компонентом. Однако своеобразие современной парадигмы образования состоит в том, что акценты переносятся на ценностно-ориентационный компонент, связанный с самостоятельностью в выборе ценностей, лежащих в основе самореализации личности, и прагматический компонент, нацеленный на развитие способностей действовать и достигать поставленных целей.

Сегодня необходим не просто человек **знающий** (*познавательный компонент*), но и человек **понимающий**, способный к самопроектированию и самореализации, самостоятельному выбору ценностей и смыслов своего существования (*аксиологический компонент*), а также человек **компетентный**, умеющий применить свои знания и ценности для решения личностных, социальных и профессиональных задач (*прагматический компонент*). Поэтому и парадигмой современного образования должно стать **образование для личностного развития на основе самомотивации и самопроектирования с опорой на ценности и смыслы, приобретшие личностную значимость и ставшие основой продуктивно-творческой активности личности.**

Таким образом, компетентностный подход как основа модернизации современного российского образования означает обусловленный цивилизационными потребностями переход от философии образования Просвещения к новой философии образования, основанной на синтезе идей прагматизма и экзистенциализма. При этом компетентностный подход как способ педагогического целеполагания, измерения, сравнения и оценки результатов образования должен опираться на *параметры образованности современного человека*, которые можно представить в виде ступенчатой пирамиды. Ее ступенями являются *знания, умения, навыки, ценностные ориентации*, а *вершину пирамиды составляют компетенции*, овладение которыми возможно лишь при прохождении всех предыдущих ступеней.

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Антропологическое измерение педагогической деятельности // Л.А. Беляева. Философия воспитания как основа педагогической деятельности. Гл. 3. Екатеринбург, 1993.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 1953.
4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.

5. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y., 1934.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. М., 2004.

С.Н. Некрасов
УрФУ, Екатеринбург

ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК

Все перестройки в XX веке в России-СССР-России строились на идеологии личности и прав человека, которая с евразийской точки зрения представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма».* Поэтому, всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности при полном забвении социальных интересов, ждите перестройку. Если попросить армейского офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос – как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого в обществе – о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию современного мира может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г.А. Зюганова пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот идеи Евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты духовной оппозиции «Завтра», и мы увидим переплетение левого и право-

* Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 64.

го векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строго научно выверенного определения социальной динамики – не перестройки, но революции – национальной, социальной и культурной. Поэтому эта идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научные новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не привела к отказу от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны – аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки» как будто бы отвергнутой опытом XX века, привел неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете, понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели общественно-экономической формации и цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой евразийской культуре проблема личности и прав человека не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного и синтетического евразийского подходов позволяет получить перспективную интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. Эта модель носит не мистически-потусторонний мессианский характер и задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством природными силами, господство над собственными социальными отношениями.

Донаучное идеалистическое мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о роли личности в истории, имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация социальной философии привела к упрощенному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате, мы повсеместно видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне от изучения истории великого продуктового обмена в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды – историй мужского берета, грубошерстного пальто, сигары. Сознание и ничего кроме сознания не скрывается за этими все еще донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания в истории человечества показывает неравномерность созревания наук в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе, можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирования идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне – от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем научный дискурс только еще возникает по мере появления неоиндустриального общества – и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, ко-

торый подобно Дарвину, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волей, и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята Фрейдом и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность, – не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс, за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей, перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы научного понимания социального процесса.

История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н.С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма – философии. Сталинские преступления – это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы и неизбежность хода истории. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь – критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Как известно, немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних Маркса и Энгельса. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом. После разгрома фашизма коммунисты ГДР из СЕПГ передали в Институт марксизма-ленинизма рукописи Маркса. Перевод занял два года и том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г. Проблематика

культы личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская сугубо материалистическая перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса с его идеологией человека и его потребностей. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была названа ревизионизмом, а ее деятелями – ренегатами. Их ренегатство проявилось в полной мере в свертывании перестройки и приватизационном расхищении общенародной собственности сформировавшимися потребностями правящих материалистов. В этом наглядно проявился вред философии раннего Маркса, узурпированного коммунистическими бонзами и протезированными ими приватизаторами.

Спор о подлинном Марксе сегодня проходит на фоне признания общего значения учения Маркса его противниками. Так, К.Р. Поппер показывает, что наука после Маркса никогда не будет походить на домарксистскую науку. Р. Арон, полагая, что Маркс загадочен и стал известен миру только после своей смерти, считал, что происходит периодическое разложение не марксизма, но марксиянства, которое рассматривает учение Маркса как «Библию рабочего класса». Сам Маркс никоим образом не рассматривал себя как оракула, поскольку теоретически изучал капиталистическое общество и высказывал ряд предположений о зрелом коммунистическом состоянии. Наконец, критика учения Маркса должна быть не огульной, но поставленной в контекст тех или иных высказываний. Так, тезис о том, что «у пролетариев нет Отечества» соответствовал тому периоду европейской истории, когда у рабочих не было избирательного права, а избирали только собственники, в этих условиях у пролетариев, действительно, не было Отечества. Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофы» (термин А.А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX века восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократиче-

ской революции аппарата) и привели в конце XX века к формированию системы ельцинизма–сталинизма, но без Сталина.

Очевидно, что XXI век в России будет ни мондиалистским эксплуататорским, ни национально-патриотическим, ни государственно-социалистическим, но гуманистическим-социалистическим и общинным, т. е. евразийским по идеологии и принципам человеческих отношений. Ненависть бывшего советского народа к перестройке, а также полное оправдание перестройки либералами как необходимой операции по разрушению «совка» как «империи зла» еще не позволяет следовать логике участников телевизионного «Суда истории», т. е. становиться на ту или иную сторону. Разумеется, по нашему мнению, права команда С.Е. Кургиняна и ее аргументация выверена точно. Однако, такие исторические сдвиги как перестройка необходимо рассматривать в более широкой исторической перспективе и в отличие от общепринятого мнения о том, что «история не знает сослагательного наклонения», правильнее вспомнить высказывание классика о том, что история – не ровный тротуар Невского проспекта. Все это значит, что перестройка – не самостоятельное явление новейшей истории.

Перестройка вырастает из объективных потребностей реформирования общества. Весь вопрос заключается в том, в каком направлении эта перестройка настраивается и реализуется. Первый раз такая острая необходимость преодоления антисоциалистических тенденций возникла еще до смерти И. Сталина и обострилась в период перехода к развернутому строительству коммунизма. В 50-е гг. возникла протоперестройка, результатом которой мог быть не переход к коммунизму, но быстрый демонтаж самих основ социализма, как это, в сущности, произошло в ходе второй перестройки во второй половине 80-х гг. при провозглашенном курсе «больше демократии, больше социализма». Изменение губительного для социализма курса первой перестройки и формирование протоперестройки возникло не случайно. Н.С. Хрущев разгромил коррумпированную советскую партийно-хозяйственную машину в Узбекской ССР не спонтанно. На Лейпцигской выставке в 1959 г. он получил через секретаря В.И. Ленина Е. Стасову письмо и докладные записки о положении в республике. Последовал визит в Ташкент, жесткие меры, введение расстрельных статей в силу. Нам известны авторы и содержание этих записок, которые еще предстоит постепенно внедрить в научный оборот. Главное, однако, в том, что ход истории способен изменяться под воздействием точечных акций людей, обладающих знанием законов истории. Уже в конце 50-х гг. была возможность избежать застойной петли в социалистической динамике, предупредить разрыв с Китаем и совершить совместно с КНР тот модернизационный марш, который удалось осуществить китайским коммунистам в одиночку только в XXI столетии.

К сожалению, и в 1985 г. не удалось повторить корректирующее воздействие. Историкам еще предстоит найти объяснение тому, почему силы агентов влияния оказались мощнее сил социалистического переустройства. Известно лишь, что заработавшая с опозданием на 20 лет перестроечная «команда реформ» начала 90-х гг. была ориентирована на перекачку средств России в гигантский финансовый пузырь Запада.

В России после роспуска КПСС в 1991 г. и расстрела советской власти в 1993 г. единственным источником власти объявляется многонациональный российский народ. По Конституции России, Российская Федерация – социальное государство, в нашей стране должны охраняться труд и здоровье людей. Реальные же условия привели к противоположному результату. Это означает, что формирующий их строй оказался не способен обеспечить достойные условия для поддержания жизни и свободного развития большинства населения. Тем самым обнаруживается, что «социально-экономический строй» и «конституционный строй» суть разные вещи. Первый вступил в противоречие со вторым, осуществляя фактически его насильственное свержение. В такой ситуации естественно предположить, что гражданским долгом президента-юриста Д.А. Медведева выступал бы призыв к защите основ конституционного строя, поскольку задача дня в буржуазной республике – демократическими методами обеспечить установление в интересах большинства нового общественно-экономического устройства: гуманного, эффективного и справедливого. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений даже в буржуазном обществе. Для его реализации потребовался бы переход от правых антинародных реформ в интересах агрессивно-хищного меньшинства к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. В противном случае соблюдение формальной законности при отказе от практического вмешательства в общественные процессы в интересах большинства будет вполне соответствовать классической характеристике выхолощенного формализованного юридического мышления: юридически – значит фальшиво, или, как пропагандистски сформулировал В.В. Маяковский: «Кому бублик, а кому дырка от бублика – это и есть буржуазная республика!». Такой поворот к реформам в интересах народа, к реформам, обеспечивающим национальный суверенитет, предстоит национальному лидеру – вновь избранному президенту России В.В. Путину.

Прошедшие в 2009–2012 гг. выборы показали, что они вполне соответствовали классификации формально-логического юридического мышления либерально ориентированной российской элиты – были свободными, но несправедливыми. Часть общества еще долго будет настаивать на

возврате к доперестроечному старому советскому социализму. Таковы адепты и человеческий потенциал традиционных левых партий, в первую очередь, КПРФ. Старый советский социализм характеризовался всесилием государства, господством плана, полным подчинением личных интересов общественным, уничтожением частной собственности на все средства производства. Однако с середины 60-х гг., когда все перечисленное существовало, в СССР стал нарастать системный кризис, приведший к социальному взрыву. Наш народ прекрасно понимал, что в стране отсутствуют свободные выборы, и Верховный Совет не представляет истинное народо-властие. Обюрократившаяся КПСС не способна была оставаться «определяющей и направляющей политической силой». В социально-экономической области были, с одной стороны, гордость за бесплатное образование, здравоохранение, низкую квартирную плату, уверенность в завтрашнем дне, гордость за мощную науку, непобедимую армию, поддержку развивающихся стран, и в то же время наблюдались бесконечные очереди, унижающий дефицит, отчуждение трудящихся от результатов собственного труда. Старый политический режим создавал атмосферу не-свободы, двойной морали, озлобленности. В погоне за экономическим могуществом государство проглядело нарастающее социальное разочарование, снижение качества жизни, что проявилось ростом смертности за 1965–80 гг. на 40 %, убийств – на 80 %, самоубийств – на 60 %.

В результате, к началу 80-х гг. люди в полной мере осознавали необходимость политических и экономических преобразований для исправления накопленных за десятилетия ошибок и перехода к новому этапу развития. Призыв «Больше демократии, больше социализма» поддержало тогда большинство населения. Однако обнаружилось, что ни власть, ни общество не имеют проекта нового пути. Люди не видят, куда идти – потеряли высокий смысл жизни, а выдвинутый «Единой Россией» в ходе избирательной кампании «план Путина» лишь говорил о том, как превратить наше общество в «корпорацию Россию», сделать страну всего лишь «конкурентоспособной». Обществу в период избирательных компаний последних лет навязывалось мнение, что «иного не дано» и что выбор сделан. В этом и была причина депрессии и молчания, использования административного ресурса властью и игнорирования выборов всех уровней большинством народа, изоляции и слабости управляющих воздействий избранного президента как формирующегося национального лидера – лидера всей нации.

В ближайшие годы нам предстоит третья перестройка, она позволит через трансформацию повседневности войти в историю самым широким массам, преодолеть опасность навязываемой нашими геополитическими противниками «оранжевой революции». Станет ли она синтезом – после тезиса и антитезиса (или, как говорят литераторы – властители дум, «красной и белой смуты») – покажет время. Бурлящий арабский мир и левею-

шая Латинская Америка показывают варианты внезапных мутаций, направляемых иностранными агентами извне. Очевидно, что и у нас любые внешние воздействия, направленные на деградацию или развитие культуры, разрушение или созидание традиционной нравственности, воссоздание или разделение частей некогда единой страны, разрушение нынешней РФ или интеграцию в нее могут и должны рассматриваться в едином силовом поле исторического процесса. Например, изменение структуры федеративного устройства России и переход на укрупненную систему городских агломераций может по-разному рассматриваться в контексте образования русского социалистического государства или в контексте распада буржуазной российской государственности и формирования панславянского мондиалистского союза.

Будет ли трагедией распад РФ для русского народа и его ядра – людей социалистической ориентации? Полагаем, что нет, поскольку сегодня у русских «забрали» государство, его нет, и распад России может стать ступенью к дальнейшей эволюции подобно тому, как распад Римской империи не был трагедией для входивших в его состав народов – он стал началом возникновения и развития современных европейских наций. Значит ли все это, что при доминировании интеграционных внутренних или дезинтеграционных внешних процессов в стране ученым евразийской научной ориентации следует отказаться от исследования личности и рассматривать индивида (в переводе «далее неделимый», «атом общества») только как продукт более сложной системы социальных отношений? Разумеется, нет, поскольку личность и общественные отношения в конечном счете тождественны: единство личности и общественных отношений проявляется в том, что потребности и есть свернутые в структуре личности общественные отношения. А последние – развернутые вовне потребности социализированного человека. В этом верный пафос ранних и еще донаучных работ Маркса. Однако пафос зрелого марксизма заключается в том, чтобы признать – личность понимается, изучается, принимается обществом, а права ее реализуются и защищаются только при условии реализации защиты прогрессивных социальных групп, этносов и наций. И именно это социальное первично, а личность – вторична. Евразийство стоит на позициях социального холизма, а не социологического методологического индивидуализма.

Старый советский анекдот может стать подспорьем в понимании сложной проблематики формирования континента науки Личности, в котором личность получает научное понимание и верную концептуальную трактовку. Эта трактовка заключается в том, что человек не Робинзон либеральной социологии и политэкономии, он отдельно не существует. Он не сказочный Маугли Кипплинга и не Кай логических суждений. Он не единственный в обществе властелин, о котором, как сообщил в красной яранге

односельчанам мудрый чукча, вернувшийся со съезда партии: «Партия учит – все во имя человека. Все на благо человека и чукча видел этого Человека!». Вопрос, следовательно, заключается в создании системы социального устройства, альтернативной западной, где во главе угла стоит идеологема приоритета личности и практика учета коллективных социальных интересов. Не потому ли уничтожил Запад прежнюю независимую Ливию, что народная Джамахирия создала альтернативное и во многом подобное советской власти справедливое общественное устройство, в котором личность свободна и права человека не были нарушены? Такое совершенное устройство достижимо при сочетании передовой теории и традиционной практики социального народного жизнеустройства. Сегодня в России возникают условия для обеспечения такого гармоничного сочетания национально-освободительных реформ и евразийско-культурологического дискурса модернизации. Вопрос заключается в формировании элитой такого модернизационного дискурса, который был бы органически принят российским народом. Такой дискурс может выглядеть только как предельно откровенное «Слово к народу» национального лидера и его национальной элиты, начинающийся с обращения: «Братья и сестры!».

И.С. Колесова
Филиал УрГПУ, Новоуральск

СОБОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕГО ОЦЕНКА Е.С. ТРОИЦКИМ

За последние десятилетия в России произошли изменения в политическом устройстве, трансформировался экономический уклад, система социально-культурных ценностей российского общества. Остро встала проблема поиска новых ориентиров духовного и социального развития страны, создания современных экономических моделей и политических институтов, адекватных вызовам современности. Для ее решения целесообразно обратиться к историческому опыту русской духовной культуры, произвести рациональную реконструкцию и анализ ее ведущих сквозных тем, одной из которых является идея соборности. Многие современные ученые и общественные деятели видят в соборности ресурсно-мобилизационный механизм для будущего социального и государственного развития России. Ее рассматривают как «генетический код российского социума», фундамент новой российской государственности. Соборность трактуют как энергетический ресурс русской культуры, опору, с которой возможно поднять русский дух и обеспечить возможность выживания страны. Эти мысли

звучат в работах С.С. Аверинцева, В.В. Горбунова, А.В. Гулыги, А.Ф. Замалеева, А.Л. Казина, В.И. Курашова, Н.Н. Моисеева, А.С. Панарина, В.Н. Сагатовского, Е.С. Троицкого, Л. Е. Шапошникова, С.С. Хоружего, В. Холодного.

Несмотря на возрастающее количество современной научной литературы, посвященной использованию соборного потенциала для возрождения российского общества, проблематика соборности до сих пор еще не раскрыта во всей полноте.

Автор монографии «Российское общество, природа и космос в свете русской соборности» известный русский философ и политолог Е.С. Троицкий с сожалением отмечает, что соборность как черта русского мирозерцания, стержень национальной духовности «полузабыта». Ученый, несомненно, прав, когда призывает усиленно работать над соборностью, вскрыть ее духовно-исторические и социальные истоки. Внося весомый вклад в решение приоритетной для многих поколений отечественных обществоведов задачи, Е.С. Троицкий, связывая эмбриональные формы соборности с древнеславянской мифологией, правильно указывает на ее православные истоки [1, с. 24–32]. Однако данные указания не сопровождаются глубоким обстоятельным анализом генезиса соборности. Его отсутствие привело мыслителя к ложному убеждению, что соборность – родовая характеристика, на основе которой обеспечивается единство людей в рамках некоего рода. Исходя из этого, ученый особое внимание уделяет не церковным, а общественным, человеческим истокам соборности. Указывая, что ее проявления можно обнаружить и в сельской общине, и в русской артели, в семейном и экономическом укладе русских людей, мыслитель по сути отождествляет соборность и коллективизм, тогда как сущностный смысл соборности с коллективизмом не совпадает и является полной ему противоположностью. В этом можно убедиться, обратившись к рассмотрению проявлений соборных начал в социальной сфере у А.С. Хомякова, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, В.И. Иванова и др. Доминирующей мыслью в их взглядах на соборность является та, что различные «коллективистские теории», не опирающиеся на духовное основание, есть проявление «лжесоборности», которая отрицает во имя низшего и стихийного... высшее и благодатное» [2]. Если в соборной жизни личность возводится к высшему соборному единству, не теряя своей индивидуальности, то коллектив строится на основании инстинкта стадности. Личность в коллективе теряет свою неповторимость и, вступая в соглашение с другими, принимает определенные правила, которые носят принудительный характер. В результате личность становится средством для реализации целей коллектива. Духовное единство заменяется «душевно-телесным», на первый план выходят материальные интересы. Таким образом, идеальное соборное единство может быть реализовано лишь в православной церкви, ибо «ду-

ша православия есть соборность». Правильное «течение социальной жизни» должно определяться соборностью церковной. Не принимая во внимание данных интенций, Е.С. Троицкий считает, что соборность, восходящая к национальным традициям, жива и сейчас. Она рельефно проявляется в забастовках российского рабочего класса, в движении против превращения России в полуколонию транснационального капитализма, в стремлении возродить традиционную соборную семью, обрести личное счастье и общественное здоровье. Активное соборное взаимодействие людей в современном мире способствует формированию осознанного отношения к окружающей среде и, в глобальном измерении, к поддержанию равновесия в биосфере [1, с. 150–169].

В связи с этим особое значение для возрождения русской цивилизации обретает философия русского космизма. Мыслитель отмечает, что видное место в соборном христианском обосновании космизма занимает философия общего дела Н.Ф. Федорова и философия всеединства В.С. Соловьева. Автор замечает, что анализ соборности осуществлялся этими мыслителями с широких мировоззренческих позиций, но не останавливается на противоречиях и недостатках их концепций. Мы же убеждены, что для адекватного представления о соборности, необходимо настоятельно подчеркнуть, что именно с В.С. Соловьева в русской религиозной мысли наметилась тенденция к подмене идеи царствия небесного на идею царства Божиего на земле. В результате внедрения внешних форм церковной жизни в мирскую систему ценностей, в соловьевской утопии церковная благодатная соборность подменяется общественно-органическим холизмом.

Несостоятельность трактовки соборности у Н.Ф. Федорова основана на искажении христианского содержания идеи воскрешения. Философ весь смысл этой идеи сводит к телесному воскрешению, забывая о духовном преображении людей. Такой же противоречивой является идея храма, предложенная мыслителем. Он наделяет храм функциями, не свойственными для традиционного православия. Нарушая гармонию соборной метафизики, Федоров подменяет идею церковной соборности идеями натуралистической соборности, выстроенной на естественно-научной базе. Ожидаемое воскресение «должно быть не только христианским делом, внехрамовой литургией, но и делом позитивно-научным, техническим» [3, с. 237]. Спадает пелена мистицизма, но крепнет вера в возможность переделки земного бытия и воплощения царства Божия на Земле. При этом соборность как религиозный православный идеал, огрубляясь материей, утрачивает свою привлекательность и разрушается.

Отсутствие критических оценок в концептуальном обосновании социально-политического переустройства России на основе соборности у Е.С. Троицкого, является, пожалуй, главным недостатком. Поверхностный анализ экклезиологических оснований соборности, невнимание к метафи-

зическим идеям христианской патристики приводит автора к ошибочным выводам, о том, что соборность не только церковная, но и светская социально-политическая ценность, отсюда же следуют досадные неточности в терминологии: бессмертное творение Андрея Рублева именуется картиной. Общеизвестно, что икона отличается от картины своей целью и присущим ей трансцендентным смыслом.

Получается, что для исследователя соборность представляет человеческий вариант субстанционального первоначала, тогда как соборность имеет опытную экклезиологическую природу. Ее источник «...изначальная тайна христианского откровения, догмат о Пресвятой Троице» [4, с. 698]. Соборность – «не человеческая, а Божественная характеристика» [5, с. 277]. Представления о соборности, выработанные в русской философии, несут в своем основании идеал Божественной Истины. «Направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице» [6], поэтому какими бы оригинальными концепциями соборности (В.С. Соловьев, Е.Н. и С.Н. Трубецкие, П. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.С. Бердяев, С.Л. Франк и др.) не была обогащена русская философская мысль, она изначально была ориентирована на первоисточник, созданный в лоне православия. Русскими философами соборность воспринималась и получала осмысление через призму догматов Восточной Церкви. Сосредоточив свое внимание на православной мысли, русские религиозные философы двигались от философии к богословию. Отсюда следует, что сущностное понимание соборности может быть установлено только при условии мыслительного приобщения к бытийному опыту той духовной традиции, в рамках которой данное понятие было сформировано, т. е. к бытийному опыту русской православной Церкви.

Исходя из этого, весьма спорно утверждение Е.С. Троицкого о том, что не правы «те ученые, политики, которые стремятся сузить рамки соборности лишь духовной сферой», «изобразить ее лишь принципом сугубо церковного устройства» [1, с. 104]. Он предлагает расширять сферу благотворного действия великого учения на некоторые общественные и идеологические институты (совхоз, колхоз, доктрины коллективизма и смешанной экономики) вплоть до глобальных размеров. Так ли это необходимо? И возможно ли расширять границы применимости этого понятия до глобальных масштабов без превращения его в поэтическую метафору или в политический лозунг, извращающий его первоначальный смысл? Дело в том, что соборность, составляя духовное основание эмпирического бытия и проявляясь на его уровне, не может быть понята по аналогии с другими видами единства мира сего. Соборность не подчиняется законам этого мира. Напротив, здешний мир существует благодаря неотмирной логике соборности. Только учитывая сверхбытийную основу соборности, направляя

мысль в русло экзистенциального опыта соборности, можно приблизиться к ее адекватному пониманию, минимально искажая ее смысл.

Признавая весомый вклад Е.С. Троицкого в современный философский дискурс соборности и во многом разделяя его взгляды на роль соборности в социально-политическом переустройстве России, мы, исследовав ее генезис, убеждены, что созданная в рамках эkkлeзиoлoгии, концепция соборности имеет в виду мистическую реальность Церкви, а не профанную земную реальность. Потенциал соборной онтологии остается все-таки в области трансцендентного. Этот высокий идеал может служить путеводной звездой, но вряд ли стоит пользоваться им как обыкновенным компасом. Вероятно, следует быть осторожнее в использовании тех или иных терминов и понятий для построения современных социально-политических концепций, не уяснив их истинных корней и значений.

Библиографический список

1. Троицкий Е.С. Российское общество, природа и космос в свете русской соборности. М.: Издательская группа «Граница», 2010.
2. Булгаков С.Н. Два града [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldenship.ru/load/b/bulgakov_s_n/dva_grada_bulgakov_s_n/258-1-0-1144.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Москва -Хранитель, 2007.
4. Лосский В.Н. О третьем свойстве Церкви // В.Н. Лосский. Боговидение. М.: ООО «АСТ», 2003.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006.
6. Киреевский И.В. Собр соч. М., 1911. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kodges.ru/107068-kireevskij.-polnoe-sobranie-sochinenij-v-2-x-tomax.html>.

А.Ф. Посыпайко
УГЛТУ, Екатеринбург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вопрос социальной справедливости непосредственно связан с массовыми настроениями людей любой страны, которые в свою очередь могут преобразовываться в колоссальные события, меняющие политические режимы, дестабилизирующие государство и иногда приводящие к его развалу. Начинается все с внутреннего мира человека, с его психологического

состояния, ощущения комфорта или дискомфорта. В этом пространстве как раз и возникает представление о справедливости, возникают заметные исторические эксперименты в виде «уровнировки» или, наоборот, «государства всеобщего благоденствия».

Сегодняшняя ситуация с социальной справедливостью и социальным государством в России весьма неутешительна. Наряду с удручающим морально-нравственным состоянием российского общества [1], практически постоянным стало упоминание такой неприглядной социальной характеристики, как усиливающаяся проблема бедности и неравенства. В работах по социально-экономической тематике нередко можно встретить ссылку на децильный коэффициент, фиксирующий отношение доходов 10 % самых бедных к 10 % самых богатых в стране. Для европейских стран это соотношение составляет 1 к 6 или 8, а в России – 1 к 16. В случае, когда этот разрыв более 1 к 10, как писал академик Л.И. Абалкин, возникает предел, «...за которым следует стремление к скорейшему обогащению, агрессии и социальной нестабильности» [2, с. 11].

По мнению социологов, сегодня речь идет не просто о росте количества бедных, но гораздо более тревожной тенденции – консервации этого явления, превращения самых малообеспеченных слоев в социальный андеркласс, людей выпавших из социальной структуры общества, с присущими ему чертами социальной исключительности. Углубление дифференциации денежных доходов и потребительского поведения населения происходит по причине увеличения разрыва между уровнями заработной платы работников ведущих и депрессивных отраслей экономики, опережении темпов инфляции над индексацией денежных доходов населения и т. д. Действие этих и других факторов приводит к увеличению разницы в доходах самых бедных и наиболее богатого населения, усилению поляризации общества. В реальной жизни это означает, что богатые богатеют более быстрыми темпами, чем растет уровень жизни остального населения. Данные приводимые Л.А. Беляевой за 2000–2010 гг. показывают, что объем доходов трех наименее оплачиваемых 20 %-х групп населения сокращается, тогда как четвертая и пятая доходные группы все более концентрируют в своих руках доходы. В 2000 г. две группы получали 68,7 % всех доходов, а в 2010 – уже 70,2 % , в том числе 47,7 % сконцентрировано верхней, наиболее доходной группой. Численность бедного населения за первое десятилетие XXI столетия стабилизировалось на уровне одной трети взрослого населения страны, а вместе с теми, кто относит себя к необеспеченным, численность составляет 50 %. При этом правда наблюдается и положительная тенденция: по данным международного опроса в России в 2010 г. по сравнению с 2008 г. плохо обеспеченное население сократилось на 7 %. Соответственно, до 45 % увеличилась численность тех, кто считает свой доход достаточным для жизни или живет вообще без материальных затруднений [3, с. 9].

Известно, что стабильность в обществе создает средний класс, а вот темпы его роста у нас в стране замедляются и в абсолютных цифрах его просто не хватает для стабилизации положения в стране. В 2010 г. рост среднего класса составил по сравнению с 2006 г. только 2 %. В Москве средний класс составляет 45 %, в крупных городах 31 %, малых городах и на селе соответственно 24,25 % и 13 % [3, с. 9]. Дети представителей среднего класса в большей мере склонны к эмиграции, чем представители других слоев. Это говорит о наличии чувства неуверенности, неудовлетворенности жизнью и об отсутствии достойных перспектив в своей стране у молодого поколения среднего класса, который хотел бы иметь больше перспектив, чем он имеет сегодня. Стагнация численности среднего класса в последние годы свидетельствует об исчерпанности резервов роста в том русле экономического развития, в котором двигалась Россия.

Возникает вопрос: почему в России, несмотря на официально провозглашенный в 1990-х гг. принцип социального государства и попытки властей в 2000-е гг. предложить решение социальных проблем в форме национальных проектов, до сих пор не сформировалась цивилизованная форма отношений между богатыми и бедными? Надо ли искать ответ в русской ментальности или причины находятся в слабости российской демократии? Вот что пишет по этому поводу, с интересующей нас точки зрения, профессор В.Г. Федотова, описывая механизм формирования социальной демократии в странах Западной Европы и демократию в России: «Общий концепт западной демократии предполагает наличие ограничений в деятельности государства, идущих от общества. Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль граждан, называется гражданским. Оно является самоорганизованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т. д.» [4, с. 431]. В основе социального государства как особой политической формы должен лежать классовый компромисс между предпринимателями, профсоюзами, государством и негосударственными организациями, т. е. разумное самоограничение каждой из сторон ради достижения социальной справедливости для общего блага. К великому сожалению, гражданское общество в России находится только в зачаточном состоянии и контролировать решения властных структур просто некому. Но сегодня политическая элита понимает, что для успешного проведения модернизации в стране важно постепенно исключать из социального пространства страны риски и напряженности, создавать в обществе атмосферу доверия и согласия. Необходим такой общественный договор, который смог бы если не полностью, то хотя бы частично решать принципы социальной справедливости и превратить рынок в институт со-

циальных инноваций через защиту государством рынка от монополизма и криминала. Социальное неравенство прежде и теперь особенно болезненно воспринимается в русской народной ментальности. Известно, что критика социализма была во многом связана именно с нарушением социальной справедливости, несовпадением провозглашенных идеалов равенства, справедливости, гуманности с реальной действительностью.

Внимание многих мыслителей, начиная с античности, привлекали основания и принципы, условия и методы достижения социальной справедливости. Платон рассматривал справедливость как добродетель правильного отношения к другим людям. Аристотель рассматривал справедливость как распределение благ количественно всем поровну, уравнивающее людей независимо от достоинств и недостатков конкретных личностей. Г. Бабеф, французский коммунист-утопист, определял абсолютную справедливость одинаково равного распределения, а немецкий философ К. Маркс писал об относительной, дистрибутивной справедливости распределения в зависимости от потребностей. До настоящего времени продолжают споры о содержании понятия «социальная справедливость», и в тоже время достижение социальной справедливости обозначено главным приоритетом современной государственной политики России [5].

Разные трактовки понятия «социальная справедливость» связаны с разными философскими, психологическими, политическими, экономическими подходами. Это отражается в трактовках дефиниции «социальная справедливость», которые модифицируются в историко-временном пространстве и имеют этнонациональные, профессионально-статусные особенности восприятия и проявления. Категория «социальная справедливость» имеет отличные характеристики в философском, экономическом и юридическом смысле. Как философская категория справедливость рассматривается в плане морально-нравственных отношений и в аспекте веры, как юридическая категория она рассматривается в аспекте равенства прав и свобод, как экономическая категория она рассматривает отношения распределения.

Социальная справедливость, как общественная реальность, в определенных пространственно-временных, историко-географических, этнонациональных, конфессиональных условиях во многом определяется институциональным порядком государственного устройства. Как институциональное отношение, с позиции праведности, правды и права, социальная справедливость регламентируется нравами, устоями, обычаями, традициями, правилами, законами, а с позиции равенства – принципами и технологиями социальной организации и управления. Характерными являются и отличия восприятия социальной справедливости на уровне государства и отдельной личности. С позиции государства на первый план выходит правовое, а с позиции конкретного человека – праведное, правдивое содержание социальной справедливости.

Расслоение общества по доходам, как мы видим, количественно измерено, стратификация по властным полномочиям и возможностям качественно оценена, но не определены общие стандарты социальной справедливости на уровне государства, а законы, регулирующие отдельные нормы гражданской социальной справедливости, плохо исполняются. В этой связи необходимым является исследование понятия социальной справедливости и степени ее реализации в современной государственной политике. Движение к достижению социальной справедливости предполагает необходимость формулирования на государственном уровне ее принципов и критериев. Под принципами в данном контексте надо понимать правила и установки, которыми нужно руководствоваться при создании условий и механизмов достижения социальной справедливости. Под критериями – признаки, на основании которых производится проверка соблюдения или несоблюдения социальной справедливости, а также каковы последствия от их несоблюдения. Из этого следует, что для каждой социально-экономической ситуации необходимо сначала сформулировать свои критерии и затем уже вырабатывать общую стратегию и механизмы, обеспечивающие реализацию социальной справедливости.

Проблема справедливости в нынешнем понимании возникает с появлением государства, когда власть осуществляет распределение выгод и тягот в обществе посредством права. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, именно поэтому понятие справедливости и стало одним из важнейших понятий в социальной философии. В последние сорок лет рамки представлений о справедливости задаются работами профессора Гарвардского университета, американского философа Джона Ролса (1921–2002). Его главный труд «Теория справедливости» вышел в 1971 г. Каковы же главные постулаты его труда? Во-первых, он пришел к выводу, что исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля о том, что справедливость является ценностью высшего уровня. Справедливость, по мнению Д. Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике. Во-вторых, уровень справедливости измеряется положением наиболее обездоленного слоя общества. Неравенство, которое не идет на пользу всем является несправедливостью. Таковы выводы либерального американского философа.

В России сегодня проблема справедливости заключается, на наш взгляд, не в том, как сделать всех общественных субъектов равными в уравнительном смысле, а как достичь меритократического социального неравенства, т. е. как создать начальные условия для объективно одаренных людей, чтобы они в будущем имели шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции, и как связать различия между доходом и собственностью, которая принадлежит людям, с их навыками, индивидуальными усилиями и результатами профессионального труда. В этом смысле социальная справедливость означает, что люди

получают то, что заслуживают на основе оценки и использования некоторых общепринятых в обществе принципов, согласованных с нормами морали и нравственности. Наличие в обществе социальной справедливости укрепляет уверенность людей в преемственности их самоидентификации и в постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они действуют. Однако социальная справедливость в российском обществе слишком блокирована корпоративными или групповыми интересами. Узкий коридор индивидуальных возможностей для развития экономической самостоятельности и гражданской инициативы делает малоперспективным усилия неимущих групп подняться выше. Наличие этих факторов в значительной мере деформируют существующие в общественном сознании представления о справедливости или несправедливости общественного устройства и структурированности социальной реальности. Социальная справедливость непосредственно связана с основными правами и свободами граждан, особенно теми, которые в свою очередь, связаны с реализацией права собственности, социальным обеспечением, распределением доходов, поскольку только из этой справедливости вытекает моральная обязанность для людей подчиняться правовым нормам. Наличие в государстве идеологии социальной справедливости гарантирует обеспечение минимально приемлемых и достойных условий жизни.

Библиографический список

1. Юревич А.И. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10.
2. Абалкин Л.И. Теория социальных альтернатив неизменна // Независимая газета. 2010. № 6 (59). Приложение «НГ-Политика».
3. Беляева Л.А. Социологические аспекты модернизации регионов // Философские науки. 2012. № 7.
4. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005.
5. Выступление В.В. Путина на общероссийском съезде партии «Единая Россия» 27 ноября 2011 г.

В.С. Каташинских
УрФУ, Екатеринбург

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Образование так или иначе связано практически со всеми областями жизнедеятельности человека. Многие вопросы, связанные с проблемати-

кой образования, носят междисциплинарный характер, так как для современных образовательных процессов присуща тенденция к ассимиляции к традициям и развитие в рамках потребностей общества.

Социальный институт образования играет важную роль в процессе нормального функционирования и развития общества. Накопленные трудом предшествующих поколений материальные и духовные ценности, знания, опыт, традиции должны быть переданы новому поколению людей и усвоены ими. Эта проблема решается в процессе социализации индивидов, задачей которого является приобщение человека к нормам и ценностям культуры и превращение его в полноправного члена общества.

Высшее профессиональное образование является этапом в жизни многих людей, поэтому входит в концепцию непрерывного обучения. С 2003 года в рамках Болонского процесса и российское образование придерживается политики, поддерживаемой европейскими странами. Среди ее целей – создание непрерывного обучения в сфере высшего образования. С момента запуска Болонского процесса европейские принципы по проектированию систем высшего образования переплетаются с национальной политикой и реформами каждой из стран-участниц, включенных в широкомасштабные изменения многих систем высшего образования. Среди теорий, которые обеспечивают более тесное понимание процессов интернационализации, теоретическое обоснование новой институциональной базы, теории, разработанные в контексте так называемой школы Стэнфорда. Исследования в этом контексте основное внимание уделяют, в частности, процессам и последствиям распространения в мировом масштабе конкретной образовательной или социальной идеи. Новая политика предполагает, что международное сообщество предоставляет идеи и образцы для подражания как для политических деятелей, так и для общества в целом. На основе обмена между государствами и людьми идеи широко распространяются и впоследствии должны найти отражение в документах о национальной политике и в повседневной жизни. В связи с этим «международные организации – как правительственные, так и неправительственные – являются особенно значимыми, поскольку они оказывают влияние на национальную политику развития путем распространения политических идей» [1, с. 60]. В контексте образования их основные инструменты – обмен информацией, уставы и конституции, нормативные технические и финансовые ресурсы. Международные организации представляют идеи, обсуждавшиеся на глобальных форумах, стараются адаптировать их к странам-участникам или их окружающей среде и, следовательно, распространить мировые культурные принципы в рамках их деятельности. Распространение и создание образования как института, играющего центральную роль в современном обществе, является ярким примером таких процессов, которые часто происходят независимо от социальной истории и национальной культуры.

Социологический подход к изучению высшего образования как социального института позволяет осветить все грани данного явления. Ведь социологические проблемы образования отражают противоречивые взаимодействия системы образования с обществом как глобально-социальной системой. Также весь спектр внутренних противоречий между субъектами образовательного процесса изучается в рамках институционального подхода, что позволяет не просто создать общую картину расстановки сил и положения дел в институте образования, но и разработать пути преодоления этих противоречий, а также рекомендации и стратегии по развитию института образования. В связи с чем институт образования имеет множество функций, касающихся всех сфер жизни общества. Таким образом, институт образования можно назвать полифункциональным. Определение функций высшего профессионального образования способствует созданию системы параметров для измерения уровня развития образования, а также его качественных характеристик. Функции высшего образования можно условно разделить на социальные, экономические, культурные и социально-политические.

Социальные функции высшего профессионального образования реализуются через связь личностей, включенных в экономические, политические, духовные, иные социальные связи. Если различные сферы и отрасли жизнедеятельности человека производят определенную материальную и духовную продукцию, а также услуги для общества, то институт высшего образования создает личность, воздействуя на интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие человека. Это определяет ведущую социальную функцию высшего образования – гуманистическую. Также к социальным функциям образования следует отнести формирование социальных общностей на основе участия в образовательном процессе, а также отношения к образовательным ценностям, их сохранению и передаче.

По мере того, как в обществе все большее количество достижимых статусов обусловлено наличием или отсутствием высшего профессионального образования, все более актуальной становится и такая функция образования, как социальная мобильность. Образование во всем мире закономерно становится главным каналом социальных перемещений, как правило, восходящих, ведущих индивидов к более сложным видам труда, большим доходам, престижу. Итак, можно заключить, что важнейшей социальной функцией высшего образования является «включение молодежи в социальную жизнь и влияние высшего образования на различные виды социальной структуры в обществе» [1, с. 319].

Но каждый член общества участвует не только в социальной жизни общества, но и в экономической и культурной. Поэтому к следующему блоку функций института высшего образования отнесем экономические.

Основной экономической функцией образования является формирование профессионально-квалификационного состава населения. С количественной точки зрения система образования отвечает за воспроизводство профессионально-образовательного состава населения, а с качественной – чем выше уровень качества образования, тем выше уровень профессиональной квалификации членов данного общества.

Еще одна немаловажная экономическая функция образования – формирование потребительских стандартов населения. Роль образования в экономике шире производственных аспектов. Она проявляется в потреблении благ, информации, культурных ценностей, природных ресурсов. Эта функция определяет главное содержание неформального образования, протекающего в семье или конструируемого СМИ. Потребительская культура в современном мире во многом определяет и общий уровень культуры населения того или иного государства.

Функции института высшего образования по формированию потребительских предпочтений граничат с функциями в области культуры, ведь культура потребления в современном мире зачастую определяет общую культуру личности. Главная функция образования в сфере культуры – воспроизводство социальных типов культуры. Культурные ценности, нормы, традиции любого общества прививаются индивиду в процессе его социализации: посредством семьи, референтной группы, СМИ. Немаловажную роль в данном процессе играет образование индивида, ведь в процессе образования происходит не только восприятие и передача культурных и духовных ценностей общества, они подвергаются дискуссиям, в ходе которых формируется мировоззрение индивида.

Формирование мировоззрения индивида, личности – не только социализация конкретного человека, но и интерес государства, поэтому обязательным компонентом образования, особенно высшего, являются правовые нормы и политические ценности. Образование с политической точки зрения – крайне важная сфера жизни общества. Ведь именно в процессе получения образования индивид приобретает определенную гражданскую позицию. С другой стороны, посредством высшего образования государство прививает своим гражданам определенную политическую позицию, взгляды и интересы. Также система образования практически напрямую влияет на политический облик страны на мировой арене. При этом чем выше качество образования в государстве, тем квалифицированнее ее граждане, тем большим авторитетом страна пользуется в международном пространстве.

Также значимой функцией института образования является обеспечение высокого качества образования. Качество образования – фундаментальная характеристика образования, включающая систему показателей, ориентированных на разные цели, разных пользователей, разные управ-

ляющие воздействия. Обеспечение качества высшего образования предполагает поддержание качества высшего образования (как результата, как процесса, как образовательной системы) на уровне не ниже установленных норм, требований, стандартов. По определению профессора Э.М. Короткова, «качество образования – это комплекс характеристик профессионального сознания, определяющих способность специалиста успешно осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями экономики на современном этапе развития» [2, с. 15]. Таким образом, обеспечение высокого уровня качества образования – внутренняя функция, способствующая гармоничному функционированию и развитию социального института образования в целом.

Исходя из вышеперечисленных функций высшего профессионального образования, можно сформулировать его цель. Цель высшего профессионального образования сегодня заключается в том, чтобы подготовить конкурентоспособную личность, востребованную на рынке труда, развить у учащихся потребность в самосовершенствовании, в образовании в течение всей жизни. При этом ключевыми задачами выступают ценностные ориентации, направленные не только на экономические мотивы: доходы, прибыль, уровень собственного благополучия и т. д., но и гуманистические – человеческая личность, духовные ценности, творческая самореализация и т. д.

До недавнего времени в существующей системе высшего профессионального образования студенту предлагались готовые цели, которые он должен был принять, стандартное, жестко структурированное содержание образования, устоявшаяся форма работы учащегося и контроля его знаний. В рамках реформирования системы высшего профессионального образования студенты все больше становятся субъектом образовательного процесса. Превращение учащегося в субъекта, заинтересованного в самоизменении, обуславливает в дальнейшем становление его как профессионала, способного к построению своей деятельности, ее изменению и развитию [3]. Это становится возможным благодаря участию России в Болонском процессе и принятию его основных положений, вследствие чего в российском образовании внедряются новые методы и методики. Все это позволяет поддерживать и развивать способности и склонности студента, учит его самостоятельно мыслить, анализировать и обобщать получаемую информацию. Сегодня большинство преподавателей стремится выбирать наиболее эффективные формы и методы обучения. Но, к сожалению, по сей день самым распространенным вариантом организации учебного процесса является так называемый метод «ты мне – я тебе», когда преподаватель излагает лекционный материал, а затем студент, выучив его, докладывает на семинарах. Но для учащихся он малоэффективен, так как не дает возможности самостоятельного изучения материала, поиска чего-то нового.

Таким образом, функции и цель высшего профессионального образования – оптимальное раскрытие личностных, деятельностных и индивидуальных резервов студентов. Данный процесс должен идти на протяжении всего периода обучения студента в вузе. Сейчас как в России, так и на Западе действует двухуровневая модель высшего профессионального образования, которая включает в себя бакалавриат и магистратуру. Другими словами, для эффективного достижения целей высшего профессионального образования, реализации всех его функций в обществе необходимо четко следовать всем намеченным изменениям в рамках текущего реформирования института.

Библиографический список

1. Зборовский Г.Е. Социология образования. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 1994.
2. Коротков Э.М. Управление качеством образования: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект: Мир, 2006.
3. Шехтер М.М. Цель и задачи высшего образования в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: http://psy.tsu.ru/data/pdf/4_31.pdf.
4. Jakobi, Anja P., Rusconi A. Lifelong learning in the Bologna process: European developments in higher education. Compare: A Journal of Comparative and International Education; 2009. Vol. 39. Issue 1. P. 51–65.

И.А. Кох
УГТУ, Екатеринбург

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Значительная часть населения в России проживает в малых городах. Создание благоприятных условий для их жителей – важнейшая задача органов власти, прежде всего муниципальных органов управления. Центральное место в решении этих проблем принадлежит социальной инфраструктуре городов. От комплексного и сбалансированного развития службы быта, коммунального обслуживания, образования и здравоохранения и других объектов инфраструктуры в первую очередь зависят удовлетворение потребностей и благополучие горожан. Поэтому можно утверждать, что в социальной инфраструктуре материально закрепляются цивилизационные перемены для большинства населения в стране.

В Уральском регионе большое количество малых городов возникло в местах расположения предприятий по добыче полезных ископаемых и их переработке. Это было обусловлено территориально-отраслевым разделением труда в регионе. Огромные запасы полезных ископаемых на Урале создали благоприятные условия для развития горнодобывающей и горно-металлургической промышленности. С другой стороны, во время Великой Отечественной войны из европейской части страны были эвакуированы многие машиностроительные заводы, которые остались здесь после окончания войны. Сосредоточение горнодобывающих и металлургических предприятий придало горнозаводской облик городам в Уральском регионе. К тому же большей частью они относятся к монопрофильным городам с градообразующими предприятиями, которые в период экономических и политических реформ оказались в очень трудном положении.

Развитие социальной инфраструктуры монопрофильных городов находится в большой зависимости от экономического положения дел на градообразующем предприятии. Наличие в городе крупного градообразующего предприятия, на котором занято иногда до половины всего трудоспособного населения, в советское время нередко обеспечивало всю социальную сферу, включая жилье, образование, здравоохранение, учреждения культуры и мн. др. Предприятия фактически содержали значительную долю социальной инфраструктуры монопрофильных городов посредством прямого участия, а также через налоги в бюджет муниципального образования или социальные программы. С другой стороны, если предприятие переживает экономические трудности, то сразу возникает кризисная ситуация, резко возрастает безработица, снижается уровень жизни населения, сокращается финансирование бюджетных учреждений и сферы социальных услуг. Недостаточный учет демографических и природно-климатических условий при размещении предприятий обуславливает высокую вероятность дестабилизации их социального развития.

Социальная инфраструктура является ключевым звеном в повышении уровня и качества жизни. Качество жизни населения монопрофильных городов является важнейшим показателем уровня социального развития. Оценка качества жизни предусматривает оценку не только уровня материального благосостояния людей, но и их здоровья, образования, сохранения окружающей среды, реализации прав и свобод, комфортности проживания. Для проведения количественной оценки целесообразно выделить наиболее важные статистические показатели, позволяющие охарактеризовать состояние основных социальных сфер, определяющих качество и уровень жизни человека в монопрофильных городах. Там, где это позволяет структура данных, обобщаемых органами государственной статистики, следует использовать показатели, оценивающие социальные явления как в статике, так и в динамике. Однако не менее важно учитывать субъективные оценки

населения, прежде всего удовлетворение потребностей жителей городов услугами предприятий социальной сферы с помощью массовых и экспертных опросов.

В условиях трансформирующейся экономики монопрофильные города оказались в наиболее сложной социально-экономической ситуации исходя из объективных условий: процессов реструктуризации производства, высокой зависимости хозяйственного комплекса от экспорта сырья и т. д. Кризис в экономике и социальной сфере в Российской Федерации наиболее остро сказался на положении городов и поселков, созданных на базе градообразующих предприятий, монопрофильных городских поселений, поселков городского типа. Спад объемов производства, нестабильность государственных заказов, хронические неплатежи привели к тому, что большинство градообразующих предприятий оказалось в критическом положении. Сложившееся положение нередко угрожает существованию монопрофильных городов, их устойчивому развитию и может привести к необратимым последствиям для экономики и уклада жизни населения, но имеет определяющее значение для стабилизации социально-экономической ситуации в регионе.

Изучая монопрофильные города, следует принимать во внимание, что в большинстве своем это малые города со всеми вытекающими отсюда последствиями, положительными и негативными свойствами. Определение перспектив развития малых городов в условиях реформирующейся экономики сталкивается с определенными трудностями, обусловленными избранными стратегиями развития. Необходим особый подход к определению перспективной экономической и социокультурной модели малых городов в сложных экономических условиях. Стратегия перспективного развития малых городов должна определяться особенностями природных условий и возможностями реструктуризации хозяйственной деятельности. При прогнозировании путей экономического, социального и культурного развития городов важно учитывать потребности населения.

Спад объемов производства и реализации продукции градообразующих предприятий приводит к сокращению местных налогов. Отсутствие средств в бюджетах городов на развитие муниципальной инфраструктуры, на решение социально-экономических вопросов, на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы и коммунального обслуживания – это факторы, определяющие социально-экономическое положение малых городов области, и тем самым их социокультурное развитие. Наиболее действенным средством активизации малых городов является развитие промышленности, более комплексное использование природных ресурсов, совершенствование технологии производства, освоение новых видов продукции. Следовательно, перспективы существования монопрофильных малых городов неразрывно связаны с развитием и поддержкой градообра-

зующих предприятий, что определяется возможностями производственных отраслей, а также развитием альтернативных отраслей хозяйствования, развитием новых направлений специализации и диверсификации региональной экономики с учетом природно-экономических и социокультурных особенностей региона.

В малых городах России социальная сфера оказалась в сложном экономическом положении вследствие хозяйственных реформ 90-х годов. Большинство малых городов возникли как поселения вокруг крупных предприятий, быстро утвердившихся как градообразующие. Эти предприятия изначально взяли на свое содержание значительную часть социальной инфраструктуры, в том числе жилье, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, часть учреждений здравоохранения, образования и культуры.

Социальное развитие многих малых городов оказалось в большой зависимости от экономического положения на градообразующем предприятии. Наличие в городе крупного градообразующего предприятия, на котором занято иногда до половины всего трудоспособного населения (например, города Урала – Североуральск, Зареченск, Серов, Качканар в недавнем прошлом), имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, как правило, в большинстве случаев заработная плата или доходы работающих на таком предприятии по данным статистики всегда выше, чем у работающих на других предприятиях. Предприятия обычно содержали значительную долю социальной инфраструктуры городов, иногда посредством прямого участия, а также через налоги в бюджет города или социальные программы. Однако в условиях экономических кризисов предприятия переживают экономические трудности, при этом сразу возникают проблемы с содержанием социальной сферы, снижается уровень жизни населения, сокращается финансирование бюджетных учреждений и сферы социальных услуг.

Принципиальное значение для понимания динамики социального развития малых городов имеет положение в сфере занятости населения, отличительной характеристикой которых является монополизация градообразующим предприятием сферы использования трудовых ресурсов. Жесткая зависимость численности и структуры занятых (следовательно, и незанятых работников) от потребностей градообразующего предприятия является главным фактором, обуславливающим появление специфических диспропорций в развитии моноспециализированных рынков рабочей силы, а также структуру безработицы. В современных рыночных условиях градообразующее предприятие является монополистом на локальном рынке труда и, при прочих равных условиях, будет проявлять меньший спрос на рабочую силу и выплачивать меньшую зарплату, чем предприятие, действующее в условиях нормальной конкуренции. Особенности производственной тех-

нологии градообразующего предприятия определяют и половозрастную структуру спроса на рабочую силу в монопрофильном городе.

В 2011–2012 году нами было проведено социологическое исследование проблем социального развития малых городов Свердловской области – Североуральска и Заречного, в рамках которого был осуществлен массовый анкетный опрос населения (опрошено по 400 человек в каждом городе), и проведена фокус-группа по социальным проблемам города Заречного. Исследование позволило выявить ряд специфических проблем развития социальной инфраструктуры этих малых городов региона.

Заречный – небольшой город в Свердловской области, расположенный на востоке от Екатеринбурга. Градообразующим предприятием является Белоярская АЭС. Население составляет 32,7 тыс. жителей. В состав городского округа входят 6 населенных пунктов. Город возник в связи со строительством Белоярской АЭС (БАЭС), предназначенной покрыть дефицит электроэнергии в Свердловской области и для экспериментальных работ. БАЭС – вторая промышленная атомная электростанция страны после Обнинской – первой в мире. Город отличается высокий уровень образования и квалификации трудовых ресурсов, специфическая научная, экспериментальная и производственная база: здесь созданы уникальные научные лаборатории и техническая инфраструктура по исследованию и разработке материалов, технологий и оборудования для ядерно-энергетических производств.

Длительное время, в связи с ограничением на строительство новых промышленных объектов из-за наличия атомной электростанции, активная разработка минеральных ресурсов не велась. Между тем здесь имеются запасы полезных ископаемых, таких как медь, молибден, асбест, цветные камни (родонит, аметисты, бериллы, изумруды), а также строительные материалы. В настоящее время промышленные разработки ведутся лишь на Гагарском месторождении золота, Мезенском месторождении колчедановых руд, а также Курманском месторождении строительного камня. Благодаря этому, а также мероприятиям по защите окружающей среды, территория г. Заречный выгодно отличается редким для Свердловской области экологическим благополучием.

В 1996 году закончился первый этап организации ТНПК «Технополис Заречный», связанный с созданием регионального центра научно-технических инноваций. 14 апреля 1996 года состоялся местный референдум, по итогам которого создано муниципальное образование город Заречный. В настоящее время муниципальное образование «Городской округ Заречный», помимо градообразующего предприятия БАЭС, имеет ряд других небольших предприятий и разветвленную систему учреждений услуг, прежде всего общественного питания, торговли и отдыха.

Город Североуральск расположен на севере Свердловской области. Муниципальное образование «Североуральский городской округ» было образовано в соответствии с итогами местного референдума, состоявшегося 17 декабря 1995 года. В состав муниципального образования с центром в городе Североуральске входят г. Североуральск, ряд поселков городского типа и сельские населенные пункты.

В настоящее время экономику Североуральского городского округа составляет горнодобывающая отрасль. Основным градообразующим предприятием является ОАО «Севуралбокситруда» – филиал ОАО «Сибирско-Уральская алюминиевая компания» – одно из крупнейших в России горнодобывающих предприятий. В городе работают заводы ЖБИ, хлебопекарный, пивоваренный, трест «Бокситстрой», Велсовская геологоразведочная партия, швейная фабрика, два автотранспортных предприятия, леспромхоз и госпромхоз. Появилось множество предприятий среднего и малого бизнеса. Подсобное хозяйство снабжает город сельскохозяйственными продуктами.

Массовый опрос населения в этих городах показал, что население не в полной мере удовлетворено сложившейся социальной инфраструктурой обслуживания. По мнению населения города Заречного, наиболее острыми социальными проблемами в городе являются рост тарифов на оплату жилья, электроэнергию (отметили 12,8 % опрошенных), низкое качество и сложность получения медицинской помощи (8,8 %), растущая бедность одних и безудержный рост богатства других (8,7 %). Эти факторы вызывают рост социальной напряженности в городе. Другие обстоятельства менее значимы (см. табл. 1).

Таблица 1

Какие личные и общественные проблемы сейчас беспокоят Вас больше всего (не более 5 ответов) ?

Проблемы	Количество ответивших	
	Число	В процентах от числа опрошенных
1	2	3
Рост тарифов на оплату жилья, электроэнергию	255	12,8
Низкое качество и сложность получения медицинской помощи	176	8,8
Растущая бедность одних и безудержный рост богатства других	173	8,7
Низкое качество услуг ЖКХ	162	8,1
Отстраненность властей от народа, коррупция	154	7,7
Общественная безопасность и правопорядок – рост преступности	153	7,7

Окончание табл. 1

1	2	3
Рост алкоголизма и наркомании	153	7,7
Образование детей и молодёжи (доступность, качество и др.)	123	6,2
Угроза экологии, загрязнение окружающей среды	120	6,0
Отсутствие жилья, нерешенность квартирного вопроса	101	5,1
Страх потерять работу	64	3,2
Транспортные проблемы: плохие дороги, нехватка общественного транспорта	61	3,1
Нет перспектив у предприятия, на котором работаю	19	1,0
Нет средств выплачивать кредиты	12	0,6
Другое	11	0,6
Затруднились ответить	263	13,2
Итого	2000 ответов	100,0

Среди других проблем население волнует больше всего низкое качество услуг ЖКХ, отстраненность властей от народа и коррупция в органах власти, общественная безопасность и правопорядок, рост преступности в городе. Вопросы образования детей и молодёжи отодвинуты на второй план, хотя отмечаются проблемы доступности и качества образования. Беспокоит людей также материальное положение семьи, ряд опрошенных отметили отсутствие перспектив улучшить жилищные условия, страх потерять работу.

В процессе обсуждения при проведении фокус-группы основными проблемами социальной инфраструктуры в городе Заречном названы:

- 1) жилищно-коммунальное обслуживание населения;
- 2) неудовлетворительная организация досуга молодежи, рост наркомании и алкоголизма;
- 3) рост преступности;
- 4) медицинское обслуживание (мало врачей узкой специализации, платность услуг, их высокая стоимость). Отмечен также недостаток мест в детские дошкольные учреждения.

Об оценке своего материального положения жителями города можно судить по данным табл. 2. В целом следует заметить, что уровень жизни в Заречном несколько выше среднего по Свердловской области.

Население средне оценило результаты развития города Заречного за последний год по различным направлениям. Ключевые показатели оцениваются чаще отрицательно. Так, развитие экономики в городе отрицательно оценили 64,1 % опрошенных, развитие социальной сферы – 66,8 % опрошенных. 80 % опрошенных отметили закрытость власти для граждан, бюрократизм и волокиту в деятельности органов муниципального управ-

ления. Три четверти населения по-прежнему надеются на градообразующее предприятие и очень высоко оценивают влияние АЭС на социально-экономическую ситуацию в городе.

Таблица 2

Оценка своего материального положения
жителями города Заречный

Проблемы	Количество ответивших	
	Число	В процентах от числа опрошенных
Не хватает денег даже на питание	22	5,5
На питание хватает, но после оплаты коммунальных услуг денег не остается	77	19,3
На жизнь хватает, но покупка товаров длительного пользования не доступна	115	28,8
Покупка товаров длительного пользования доступна, но покупка дорогих вещей затруднена	163	40,8
Могу практически ни в чем себе не отказывать	19	4,8
Затруднились ответить	4	1,0
Итого	400	100,0

Опрос показал, что не все население знает о том, что социальная сфера практически полностью передана в ведение муниципальных органов власти. Как известно, в ходе реформ все промышленные предприятия передали социальную сферу муниципальным органам управления. Возникла ситуация, когда многие крупные предприятия, являющиеся градообразующими, на которых работала значительная часть горожан, в Заречном – БАЭС, в Североуральске – ОАО «Севуралбокситруда», – перестали заботиться обо всем – жилье, коммунальном обслуживании, предприятиях бытового назначения, школах, учреждениях культуры и здравоохранения. По новому закону налоги всех крупных предприятий, как правило, поступают в Москву, а не муниципалитету, и оказывается, что у муниципалитета нет денег для содержания социальной инфраструктуры города.

Во время групповой дискуссии (фокус-группы) при обсуждении отношения населения Заречного к результатам развития города за последний год по следующим направлениям: экономика, социальная сфера, открытость власти – были высказаны критические замечания и предложения. Участники групповой дискуссии отметили, что в целом обстановка в городе ухудшается. Ухудшилось медицинское обслуживание, возросла преступность, многие услуги для населения стали платными и малодоступными, ощущается нехватка жилья.

Однако при этом отмечены и положительные сдвиги в деятельности муниципальных органов власти. Так, был проведен капитальный ремонт ряда жилых домов по федеральной программе. В городе построены детские площадки во дворах по областной программе «1000 детских площадок».

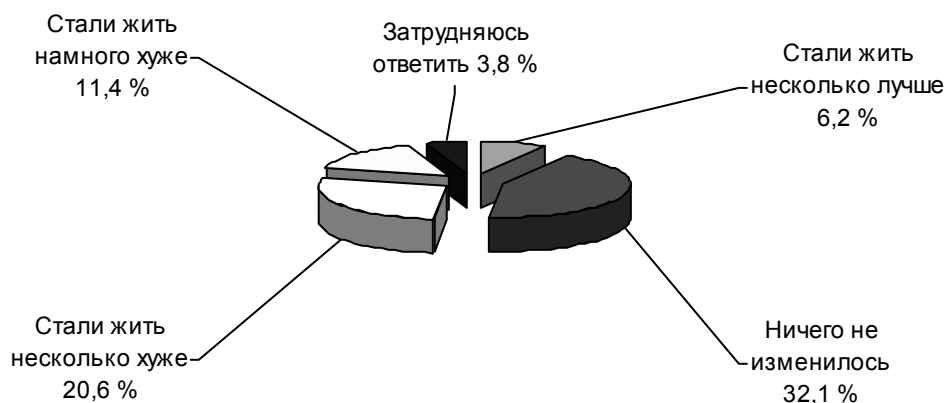
Тем не менее, горожане настроены весьма патриотично и высоко оценивают перспективы развития города, о чем красноречиво свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3

Оценка жителей перспектив развития города Заречного

Проблемы	Количество ответивших	
	Число	В процентах от числа опрошенных
Процветающий город (поселок) с прекрасными перспективами	38	9,5
Находится в непростой ситуации, но имеет перспективы развития	210	52,5
Город (поселок) находится в тяжелом положении, перспективы мало	134	33,5
Глубокий кризис, перспектив развития у города нет	17	4,3
Затруднились ответить	1	0,3
Итого	400	100,0

Несколько хуже обстоят дела в Североуральске, где только 6,2 % опрошенных считают, что за последние 5 лет условия жизни в городе улучшились, а 32 % заявили, что ухудшились, 32 % опрошенных полагают, что ничего не изменилось (рисунок).

На вопрос «Что необходимо сделать в первую очередь для улучшения жизни населения?» жители Североуральска выделили три приоритетных

направления для деятельности органов местного самоуправления по совершенствованию социальной инфраструктуры:

- 1) улучшение медицинского обслуживания (53,6 %),
- 2) улучшение жилищных условий,
- 3) жилищно-коммунальное хозяйство (см. табл. 4).

Таблица 4

Приоритетные направления деятельности органов
местного самоуправления по совершенствованию
социальной инфраструктуры в Североуральске

№	Мероприятия	Кол-во ответов	В процентах к числу ответов
1	Улучшить медицинское обслуживание	222	53,6
2	Улучшать жилищные условия	143	34,5
3	Развивать жилищно-коммунальное хозяйство	118	28,5
4	Решить проблему с детскими учреждениями	100	24,2
5	Строить новые дороги	86	20,8
6	Улучшать образование	80	19,3
7	Благоустраивать городские территории	80	19,3
8	Развивать культуру	69	16,7
9	Улучшить бытовое обслуживание населения	36	8,7
10	Развивать малый бизнес	27	6,5
11	Улучшить работу общественного транспорта	25	6,0
12	Расширять сеть общественного питания	18	4,4
13	Развивать культуру населения	2	0,5
14	Сформировать деятельную и результативную власть города	1	0,2
15	Затрудняюсь ответить	1	0,2

Таким образом, социальные проблемы малых городов нуждаются в изучении и решении. Необходимы комплексные планы социального развития городов – муниципальных образований, направленные на сбалансированное развитие социальной инфраструктуры, коммунального и бытового обслуживания населения, сферы образования, здравоохранения и учреждений культуры.

Н.К. Антропова
УГЛТУ, Екатеринбург

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Многие явления и процессы, происходящие в российском обществе невозможно объяснить в русле тех знаний, которые были усвоены ранее.

Да и не может быть раз и навсегда заданных решений. На каждом историческом витке надо каждый раз решать заново вопросы социального бытия.

«Россия видимостей» и «Россия сущностей» – эта метафора В. Розанова и поныне отражает проблематику страны. Образ действительности каждодневно меняется. Мы не понимаем, как устроена реальность. Наши представления о реальности – это совсем не то, что есть на самом деле. У нас пока недостаточно понятий, слов и знаний, чтобы объяснить все, что происходит сейчас. Мы не уверены во многих вещах, но точно знаем, что действительность – это не то, что мы на самом деле видим. Очень часто в реальной жизни мы не находим ответа на волнующие нас вопросы, тогда большинство из нас пытается отыскать ответы в другой плоскости, в другой реальности, в иллюзиях.

Время настоятельно требует как от российских людей, так и от всего человечества соответствующей соразмерной реакции на происходящее. Будущее ставит перед нами сложную и масштабную задачу по сохранению жизни на Земле. В статье мы попытаемся выяснить устоявшиеся стереотипы в российском социальном пространстве. Чтобы идти дальше, нам необходимо знать, что же сейчас происходит, в настоящий момент, в какой реальности мы живем. Целесообразно, с нашей точки зрения, рассмотреть основные понятия, закономерности, универсальные векторы.

Понятие иллюзии

Иллюзия – это ложное представление, связанное с уверенностью в объективном существовании вымышленных свойств и связей. Иллюзии – это своеобразный способ восполнения действительности. Выделяют следующие иллюзии: объективные; «товарного фетишизма»; иллюзии, связанные с органами чувств (зрительные или оптические, обонятельные, вкусовые, звуковые, осязательные); иллюзии разума; физические, социальные иллюзии и др.

Любые иллюзии всецело зависят от нашего индивидуального восприятия предметов или событий. Характерной чертой иллюзии является ее происхождение из человеческого желания. Иллюзия необязательно должна быть ложной, т. е. нереализуемой или противоречащей реальности.

Природа иллюзии до конца не исследована и представляет большой научный интерес в разных областях знаний. Сама по себе иллюзия – это определенный результат деятельности мозга, а вот что влияет на эту деятельность или посредством чего возникают подобные явления, остается вопросом.

Любой человек в той или иной степени готов допустить, что все, что он видит вокруг себя, существует лишь постольку, поскольку существует он сам, могущий эту реальность (если тут вообще уместно говорить о реальности) воспринимать.

Можно выделить следующие социальные иллюзии – иллюзии российской цивилизации: иллюзии, порожденные индивидуальной, личной

судьбой; иллюзии, вызываемые ложным эго; групповые интересы, содержащие искажения действительности; иллюзии, проистекающие из профессиональной деятельности; иллюзии власти и политики; иллюзии российской науки, иллюзии образования, иллюзии техники, иллюзии СМИ, иллюзии демократии, иллюзии денег и др.

Понятие реальности

Реальность означает все существующее, охватывая как физический, так и духовный мир.

В понимании термина «реальность» существует известная неопределенность. В обыденном языке существительное «реальность», прилагательное «реальный» и наречие «реально» имеют несколько разных смыслов, зависящих от контекста употребления.

В некоторых ситуациях реальное понимается как нечто противоположное воображаемому, или иллюзорному (мираж в пустыне). В других ситуациях реальное понимается как настоящее, нечто противоположное подделке, обману, фальшивке.

Существуют предположения о многомерности реального пространства, наличия иных модусов бытия, параллельных миров, пространств со сдвинутым временем и т. д.

Идея полионтичности (множественности реальностей) развивалась целым рядом мыслителей. Идею полионтичности бытия можно найти в работах русских философов «серебряного века», А.Ф. Лосева и С.С. Хоружего; западных философов.

По С.Л. Франку, реальность – это внутренний мир человека, его сознание и самосознание. Она непосредственно открывается как внутренняя духовная жизнь человека, но вместе с тем необходимо выходит (трансцендируется) за пределы внутреннего мира человека, проявляясь в психической жизни как самосознание. У М.М. Бахтина идея полионтичности восходит к идее полифоничности романов Ф.М. Достоевского. С.С. Хоружий выделил триадную онтологическую модель. У М. Бубера реальный мир выступает как результат диалога между человеком и Богом, принадлежащим разным модусам бытия.

Фундамент любой культуры складывается из представлений о том, что является реальностью, и о том, как мы определяем, что реально. В рамках одного и того же культурного поля могут существовать совершенно разные уровни реальности. Шейн Э. считает, что реальность может существовать на физическом, групповом и индивидуальном уровне [1, с. 126].

Под внешней физической реальностью понимаются предметы и явления, имеющие объективные критерии. Различные культуры имеют различные представления о том, что представляет собой внешняя физическая реальность. Ряд явлений, относимых к духовной сфере и области экстрасенсорного восприятия, в других культурах рассматривается как нечто реальное. Границы внешней физической реальности во многом определяются

культурным консенсусом. Отсюда возникает понятие «социальная реальность». Под социальной реальностью понимаются явления, не подлежащие внешней эмпирической проверке, а требующие достижения консенсуса. К наиболее очевидным моментам социальной реальности относятся: природа человеческого существа; надлежащий способ обращения друг с другом, с природой; распределение власти и политический процесс в целом; представления о смысле жизни; идеология; религия и др.

Индивидуальная реальность относится к сфере индивидуального опыта, вследствие чего она представляется данному индивиду абсолютно истинной.

Критерий реальности того или иного явления или события – прямая проверка, наличие консенсуса или личный опыт – меняется в зависимости от уровня реальности [1, с. 120–121].

Понятие цивилизации

За 150 лет сложилась обстоятельная и всесторонняя теория цивилизаций. Наука о цивилизациях является одним из признанных и влиятельных направлений общественной мысли. В ее развитие внесли свой вклад многие ученые: Н. Данилевский, О. Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, А. Швейцер, А. Тойнби, А. Кребер и др.

Однако сегодня термин «цивилизация» понимается неоднозначно. Существует два значения понятия «цивилизация». В первом случае цивилизация обозначает историческую эпоху, пришедшую на смену варварства и знаменует высший этап развития человечества. Во втором случае цивилизацию связывают с географическим местом, подразумевая локальные, региональные и глобальные цивилизации. Они различаются экономическим укладом и культурой (совокупностью норм, обычаев, традиций, символов), куда входит специфическое понимание смысла жизни, справедливости, судьбы, роли труда и досуга.

Первым употребил слово «цивилизация» П. Гольбах, когда завершилось издание «Энциклопедии». Просветители связывали цивилизацию с разумом, а культуру – с духом. Она обозначала комфортность и удобство материальных условий обитания человека.

О. Шпенглер определял цивилизацию как закатную, заключительную фазу культуры, как ее конец и гибель. Для О. Шпенглера сама цивилизация таит в себе угрозу культуре, является признаком ее увядания и смерти.

В европейском сознании утвердилось представление о цивилизации как вершине технических достижений человечества, связанных с покорением космоса, внедрением компьютерных технологий и источников энергии. Также цивилизация обозначает городскую культуру.

Выделяют следующие показатели цивилизованности: географическая принадлежность, уровень смертности, санитарное состояние городов, экология, наличие письменности, появление монументальных каменных или

кирпичных строений, зарождение государства, классов, зарождение религий и т. д.

Цивилизация представлена технологическими, экономическими и политическими системами, а также институционализированными формами совместной жизни людей.

Понятие «российская цивилизация»

Вопрос о цивилизационной принадлежности нашей страны не имеет пока однозначного решения, остается открытым. Процесс формирования российской цивилизации остается незавершенным, незаконченным. Россия и сейчас находится в состоянии цивилизационного поиска. В России понятие «цивилизация» воспринимается только как идея, существующая более в голове, чем в реальности.

Существуют и другие точки зрения, связанные с проблемой «Восток – Запад»: Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности, она лишь колеблется в ту или иную сторону; Россия осуществляет слабый, неустойчивый синтез между Востоком и Западом, постоянно теряя стабильность и цельность; Россия – евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начал, она явилась плавильным тиглем для славяно-тюркского народов, сформировавших в результате органику российского суперэтноса, его культуру; Россия вовсе не является азиатской страной, она, безусловно, европейская страна, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости, но способная ее преодолеть; Россия представляет собой часть восточноевропейской цивилизации; Россия обладает собственной цивилизационной особенностью, которая ярче всего представлена ее провинцией и др.

Если рассматривать географическую принадлежность России, то российская цивилизация – одна из наиболее крупных по территории, сформировавшаяся на пространствах Восточной Европы и Северной Азии. Развитие российской цивилизации питалось европейской культурой и во взаимодействии с культурами Востока. Развитие российской цивилизации происходило на колоссальных евразийских просторах, характеризующихся разнообразием ландшафтов. Жизнедеятельность значительной части населения осуществлялась в неблагоприятной континентальной зоне, в суровых природно-климатических условиях. Около 3/4 территории России приходится на Север и зону рискованного земледелия.

Для российской цивилизации характерны: полиэтничность, многоконфессиональность и др.

По мнению К.А. Феофанова, основу российской цивилизации составляют следующие элементы: всевластие власти, полное бесправие человека, плановый характер управленческой вертикали как единственного источника развития, доходов и ресурсов, обществообразующая коррупция, неправовые способы регулирования общественных отношений, длительное многовековое целенаправленное угнетение российских территорий [2, с. 107].

Для России характерна отсталость от развитых стран Запада, которую она стремилась и стремится преодолеть модернизационными усилиями.

Культура – основа российской цивилизации

Самобытность России, ее историческая уникальность проявилась ярко в культуре. Русская специфика состоит именно в культуре, в духовной жизни народа. Русская культура – душа России, она сформировала ее лицо, ее духовный облик.

В сложном и противоречивом облике России ярко проявляется культурная зрелость и недостаточная цивилизованность (экономическая, политическая, бытовая). В России недостаток материального развития и социальной организованности компенсировался развитием духовным, бурным ростом дворянской культуры.

В русскую культуру входит проверенная веками система религиозных и духовно-нравственных ценностей и высокие традиции отечественной культуры. Также неотъемлемым элементом является пример мирного сосуществования в России различных народов, религий и культур.

Русский менталитет является глубинной структурой культуры страны и доминантой цивилизации. Важнейшие концепты русского менталитета – «авось», «облом», «обрыв» и др.

Менталитет русской культуры – это нечто гораздо большее, чем национальный русский менталитет. Это менталитет суперэтнуса, включающего целый ряд взаимосвязанных культур.

Православие наложило глубокий отпечаток на менталитет русского народа, сформировало его национальное своеобразие, оказало огромное влияние на национальный характер, на развитие таких исконно-русских ментальных черт, как общинность, коллективизм, соборность, а также добротолубие, нестяжательство, долготерпение и др.

Общественный идеал

Для России характерна культурная традиция, которая побуждала русских мыслителей искать *общественный идеал*. Это утверждение особого типа человеческой солидарности и соборности.

Специфическим для солидарности является духовная общность людей, базирующаяся на этике коллективного спасения, когда каждый озабочен не только собой, но и другими, ставит свое личное спасение в прямую зависимость от спасения всех и каждого. Идея подобной общности усматривала в ней своеобразную «духовную общину», связующую людей помимо их частных и национальных интересов отношениями взаимной любви и всеобщего братства. Общественный идеал, который русские мыслители хотели положить в основание человеческого общежития, звучит следующим образом: жить не только для себя, но и для других, считать своим, близким себе то, что составляет цель и смысл жизни любого другого народа, в отношениях между людьми руководствоваться принципом макси-

мально возможной свободы от частного и национального эгоизма, от материального своекорыстия отдельного лица.

Соборность включает в себя гносеологическую, этическую, богословскую проблематику. Это есть учение об истинной жизни в лоне Церкви и о русском пути спасения. Согласно С. Трубецкому, соборность означает коллективность. Соборность расшифровывается как «единство в многообразии», когда каждый имеет право на индивидуальность, но при этом не поощряется индивидуализм.

Опираясь на идею С. Трубецкого о «соборной природе человеческого сознания», С.Л. Франк выдвинул положение о том, что соборность необходимо рассматривать как «нечто, органически присущее людям» и «утвержденное в вере».

Технические инновации

Сегодня в России нет единого инновационного контура. Отдельные элементы, такие как: старые технологические заделы, остатки научных школ, мощная научная диаспора, рассеянная по всему миру, фанатичные и успешные предприниматели-инноваторы – существуют сами по себе.

Однако Россия не может сохраниться, если не будет идти в авангарде научно-технического прогресса. Без этого мы не сможем ни поддерживать наш военный потенциал, ни эффективно осваивать новые пространства, ни формировать некий привлекательный образ страны, уверенно идущей в будущее.

Россия стала той страной, какой мы ее знаем, лишь благодаря активному участию в мировом технологическом соревновании. Последние лет сто наша страна традиционно входила в группу лидеров. В отдельных отраслях нам удавалось занимать и прочно удерживать лидирующие позиции.

Теперь – мы не равны ни нашей истории, ни нашему нынешнему месту в мире. Мы так и не смогли преодолеть критическое отставание в компьютерных и информационных технологиях.

Наука

Развитие науки в России происходило всегда при активном участии государства, «по указке сверху». Россия, по замыслу Петра I, должна учиться у Запада, но и добиваться того, чтобы самой стать способной активно участвовать в развитии науки. К середине XIX в. наука России по ряду направлений работала на мировом уровне.

За годы советской власти в стране была создана мощная научная база, позволявшая осуществлять на современном уровне фундаментальные и прикладные исследования. Советские ученые внесли свой вклад в развитие мировой науки. Возникли научные школы мирового значения. Советский Союз стал одним из лидеров в овладении ядерной энергией и в исследовании космоса.

С распадом СССР были разорваны многие сложившиеся научные связи, потеряны для российской науки оставшиеся на территории других го-

сударств научные подразделения – обсерватории, опытные станции, уникальные лаборатории, полигоны и т. д. Экономические реформы 90-х годов поставили науку в целом в тяжелое положение.

Новая российская социальная реальность

Основными чертами постсоветской социальной реальности являются:

1. Одностороннее воздействие Запада на российскую социальную реальность оказывается более значимым, чем раньше. Например, гайдаровская реформа, которая осуществлялась при непосредственном участии и идейном влиянии иностранных советников, западных институтов и структур; сексуальная революция.

2. Уголовная тематика. Понятие «беспредел» обнаруживается во всех сферах государственной и общественной жизни. Оно означает игнорирование правовых и социальных норм государства, неограниченный произвол, всепоглощающую коррупцию. Обычаи зоны прививались всей стране.

3. Радикальный отказ от прошлого экономического и политического уклада, традиционной системы ценностей и др. Многие изменилось на свою противоположность – из добра во зло, из прекрасного в безобразное, из правды в ложь и т. д.

4. Отказ государства от своих граждан. Ложь, истребление, изгнание. Русский человек приучился выживать в таких условиях. Однако адаптируясь, у человека вместе с тем что-то меняется внутри. Это иллюзия, что можно выбраться из этого. Человек – часть социума, который неизбежно начинает вторгаться в его жизнь, пытается как то-то ее использовать.

5. Политика бессмысленных социальных экспериментирований (например, ваучеризация).

6. В ходе реформ была обрушена основа основ жизненного уклада народа – существовавшая в обществе духовно-нравственная атмосфера, построенная на этических стандартах, своего рода общечеловеческий кодекс бытия. Их обрушение привело к деморализации и всеобщему одичанию масс, невиданному разгулу преступности, повальному пьянству, вседозволенности на всех этажах власти и управления.

7. Россия продолжает десятками тысяч воспроизводить таланты, что и будет определять самостоятельную политику нашего государства в сфере образования на ближайшие десятилетия.

8. Власть есть «в реальности» и есть «на самом деле». «В реальности во власти все места заняты, а на самом деле власти нет. Все ищут, кому дать. Непонятно, к кому обратиться, чтобы решить проблему. Все спрашивают, у кого власть? А ее нет. Дефицит... У нас нет политических партий. Есть сословные имитации. В России свободный рынок власти – это развал государства... В выборах некому участвовать, потому что народа нет... Власть растворилась. Есть рынок имитации власти... Властные люди воспринимают страну как объект для преобразований, а не как реально существующий организм» [3, с. 62].

Главной проблемой российского общества является разобщение народа. Огромная часть населения заражена абсолютно несбыточными, несовместимыми между собой иллюзиями. Одни, оглядываясь на недавнее советское прошлое, скорбят по утраченному, мечтают о его воссоздании. Другие – проклинают прошлое, главную цель жизни видят в его недопущении. Они всячески препятствуют любым инициативам, способным породить «красный» проект. Прошлое продолжает жить в сознании большинства людей, мешая им адекватно оценивать настоящее.

У России нет иного выбора, как стать современной страной, стоящей вровень с развитыми странами Запада и Востока. На безусловное требование модернизации Россия может отреагировать лишь в соответствии со своими возможностями и особенностями, историческим прошлым, природными, человеческими и культурными ресурсами. Историческое призвание России состоит в отстаивании приоритета культуры перед экономикой и политикой, в стремлении подчинить себя чисто духовным и моральным целям и задачам.

Проблема, стоящая перед Россией, и заключается в синтезе, примирении основных достижений западной цивилизации с собственным культурным поиском.

Только сильному государству, опирающемуся на духовно сплоченное общество, вдохновленному крупными созидательными задачами, по плечу продолжить восхождение по ступеням научно-технического и духовно-нравственного прогресса.

Пока же у России как у государства нет предвидимого будущего. Только одно воспроизведение настоящего.

На Всероссийском философском форуме, посвященном проблемам развития российской цивилизации, были сделаны выводы: «Современная Россия пребывает в состоянии полного отсутствия своего собственного цивилизационного проекта... Наша страна подошла к такому критическому рубежу своего существования и развития, когда возможен даже распад ее тысячелетней государственности... Главные потери современной России влекут за собой полную утрату самобытности нашей культуры и мировоззрения» [4, с. 174].

Библиографический список

1. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2011.
2. Феофанов К.А. «Двойная реальность» как российский цивилизационный синдром // Социально-гуманитарное знание. 2012. № 3.
3. Вишневецкая Ю. Как устроена Россия (Почему никто не виноват и ничего не надо делать)? // Русский репортер. 2012. 1–8 марта.
4. Проблемы развития российской цивилизации (обзор Всероссийского философского форума) // Вопросы философии. 2012. № 7.

Раздел 2

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О.Н. Новикова
УГЛТУ, Екатеринбург

ИГРОИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Игра охватывает всю жизнь человека, проходит через все стороны, грани, качества человеческого бытия. По мнению Е. Финка, она «пронизывает все основные феномены человеческого существования, будучи неразрывно переплетенной и скрепленной с ними» [1, с. 432]. Каждый человек интуитивно знает, что есть игра, но трактует ее по-своему, с учетом личного восприятия, собственного опыта, опираясь на реалии своей жизни.

В повседневной жизни мы часто встречаемся с термином «игра» в сочетании «политические, парламентские игры», что подразумевает прежде всего преднамеренный ряд действий, поступков, преследующих определенную, чаще всего неблагоприятную цель (интриги, заговоры, тайные замыслы).

На практике игровые модели применяются в науках и прикладных отраслях знаний, имеющих дело со сложными системами, прогнозирующими процессы, представленные многими факторами. Игра включена в экономическую отрасль, научное и художественное творчество, политическую борьбу, военное искусство, психотерапию; в них игра символизирует творческое начало, тип поведения и состояние сознания.

В педагогике, психологии широко применяются игровые технологии, помогающие освоить модели определенной стратегии поведения, проработать стандартные коммуникативные ситуации для нахождения в них практических решений.

Первоначальное вхождение маленького человека в игровую среду настолько естественно, что не требует практически никакой подготовки. Она органична и приемлема, отличается бескорыстностью, импровизационностью, стремлением воссоздать мир взрослых через подражательное действие в игре: в маму, шофера, врача, милиционера и т. д., с имитацией определенных действий, основанных на стереотипных представлениях (ухаживать за куклой-ребенком, как мама, крутить руль часто мнимой машины,

как папа, и т. д.). В самом процессе игры ребенок видит себя другим, именно так он становится взрослым, примеряет на себя новые статусы, пробует будущие социальные роли (родителей, профессиональной направленности и т. д.). Данный вид игры – игра-упражнение, главное назначение которой – воспроизведение предметных действий и освоение социальных ролей. На протяжении всей своей жизнедеятельности индивид вовлечен в игровую деятельность, содержащую не только познавательную, но и прикладную направленность. Окружающая действительность в сочетании с особым, внутренним миром человека детерминирует его поведение как участника игрового процесса.

Игра – неотъемлемая часть жизни, способная компенсировать табу, ограничения и запреты и обеспечивать ее крепким фундаментом. Характерная особенность игр – постоянство их правил. Большинство игровых правил веками не изменяется (правила игр в шахматы, лото, городки, прятки и т. д.). Игра воспроизводит стабильное инновационное в жизненной повседневности и является деятельностью, через которую её правила и условия приобретают устойчивые традиции и нормы. Повторяемость правил игры создает трениговую основу развития личности. Большинство игр требует выполнения определенных правил поведения, что непосредственно сказывается на воспитании волевых качеств, умения подчинять свои действия общей цели и задаче.

Инновационное в человеческой жизнедеятельности происходит от иррациональной установки игры, которая способствует тому, чтобы играющий верил (или не верил) во все, что происходит в сюжете игры, и выходил в своих фантазиях за ее рамки. Раз за разом проигрывая одну и ту же игровую ситуацию, индивид закрепляет не только свои знания, но и совершенствует свои навыки. Он живет игрой не ради подготовки к жизни, а в ходе игры естественно приобретает данную подготовку, так как у него возникает потребность разыгрывать именно те действия, которые для него непривычны, неестественны. Так происходит развитие, изменение самой сути деятельности играющего.

Игра – непринужденная деятельность в воображаемой ситуации по определенным правилам. И если субъективная цель, мотив игры находится в самом процессе деятельности, доставляющем удовольствие, то объективное значение игры заключается в формировании и тренировке духовных и физических способностей, необходимых для осуществления иных видов деятельности и жизни личности в обществе.

Игра – это школа общения, действенное средство нравственного воспитания, модель взрослой жизни, через которую происходит освоение навыка трудовой деятельности, ее оценка и направленность на конечный результат (новый продукт). Й. Хейзинга указывает, что «игра удовлетворяет идеалам коммуникации и общежития» [2, с. 19]. Игра связана с практикой

воздействия на мир, порождением деятельности, посредством которой человек преобразует действительность. Сама суть человеческой игры предстает в способности изменять действительность, отображая ее. При этом воплощенная в труде игра никак не ограничена производственно-техническим содержанием трудовой деятельности и не сводима к подражанию производственно-техническим операциям. Известно, что главным в труде предстает его общественная сущность, специфический характер трудовой деятельности, которая вместо того, чтобы просто приспособляться к природе, изменяет ее.

Практика свидетельствует о том, что игры прежде всего связаны с культурой конкретного народа, ведь свое содержание, особые характеристики игра берет из трудовой деятельности и бытовых качеств окружающей среды. Например, почти все игры и забавы традиционной русской культуры носят коллективный характер. Пятнашки, лапта, городки, бабки, различные единоборства и т. д. формируют коллективное сознание, круговую поруку, чувство единства и сопричастности. В процессе игры воспитывалась инициатива, поощрялась готовность принять брошенный вызов, преодолеть слабость в самом себе и др. Излюбленными потехами «сам на сам», «стенка на стенку» формировались стойкость, боевой дух, взаимоподдержка. Интересен тот факт, что традиционная русская пляска создавалась не как развлечение, а как уникальная система игровой тренировки славянских воинов. Ведь «барыня», «казачок», «хоровод» и другие русские народные танцы содержат в себе элементы пешего боя и стратегического маневрирования (например, сложные хороводные закрутки – прообраз кольцевого захвата). Традиционные народные игры «в запуски» (наперегонки), «невода» (перетягивание каната), в снежки служили средством воспитания таких качеств, как сила, сноровка, «чувство локтя». А излюбленное катание на санках – отражение стремления к неизведанному, свободолобия и даже некой бесшабашности.

У всех народов мира, во всех культурах игра используется как активная форма познавательной деятельности, являющаяся средством воспитания, обучения, приобщения к конкретным ментальным особенностям.

Как показывает практика, наблюдая за особенностями игровой деятельности ребенка, можно спрогнозировать его будущие предпочтения и жизненные притязания. Например, традиционная кукла Маша развивает у девочек материнские инстинкты; совсем другие чувства и эмоции формируются благодаря Барби, Винс или другой куклой-красавицей. Интерес к моделям-конструкторам, пазлам, головоломкам формирует не только представление о форме и пространстве предметов, но и указывает на усидчивость, скрупулезность, терпеливость, склонность к детализации и логичности мышления, обычно данные виды игр предпочитают индивиды, готовые в будущем заниматься рутинной, кропотливой умственной работой.

Фантазия, смелость, умение постоять за себя развиваются благодаря играм в пиратов, фантастических героев, сторонники этих игр обычно более авантюرنы, склонны к риску и принятию нестандартных решений.

Излюбленное времяпрепровождение нынешних детей – компьютерная игра. Она притягательна именно тем, что позволяет моментально оказаться в разных реальностях в одно и то же время. Яркие образы, притягательные сюжеты знакомят с иными мирами, уносят игрока из реальности, наделяют сверхвозможностями, дают новые контакты. Ведь Интернет и видеоигры – своеобразная возможность реализации скрытых желаний. Слабый от природы в виртуальной игре наделяется сверхвозможностями; тихий, неприметный превращается в супергероя. В данном игровом мире начинает существовать иная реальность, другая, ни к чему не обязывающая жизнь, рождается новый образ: виртуально изменяется пол, возраст, корректируется психическое состояние, сознательно нивелируются отрицательные черты индивида и оптимизируются положительные качества. Конечно, виртуальный мир содержит безграничные возможности для творчества, ведь игровой опыт – инструмент самопознания и жизненных экспериментов. Вместе с тем он формирует искаженное представление о мире реальном: затруднения коммуникативного плана, утрата чувства реальности, примитивизация окружающего пространства.

Исследование Гриффитса, проведенное в 1998 г., выделило два типа мотивационного поведения, людей, увлекающихся компьютерной игрой [3, с. 428]. Первый тип – игрок получает удовольствие от самого процесса игры, он мотивирован на соперничество, его удовлетворяет борьба за конечный победный результат. Индивид не отказывается от повседневности, активно участвует в других формах реальности. Игра – досуг, развлечение, приятное времяпрепровождение, способствующее самопознанию, самовыражению, саморазвитию и тренингу определенных умений. Второй тип – игрок ориентирован на эскапизм. Его мировоззрение, стиль жизни базируется на воображаемом, подменяющем реальность мире. Чаще данный тип имеет проблемы коммуникативного плана (замкнутость, минимальность контактов, боязнь общения, непонимание и неприятие со стороны других людей и т. д.). Игра становится формой выхода из стресса, способом ухода от действительности, замещением социального взаимодействия, единственным интересом и формой действительности.

Сегодня научная практика показывает, что главным мотивом компьютерной игровой деятельности является желание примерить иную идентичность (как правило, близкую к идеальному образу себя). Исследователи указывают на то, что после игрового сеанса игроки чаще всего настроены принимать себя такими, какие они есть, и идентифицируют себя более позитивно (И.В. Бурмистров, А.Г. Шмелев, Ю.В. Фомичева, Э. Прибилски и др.).

Игра восполняет недостающие в жизни чувства, эмоции. Хотя игра в противовес жизни и более однообразна в экзистенциальном смысле, она сама становится тем событием, в котором изменяется личностное или иное бытие. Каждый игрок, играя, прежде всего, манипулирует самим собой, изменяется в соответствии с новыми реалиями и правилами.

Приспосабливаясь через игру к определенным условиям, человек, прежде всего, взаимодействует с другим индивидом. Именно в социальной игре индивид вступает в систему социальных взаимоотношений, обменивается информацией, т. е. реализует свое рефлексивное управление, с другими участниками данного социума. В данном типе взаимодействия поведенческие реакции одного человека осознанно прилаживаются к поведению другого человека или противопоставляются ему. Так человечество формирует знаковое ему поведение и производит знаки-символы для всеобщего пользования (например, приветствие: в виде поклона, легкого кивка головы, дружеского крепкого рукопожатия или небрежного хлопка по плечу и т. д.).

В современном социуме каждый выполняет множество функций, берет на себя одновременно разные социальные роли (гендерные, возрастные, профессиональные и т. д.), а следовательно, постоянно изменяет саму жизнь – игровое поле – через смену правил, соблюдение атрибутов, свойственных данному типу роли. В один и тот же день, но с разными партнерами (игроками) индивид может быть и заботливым, любящим семьянином, и жестким, требовательным и серьезным начальником, а в дружеской компании – балагуром, весельчаком и забиякой. И все эти столь отличные качества уживаются в одном человеке благодаря его отношению к жизни. Каждая ситуация, этап другого взаимодействия – это смена не только ролей, но и смена самой игры (жизни). «Жизнь подобна играм: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть», – так Пифагор Самосский указывает на то, что всякий человек по-своему определяется, приспосабливается к реалиям повседневности, устанавливает свои правила и имеет конкретные цели, от чего и зависят различия жизнедеятельности каждого. Состязание в трактовке мудреца можно интерпретировать как преодоление испытаний, жизненных неурядиц, торговля рассматривается как договор, обмен между кем-то и чем-то, а неучастие в самом процессе игрового действия (жизненных изменениях) – движение по инерции, получение наслаждения от пассивности, бездействия, построенное на надежде, что жизнь все сама расставит по своим местам.

Любая игра, как и сама жизнь человека, построена на правилах, выстраивании определенного регламента, соблюдение которого и различает игровые ситуации. Но, несмотря на данные обязательства, человек проживающий (играющий) постоянно стремится их нарушить. Е. Финк отмечает,

что «законы игры действуют вне норм разума, долга и истины» [1, с. 72]. В игровой ситуации изначально заложен обман, элемент хитрости, навязывание своих понятий и правил реальности. Обычно нарушение правил определяется как нечестная игра, обман или шулерство, что с точки зрения этики считается недопустимым, но в социальном пространстве встречается не редко, несмотря на общественное порицание. На самом деле шулерство проявляется не в отрицании правил, через некую специфичность самого участника игры (жизненной ситуации). Нарушая правила, игрок зачастую считает, что его соперники не делают этого. Данный факт придает ему уверенности, укрепляет его престиж. Но, как правило, «обманщик» все же предполагает наличие данных склонностей и у соперника, что делает игру более увлекательной. Если данное игровое поле сохраняется, то игроки вырабатывают правила как бы по ходу действия. Лисси Мусса, автор современной игровой психотренинговой системы «ОКСЮМОРОн», выстроенной на утверждении, что жизнь – это увлекательная игра, позволяющая изменять реальность по своему желанию, хотению и велению, сказала: «Все правила игры создаются по ходу игры». Это утверждение верно в том случае, если люди ориентируются на достижение какой-то цели, отвергают принятые нормы взаимодействия в данной ситуации, эпохе, культуре в целом.

Итак, любая игра имеет свои правила, язык, знаки, временное пространство, свою рациональность противопоставляемую повседневности, свою цель и некую обособленность (мир участников игры). Все вышеперечисленные черты присутствуют в современной политической среде, в которой политика трактуется как деятельность политических групп по установлению и поддержанию некоего порядка в конкретном государстве в соответствии с принятыми нормами и принципами. Каждый политик – это игрок, так как его действие происходит в обособленном избранном пространстве (достаточно закрытом для обычных людей), «кулуарах власти», полон таинственности и иррациональности, сопряжен с высококонкурентной соревновательностью. Любой политический деятель нацелен на приз – власть, которой всегда недостаточно, в силу ее бесконечности, поскольку она ограничена рядом правовых и социальных институтов. Власть в абсолютном смысле – некий недостижимый идеал безграничных возможностей по изменению действительности, в которых каждый игрок (политик) навязывает свои собственные правила, интерпретации. Любой политический деятель не только является ее участником, но и в силу специфики становится создателем некой политической игры, реализованной в публичной (политик действует в рамках заданных правил) и «скрытой» сфере (формирует, устанавливает свои законы, дающие реальную власть). Политика – поединок, борьба, соревнование за право навязывать свои правила, нормы.

Нередко для сохранения и упрочения реальной власти политические деятели меняют убеждения, устои, принадлежность к партии и т. д.

Экспансия своих принципов, правил держится на двойных стандартах. Главное – остаться у власти любой ценой. Появляются все новые модели псевдоигр (конструирование среды для «зрителей», всеобщего пользования), позволяющие осуществлять политические манипуляции в современном социуме. Цель псевдоигр – манипуляция другими игроками для достижения конкретной цели. В современной повседневности нередко многотысячные митинги, факельные шествия, награды и знаки отличия, парады и постановочные «марши». Еще Ж. Бодрийяр упомянул, что сфера политического давно превратилась в шоу, воспринимаемое как полуспортивный, полуигровой дивертисмент. В сознании людей телеигры и предвыборные кампании эквивалентны друг другу.

Политическая игра, основываясь на универсальной потребности человека в самореализации, поддерживается на азарте, непредсказуемости и непосредственной вовлеченности.

Любую игру всегда сопровождает азарт, и она постоянно в нем нуждается. И в жизнедеятельности человека азарт присутствует неизменно. В историко-этимологическом словаре «азарт» трактуется как некая страсть (запальчивость, горячность) в осуществлении какого-либо намерения. Само слово hazard с французского переводится как «случай», «случайность», «риск». Современные социологические исследования показывают, что эпоха постмодерна – время азартных людей. Проведенное по инициативе журнала «Эксперт» исследование «среднего класса», выявило, что 80 % опрошенных готовы пойти на риск, чтобы добиться желаемого; 90 % стараются преодолеть трудности, чтобы добиться большего.

На ментальном уровне азарт воплощается через состояние охоты за удачей. Поймать ее за хвост, получить благосклонность богини Фортуны – эти мысли и порождают азарт в бытийной практике человека. Азарт – состояние сокровенного желания в виде подарка судьбы.

Игры бывают разные: собственно азартные игры, в узком понимании, а также жизненные игры, сопровождаемые азартом. Ведь что есть любовные игры? Это тоже игры, дарящие особые эмоции и чувственный накал. Столь популярный в последнее время шопинг – это игра с самим собой. На практике все больше людей отправляются в торговые центры не столько за нужными, крайне необходимыми вещами, сколько за тем, чтобы получить удовольствие от сопутствующих развлечений, комплексов услуг. Современный человек наслаждается самим процессом, прогулкой по мегамаркету. При этом он принимает правила, установленные в торговой зоне, подкупаясь скидками, входит в азарт, за счет чего и получает удовлетворение от данной ситуации. Ведь в подобных практиках человек чувствует себя победителем, он лидер, это его способ переключения, самоутверждения.

Ожидание в состоянии азарта не удлиняет время, а ускоряет его. Кредо азарта – ожидание, но ожидание, проходящее незаметно, так как индивиду кажется, что он проник в тайны, позволяющие припасть к источнику удачи и мгновенно получить желаемое от жизни.

По мифам бог игры непредсказуем, он или дарит фортуна, или необоснованно отводит ее. Из мира игры в реальную жизнь вошли суеверия, приметы, ритуалы. В повседневной практике множество людей наделяют некий предмет, элемент одежды заградительной, волшебной защитной силой, приносящей успех, удачливость. Каждый хоть раз, будучи студентом, совершал ритуал призыва всесильной халявы (через форточку в зачетную книжку). Почти у каждого человека вырабатываются свои убеждения, своя манера, «своя игра», свой путь, приводящий к удаче.

Всем известное русское «авось» – способ жизнедеятельности, оправдывающий просчеты, неудачи и в то же время дающий некоторым все желаемое, без видимых физических и психологических затрат, – это тоже игра. Вера в фортуна подразумевает желание изменить ситуацию, но бездеятельность, инертность, пребывание в эмоциональном нетерпении «повезет – не повезет» проецируют другой жизненный путь: человек как бы утрачивает «свою игру», становится болельщиком, наблюдателем чужих игр, отсюда мода на различные тотализаторы, ставки, рейтинги...

Хотя сама игра не является обманом, но она постоянно использует броские иллюзионные эффекты, чтобы выдать показное за подлинное, выражающее свою суть. Но цель данного обмана не в завоевании сакрального, это прежде всего показ своих неудовлетворенных желаний, нереализованных надежд и мечтаний. Ведь игра – есть практика воображаемого. Индивид демонстрирует миру, кем он является. Это способ самоопределения, пробный путь бытия. Ричард Бах как-то отметил, что «в конце концов, вот, что значит учиться: важно не то, проиграем ли мы в игре, важно, как мы проиграем и как мы благодаря этому изменимся, что нового для себя вынесем, как сможем применить это в других играх».

Библиографический список

1. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1998.
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс–Традиция, 1997.
3. Griffiths M.D. Internet addiction: Internet fuels other addictions // Student British Medical Journal. 1999. V. 7.

Ю.И. Мирошников
УрО РАН, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО

Для анализа социально-нравственной философии Л.Н. Толстого важным событием биографии оказалось его участие в переписи населения Москвы (январь 1882 г.). За год до этого он с семьей переехал на постоянное проживание в столицу. Дети подросли, и встала задача получения высшего образования, взрослых дочерей нужно было выводить в свет. Столичный быт невольно заставил автора знаменитых романов «Война и мир» и «Анна Каренина» приглядеться не только к особенностям городской жизни, но и к сути городской (буржуазной) цивилизации, социальной структуре индустриального общества, к разделению труда, к классовому расслоению и иерархии, природе денег, к роли науки, государственных и гражданских институтов (например, институтов благотворительности).

Толстой обладал деятельной натурой, он был по жизни реформатором и устроителем, о чем говорит вся его биография. Поэтому совсем не удивительно, что Толстой выражает желание участвовать в таком деле, как перепись населения, отвечающем его потребностям познания и «переделке» жизни, и с головой погружается в исследование непривычной для него социальной среды. По просьбе Толстого Дума определила ему участок домов, принадлежащих когда-то купцу Ржанову и прозванных в народе «Ржановская крепость», или «Ржановский дом». Писателя еще раньше поразили слухи об этом месте, как «притоне самой страшной нищеты и разврата» [1, с. 180]. Лев Николаевич горел желанием все увидеть своими глазами. Подготавливаясь к работе, он задумал написать статью, сбор материалов для которой и подготовка текста к печати длилась четыре года с начала 1882 до начала 1886 г. Замысел увлек его и в конечном итоге воплотился в целую книгу объемом 200 страниц под сразу же возникшим названием «Так что же нам делать?». Само название подчеркивало решимость Толстого не только теоретически исследовать наболевшие в обществе социальные вопросы, но искать и практические пути их решения.

Книга захватывает обыкновенного читателя изображением той социальной городской среды, которая еще никогда не изображалась писателем в его творчестве. С изумительным мастерством художник рисует лица различных категорий густо населявших ночлежные и работные дома, трактиры и притоны. Это документально точные снимки представителей социального дна, с которыми Толстой вступал в разговоры, знакомился с обстоятельствами их жизни, внутренним миром, снабжал небольшими суммами денег. Толстой делал попытки поправить судьбу некоторых

несчастных, так, например, он описывает, как брал в собственный дом нищего мальчика и что из этого получилось. Нужно добавить, что по приезде в Москву Толстой «сделал себе привычку для мочиона ходить работать на Воробьевы горы с двумя мужиками, пилившими там дрова. Два этих мужика были совершенно такие же нищие, как и те, которых я встречал по улицам» [1, с. 169]. Вот пример включенного наблюдения Толстого-исследователя: «Почему те работают, а эти просят?» – спрашивал себя Толстой.

Следует сказать, что у современников Толстого сложилось твердое мнение о нем как великом художнике, но плохом мыслителе. Даже официоз тогдашней России, сурово наказывая последователей Толстого, не трогал автора крамольных мыслей, ибо испытывал якобы «невольную нежность» к Толстому-художнику [2, с. 116]. В.Г. Короленко, в отличие от большинства пишущих о творчестве Толстого, не противопоставлял в нем мыслителя и художника, а полагал, что Толстой-мыслитель составляет часть Толстого-художника. Толстой-мыслитель не дает чего-то принципиально нового по отношению к произведениям Толстого-художника. Толстой-мыслитель якобы целиком опирается на схемы, рождающиеся из его художественной интуиции. Так как якобы Толстой-художник города не знал, то своим художественным вниманием он обошел горожанина, городскую жизнь, городские слои населения. «Для Толстого – мыслителя и публициста этот пробел имел очень существенное, почти роковое значение» [2, с. 103].

Фабрик, заводов, университетов и гимназий не было в художественных произведениях Толстого, и потому они отсутствовали и в его философской публицистике, наполненной утопическими картинками будущего общества, устроенного на манер первобытного христианства [2, с. 106–107].

На взгляд Короленко, в философской публицистике Толстой не делает выводов из исследования фактов. В поисках цельности и гармонии духа он опирается на силу воображения и христианскую веру, «которую нужно добыть в Евангелии из-под позднейших наслоений, как золото из-под шлака. Толстой читает Евангелие, вдумывается в подлинные тексты-вульгаты, изучает древнееврейский язык... Но это изучение не исследование объективного ученого, готового признать выводы из фактов, каковы бы они ни оказались. Это страстное стремление художника во что бы то ни стало восстановить душевный строй первых христиан и гармонию простой, неусложненной христианской веры, которые он пережил в воображении» [2, с. 105].

Пожалуй, трудно и даже невозможно подобрать пример из философских произведений Толстого, который бы с такой же яркостью и убедительностью противоречил мнению В.Г. Короленко, как книга «Так что же нам делать?». Все в ней решительно противоречит утверждениям извест-

ного русского писателя-демократа о характере публицистики Толстого, о его философской мысли, которая, якобы в действительности не идет дальше того, что открывается его художественному взгляду. Ведь, как известно, Короленко писал, что Толстой будто бы был лишен навыков объективного научного исследования, что он, став городским жителем в 1881 году и прожив в Москве многие годы, не проявил интереса к различным городским слоям, не знал студенчества, профессуры, писателей, издателей, художников, музыкантов, т. е. интеллигенции, рабочего класса, представителей городского дна (бродяг, проституток) и «верха» (промышленников, фабрикантов, банкиров).

Мы, напротив, присоединяемся к тем исследователям творчества Толстого, которые считают, что его талант следует рассматривать изначально как единство художественной интуиции и рациональной философской мысли, взаимодополнявших друг друга. Толстой как мыслитель сложился и проявил себя до создания знаменитых романов «Война и мир» и «Анна Каренина». Художественный талант отнюдь не был утерян Толстым и после появления его «Исповеди» или «Так что же нам делать?», о чем говорят его «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», «Хаджи Мурат».

Но сосредоточимся на книге «Так что же нам делать?», в которой Лев Николаевич проявил себя как новатор в исследовании социально-гуманитарных проблем. Первое, что бросилось в глаза Толстому после переезда в Москву, – социальное расслоение, наличие огромной дистанции между «верхом» и «низом» общества. При этом его нравственная рефлексия не могла не заработать, и он вдруг осознал, на каком полюсе богатства и нищеты он сам находится. Он не скрывает это свое положение не только от себя, но и от читателей работы «Так что же нам делать?».

Сравнивая картину нищеты, увиденную Толстым при посещении ночлежки, и собственное домашнее благополучие, он пишет: «Дома я вошел по коврам лестницы в переднюю, пол которой обит сукном, и, сняв шубу, сел за обед из пяти блюд, за которым служили два лакея во фраках, белых галстуках и белых перчатках» [1, с. 173]. Но это он, Толстой, представитель социального верха, не мог без возмущения и стыда совмещать две картины: социального довольства и комфорта и социальной нищеты и унижения, тогда как большинство богатых людей отделяли себя от бедных не то что по привычке, но сознательно. Это обособление делалось во всех сторонах жизни: в еде, одежде, жилье, в способах передвижения, образовании, образе жизни. «Я убедился, что между нами, богатыми, и бедными стоит воздвигнутая нами же стена чистоты и образования, сложившаяся из нашего богатства...» [1, с. 222].

Толстой, конечно, не впервые видел бедность, и он признает, что теперь он понял, что городская бедность относительна. Многие бедные го-

родские жители в сравнении с деревенской беднотой жили «роскошно». В городе встречается много «богатых бедных» [1, с. 204].

Лев Николаевич сравнивает вещное окружение бедных городских людей с обстановкой, в которой живут крестьяне. Он сопоставляет то, чем питаются в городе и деревне. Толстой наглядно это показывает в связи с тем, что он помог 12-летнему городскому мальчику-сироте Сереже переехать в деревню, чтобы жить и работать в семье знакомого крестьянина. Сережа недолго пробыл в деревне, он не захотел с мужиком «убирать скотину и есть с ним картошки с квасом» [1, с. 293]. О деревенском питании Толстой замечает: «Петровками – голодным постом, когда пища народа – квас, хлеб и лук, начинается покос» [1, с. 293].

Как показывает Толстой, бедные люди появлялись в городе не в результате каких-то роковых обстоятельств, несчастных случаев, которые можно было бы исправить разовой материальной помощью со стороны богатых людей или с помощью государственных мер. Городская бедность была явлением, глубоко укорененным в нравственности людей. Во всяком случае все усилия писателя помочь бедным людям, с которыми ему пришлось встречаться в ходе переписи, были не просто безрезультатными, а вели к значительному ухудшению их состояния. «Большинство несчастных, которых я увидел, были несчастные только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлеб...» [1, с. 207]. Лев Николаевич приводит в своей книге следующие характерные, как бы сейчас выразились социологи, репрезентативные факты, дающие ответ на его недоуменный вопрос. Почему одни мужики, ничем не отличающиеся от нищих, пилят дрова на Воробьевых горах, а другие просят милостыню? Вот, например, один нищий, здоровый мужик, уверяет Толстого, что работал бы, но пилу и колун ему не на что купить. Лев Николаевич дает ему деньги на пилу и указывает место на Воробьевых горах, где сам пилит и колет с трудолюбивыми мужиками Петром и Семеном. Но дадим слово самому Толстому: «Мужик клянется, что придет, и мне кажется, что он не обманывает, а имеет намерение прийти. На другой день прихожу к знакомым мне мужикам. Спрашиваю: приходил мужик. Не приходил. Так несколько человек обманули меня. Обманывали меня и такие, которые говорили, что им нужно только денег на билет, чтобы уехать домой, и через неделю попадались мне опять на улице» [1, с. 169–170]. Толстой приходит к выводу, что людям, оставившим свои привычные трудовые занятия, проще было прокормиться в городе, где идет концентрация богатства, где накапливаются дармовые деньги. Богатые же люди подают нищим не ради Христа, а как бы откупаясь от тех, кого разорили, у кого отняли их настоящее, а не ложное богатство. Таким образом, благотворительность ничего не способна изменить в несправедливом устройстве жизни.

Подчеркнем, что этот вывод Толстого не основан на кабинетных раздумьях, не явился плодом воображения писателя. Этот вывод возник как итог обобщения большого эмпирического материала, добытого в результате самостоятельного исследования. Толстой наблюдает и описывает ночлежные дома, анализирует их классовый и профессиональный состав, типологизирует категории нищих. Имея в виду «Ржановскую крепость», Толстой отмечает, что «жители этих домов составляют низшее городское население, такое, которого в Москве, вероятно, больше ста тысяч... тут маленькие хозяева и мастера, сапожники, щеточники, столяры, токари, башмачники, портные, кузнецы; тут извозчики, сами по себе живущие барышники и торговки, прачки, старьевщики, ростовщики, поденные и люди без определенных занятий, тут же нищие и распутные женщины» [1, с. 186]. Писатель вступает в контакты с несчастными людьми, стремится понять их психологию и мотивацию, оценку и самооценку их поведения.

Особенно Толстого занимают нищие. Он пытается понять причины нищеты, описать сознание людей, попавших в столь унижительное положение. Лев Николаевич видит отчужденное отношение большинства нищих к обществу, к окружающим их благополучным людям. Так Толстой описывает свои впечатления близ Хитрова рынка, где находилось множество ночлежных домов. «Уже идя по Солянке, я стал замечать больше и больше людей в странных, не своих одеждах и в еще более странной обуви, людей с особенным нездоровым цветом лица и, главное, с особенным общим им всем пренебрежением ко всему окружающему. В самой странной, ни на что не похожей одежде человек шел совершенно свободно, очевидно без всякой мысли о том, каким он может представляться другим людям» [1, с. 170]. Ровно таким же отчужденным взглядом нищих, бездомных людей провожали добропорядочные обыватели. «Городские старожилы, когда говорили мне про городскую нищету, всегда говорили это с некоторым удовольствием, как бы гордясь передо мной тем, что они знают это. Я помню, когда я был в Лондоне, там старожилы тоже как будто хвастались, говоря про лондонскую нищету. Вот, мол, как у нас» [1, с. 170].

В «Люцерне» впервые Толстой обратил внимание на антигуманное отношение между праздным скучающим богатством отдыхающих и страдающей, униженной бедностью бродячего музыканта, ищущего себе средства для пропитания. В результате разнообразных исследовательских операций Толстой приходит к заключению, что основа нищенства – нравственная, присущая не столько отдельным индивидам, опустившимся по тем или иным причинам на социальное дно, а всему обществу в целом. Это некое системное качество, объяснение которого становится главной темой книги «Так что же нам делать?» и не только ее.

Несправедливость общественного устройства коренится в городе. Город становится средоточием богатства. Богатство богатых и даже относительное богатство бедных жителей города есть следствие глубокой не-

справедливости отношений между городом и деревней. Источником подлинного, настоящего, нравственно безупречного богатства является деревня, труд землепашца. «Там только есть настоящее богатство: и хлеб, и лес, и лошади, и все» [1, с. 212]. Кроме богатства нравственно безупречного есть богатство сомнительное, которого люди добиваются обманом или силой. У сельских тружеников отбирается созданное ими богатство, именно отбирается, а не выменивается. «Я... вижу, что вследствие насилий, вымогательств и различных уловок... отбирается у трудящихся необходимое и нетрудящиеся люди... пользуются с излишком трудом других людей» [1, с. 227]. «Богатые люди скопляются вместе и пристраиваются к таким же богатым людям с одинаковыми потребностями. В городе, где удовлетворение всяких роскошных вкусов заботливо охраняется многолюдной полицией» [1, с. 213]. Для удовлетворения всех потребностей богатых людей возникают различные мастерские, лавки, банки, трактиры, театры и всякого рода увеселительные заведения.

Город как бы специально создан для того, чтобы люди, награвившие богатства, могли ими пользоваться. Город во главе с государственными чиновниками отбирает необходимое у деревенских тружеников и соблазняет их праздностью. Постепенно понимая, что сложившийся порядок освящается законом, деревенские люди стараются освободиться от своей тяжелой работы и принять участие в празднике. «Одним удастся, и они становятся такими же вечно пирующими, другие понемногу подбираются к этому положению, третьи обрываются, не достигнув цели, и, потеряв привычку работать, наполняют непотребные и ночлежные дома» [1, с. 215]. Крестьяне приходят в город, «чтоб как-нибудь вернуть то, что у них отобрано в деревне» [1, с. 217].

Согласно концепции Толстого, город как средоточие праздности и богатства порождается разделением труда. Толстой иронизирует, называя «разделение труда», «цивилизацию», «науку», «искусство» «страшными словами», перед которыми его мысль должна бы преклониться. «Моя роскошная жизнь кормит людей. Куда пойдет мой старый камердинер, если я отпущу его? Что же, всем самим себе делать все нужное: и платье, и рубить дрова?.. А разделение труда? А промышленность, а общественные предприятия и под конец самые страшные слова: цивилизация, наука, искусство?» [1, с. 281].

Толстой рассматривает три концепции разделения труда, как бы в согласии со схемой О. Конта о трех стадиях умственного развития человечества: теологическую (о падении Адама и Евы и искуплении первородного греха человечества), философскую (учение Гегеля о разумности всех форм общественной жизни) и позитивную – научную. В согласии с позитивистом Г. Спенсером («Василием Великим этого учения») общество предстает как организм, в котором его части (профессиональные группы и классы) выполняют различные функции [1, с. 325]. Все три концепции

Толстой обвиняет в несостоятельности. В частности, он утверждает, что найденные позитивистами законы общества, обосновывающие разделение труда, «клонят к одному, а именно к тому, чтобы то разделение деятельности, которое существует в человеческих обществах, признать органическим, т. е. необходимым, а потому рассматривать то несправедливое положение, в котором находимся мы, уволившие себя от труда люди, не с точки зрения разумности и справедливости, а только как несомненный факт, подтверждающий общий закон» [1, с. 319–320]. Позитивизм вообще апеллирует к фактам и требует, чтобы наука следовала только за фактами. Но «исследовать только факты никак нельзя, потому что фактов, подлежащих нашему исследованию, бесчисленное (в точном значении этого слова) количество. Прежде чем исследовать факты, надо иметь теорию, на основании которой исследуются факты, т. е. избираются из бесчисленного количества те или другие факты» [1, с. 318–319].

Толстой выступает не против всяческого разделения труда. Он решительно отвергает лишь несправедливое разделение труда. Критерий справедливого разделения труда не в исторических фактах его существования, а в совести и разуме всех людей, которые «очень просто, несомненно и единогласно решают этот вопрос. Они решают его всегда так, что разделение труда правильно только тогда, когда особенная деятельность человека так нужна людям, что они, прося его послужить им, сами охотно предлагают ему кормить его за то, что он будет для них делать» [1, с. 330]. Толстой считает, что в разделении труда и тот, кто избирает какую-то специальность, и те, кто собирается пользоваться продуктами специализированной деятельности, должны быть свободны. Он видит насильственный характер специализированной деятельности, с одной стороны угнетающей и отупляющей работников, а с другой – создающей ложные формы потребления. «Как бы убедительны ни были доказательства разделения труда клеточек в наблюдаемых организмах, человек, если он еще не лишился рассудка, все-таки скажет, что ткать всю жизнь ситцы человеку не должно и что это не есть разделение труда, а есть угнетение людей» [1, с. 328]. Это, несомненно, гуманистический взгляд на практику разделения труда, сложившуюся в европейском капиталистическом обществе.

Толстой относит к насилию над частью общества разделение труда на умственный и физический. Тем, кто уверенно говорит о таком виде разделения, «кажется, что в самом деле происходит совершенно правильный обмен услуг там, где происходит самое простое, старинное насилие» [1, с. 333]. Умственный труд, по Толстому, возможен лишь при том непременном условии, что представители науки и искусства будут жить «среди народа и как народ, не заявляя никаких прав, будут предлагать ему свои научные и художественные услуги, принять или не принять которые будет зависеть от воли народа» [1, с. 346]. Таково непременное и очень жесткое требование, которое Толстой выдвинул к творческой интеллигенции. Во

всяком случае кажется справедливой мысль Толстого о том, что обмен деятельностью в современном обществе происходит по-прежнему не на началах свободы, справедливости и эквивалентности. Представители духовной деятельности получают продукты, произведенные работниками физического труда, до того, как последние, в свою очередь, получают что-то. То, что они, в конце концов, получают совсем не соответствует тому, в чем они испытывают потребность. Они ущемлены даже в удовлетворении материальной пищи, а не то что духовной. Представители умственного труда получают материальную пищу до того, как они окажутся способными совершить ответный акт.

«Производитель духовной пищи говорит: для того, чтобы я мог вам дать духовную пищу, вы кормите, одевайте меня, выносите за мной мои нечистоты. Производитель же телесной пищи не заявляет никаких требований и дает телесную пищу, хотя бы он и не получает духовной пищи. Если бы обмен был свободен, то условия тех и других были бы одинаковы» [1, с. 333]. Именно это отношение неадекватного обмена продуктами деятельности между работниками физического и умственного труда создает иллюзию законности сложившейся социальной иерархии, на вершине которой находятся государственные чиновники. Мало того, что деятельность чиновников всеми людьми не признается полезной, но ее отправление производится насильственно, и для достижения управленческих целей обычны такие средства, как убийства, казни, остроги, насильственные подати. Подлинным бедствием народа является чрезмерный рост государственных людей. Сегодня европейские страны страдают от такого экономического явления, как перепроизводство. «Это то, что англичане называют overproduction, перепроизводство (то, что наделано пропасть вещей, которых некуда девать и которые никому не нужны)» [1, с. 329]. Так вот, прежде всего общество должно как-то справиться с перепроизводством государственного аппарата, вообще не имеющего нравственного основания для своего существования.

Рассуждения Толстого, направленные против иерархического устройства общества вообще и против сферы государственного управления в частности, звучат деструктивно по отношению к обществу как определенной политической, экономической, социальной целостности, включая сюда целостность культурную и нравственно-этическую. Персонализм Толстого заводит его в данном случае в тупик и не позволяет решать действительно существующие социальные проблемы конструктивно. Кроме того, эти идейные атаки против социального верха внутренне противоречат ценностному сознанию самого Толстого, всегда помнившего и гордившегося принадлежностью к княжескому роду. В одном из вступлений к «Войне и миру», не вошедшем в окончательный текст, Толстой с большим пафосом пишет: «Я аристократ, потому что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и борьбы между совестью и нуждой, не имели

необходимости никому никогда ни завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и т. п. испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это – большое счастье, и благодарю за него Бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причин отречься от него и не пользоваться им» [3, с. 222].

Итак, взгляд Толстого на современное ему буржуазное общество – это отнюдь не фантазия художника, а глубоко продуманная теоретическая позиция, выношенная годами наблюдений за городской жизнью, чтением исторической, политэкономической, философской литературы как отечественной, так и зарубежной. Книга Толстого «Так что же нам делать?» наиболее ярко выражает социальную философию автора. Особенность теоретической позиции Толстого заключается в жесткой связи социальных явлений с их ценностной (нравственной) оценкой. Толстой не просто усиливает аксиологические аспекты социальной философии, которые были ей присущи начиная с Аристотеля.

Как известно, Стагирит различал правильную экономику и хрематистику, как извращение ее нормального развития. В последнем случае, с точки зрения автора «Политики», деятельность людей оказывается ложно ориентирована на создание богатства, отчужденного от их естественных нужд [4]. Аксиологические аспекты явственно слышны впоследствии в социальной философии нового времени у Т. Гоббса, физиократов, А. Смита и т. д. У Толстого, как и у его знаменитых ближайших предшественников Ж.-Ж. Руссо и Ф. Ницше, нравственные понятия становятся основанием теоретического объяснения общественной жизни. К.Х. Момджян именует такой метод познания общественной жизни «ценностной социальной философией». Среди склонных к данному типу исследования он находит целый ряд мыслителей от Платона до К. Маркса и Н.А. Бердяева [5]. Обозначенный стиль мышления сложился у Толстого еще в пору его увлечения теорией и практикой педагогики в начале 1860-х годов. Его ранние трактаты об образовании – «О народном образовании», «Воспитание и образование», «Прогресс и определение образования» – уже принимают отчетливый социально-моральный характер. Следует согласиться с Т. Манном, который утверждал, что «тяготение Толстого к педагогике... непосредственно социально-морального происхождения» [6, с. 584].

В книге «Так что же нам делать?» Толстой сопоставляет важность предметного фактуального знания о мире и знания ценностного – истины естественных наук и нравственные истины. Он утверждает, во-первых, что нравственные истины достигаются и уясняются более «длинным трудом». Во-вторых, в конечном итоге требуется уяснение именно нравственных истин, так что «и государственная, и научная, и художественная, и торговая» деятельность людей «не имеет другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной ис-

тины» [1, с. 209]. Наконец, в-третьих, что наиболее характерно именно для стиля мысли Толстого, который полагает, что важным следствием уяснения себе нравственной истины, «перехода ее из туманного, неопределенного сознаваемого предположения, желания, из неопределенных, несвязных выражений в твердое и определенное выражение», оказывается необходимость совершения поступков, прямо вытекающих из понятой, усвоенной нравственной истины [1, с. 209].

Как показывает текст «Так что же нам делать?», выполнение исследовательской программы Толстым, начавшейся в 1882 г. участием в переписи населения и завершившейся подготовкой рукописи к печати в 1886 г., сопровождается рефлексией писателя по поводу своего места в обществе, его объективного и субъективного отношения к бедности и богатству, проблем его общения с теми людьми, которым он желал помочь или которых он хотел привлечь к выполнению совместной благотворительной деятельности. «Так что же нам делать?» не только обычное исследование определенного явления, но самоотчет о духовных перипетиях Льва Николаевича как исследователя-теоретика и благотворителя-практика. «Так что же нам делать?» – научная работа новаторского типа, отвергающая стиль классического познания, в котором ученый-обществовед руководствуется установкой объективного исследования социальных процессов. Русский мыслитель дает себе ясный отчет в том, что нельзя исследовать гуманитарные проблемы (в конечном счете любые проблемы), не замыкая их на самом себе, не учитывая собственное место в обществе, не оценивая свое поведение с позиций добра и зла.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Собр. соч. в 22-х т. Т. 16. М.: Худ. лит., 1983.
2. Короленко В.Г. Лев Николаевич Толстой. Статья первая // Собр. соч. в 10 т. Т. 8. М.: МХЛ, 1955.
3. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006.
4. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
5. Момджян К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010.
6. Манн Т. Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М.: Худ. лит., 1960.

В.А. Усольцев
УГЛТУ, Екатеринбург

СПЕЦИФИКА СЛАВЯНСТВА И ПРАВОСЛАВИЕ НА РУСИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕНОМЕНА РУССКОГО КОСМИЗМА

Серебряный век и русский космизм на рубеже XIX и XX веков не возникли спонтанно, их истоки уходят вглубь русской истории. В.Н. Демин показал, что так называемый «народный космизм» восходит к древним славянам [1]. Наши предки считали, что человеческая жизнь с момента рождения зависит от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими с момента рождения. Каждый хотел бы родиться под «счастливой звездой» – своеобразным оберегом. Гаснет она – и обрывается нить жизни, человек умирает.

Выдающийся собиратель и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев писал о том, что каждый человек при рождении получал на небе свою звезду, с падением которой прекращалось его существование [2]. Всем славянским народам была присуща вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах. По их убеждению, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе счастье или несчастье в супружеской жизни.

«В народных заговорах и заклинаниях, – пишет В.Н. Демин, – многие из которых восходят к общеиндоевропейским и доиндоевропейским мифологическим представлениям, содержатся обращения к высшим космическим силам, утренним и вечерним зорям... Представления о жизненности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими “небесными” законами – неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации... Арийское наследство, принесенное славянами (а в дальнейшем – русскими) на евразийскую почву, сохранялось в форме стойких мифологических воззрений, игравших... роль первобытного познания природы и даже первобытной науки. В этом горниле зарождался и оформлялся изначальный народный космизм» [1, с. 44].

Русский историк XIX века И.Е. Забелин утверждал, что язычник яснее всего постигал и понимал одну великую истину: жизнь – есть основа всего мира, она разлита повсюду и чувствуется на каждом шагу, в каждой былинке. Во всем живом мире господствует и повсюду является такое же человеческое существо, как он сам. Он сознавал, что весь видимый мир от былинки до небесного светила одухотворен тою же человеческой душою, ее мыслью, чувством, волею [3].

С принятием христианства православие стало духовной силой, содействующей объединению русичей, формируя их культурно-историческую общность и соборность как единство свободных людей, основанное на совокупной духовности и преданности общей родине. Культура славян была глубоко пронизана православием: долготерпение, широта души и щедрость в общении, братолюбие, сострадание к «меньшой братии», жажда решать все дела не по черствым законам, а «по-Божьи». С принятием православия упразднялась кровная месть, росло уважение к личности, в молитве воспитывалась дисциплина внимания, подавлялись неконтролируемые эмоции. Вместе с тем православие не ставило перед человеком слишком высоких нравственных задач, поскольку обладало «поучительной снисходительностью». Поклоняясь святым, надеясь на их заступничество и «предстательство» перед Богом, древнерусский человек вовсе не воспринимал свои иногда дурные поступки как лицемерие: он ощущал себя истинно православным, только «немного грешником». Такие противоречия в сознании средневекового русича были свойственны его реальной жизни [4].

В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты. Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем путь освещают!.. Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать» [5, с. 51].

Ф.М. Достоевский писал В.А. Алексееву в 1876 г. об одном из основных предназначений христианства – нести людям «свет духовный»: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопотает прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно – нищета, борьба за существование, “среда заела”. На это Христос отвечал: “Не одним хлебом бывает жив человек”, – то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя...» [6, с. 274].

Эту мысль Ф.М. Достоевского продолжает русский писатель Н.С. Лесков, как никто другой, широко использовавший фольклор и народные традиции в своем творчестве. В рассказе «Чертогон» им показан русский барин «из купеческого звания», «очень простая фигура, русская, но довольно величественная», к тому же «благочестив и большой вес в Москве имеет». У барина на лице «этакая, что называется, плюмса, как бывает от скуки», что и подтверждается его короткой фразой: «Совсем жисти нет». От скуки он заказывает «на сто особ» в загородном кабаке настоящую «вальпургиеву ночь», с цыганами-«эфиопами», песнями, плясками, выпивкой, обжорством и дикими выходками, безудержным самодурством самого заказчика «шабаша». К утру все кончилось при полном разгроме кабака.

И началась «жисть» в новом дне, наперво – с кружки кваса, затем продолжилась баней, а закончилась визитом в молеальный дом, к Всепетой, – «покаянье принять». Рухнув на колени, нагрешивший «ударил лбом об полниц, всхлипнул и точно замер», а потом зарыдал, да так, что окружающие «с ним навзрыд плакать начали: Господи, сотвори ему по его молению». Глубоко пережив «борение» искушения и благочестия, он, наконец, просветленным голосом промолвил: «Теперь мне – прощено!». Завершает автор свой рассказ словами: «И вот он не отвержен и счастлив; он щедро одарил обитель, где вымолил себе это чудо, и опять почувствовал “жисть”... С этих пор я вкус народный познал в падении и в восстании... Это вот и называется *чертогон*, “иже беса чужеумия испраздняет”» [7, с. 372].

«Общий склад русской души таков, – писал один из ярких представителей Серебряного века Вяч. И. Иванов, – что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения» [8, с. 234].

Удивительно привлекательные черты обрело православное искусство. Его условный, иносказательный язык был предельно символичен. В архитектуре древнерусского храма система мозаик и росписей интерьера соотносена с сакральной значимостью композиций и отражает основные положения вероучения. При простом их созерцании видимые образы отражали первообразы, они служили Библией для неграмотных и были понятны самым различным слоям населения, особенно не посвященным в тонкости эзотерической теологии [4].

Православие изначально было одной из главных духовных опор России. Монастыри и церкви были извечными хранителями значительной составной части русской культуры. Русская архитектура прошлого, запечатленная в русских монастырях и храмах, как и русская песня, искусство и литература, символизируют величие народного духа, переданное нам ушедшими поколениями. Здесь человек постигал нравственные критерии,

знакомился с высоким искусством живописи и хоровых сакральных песнопений, приобщался к космическому мышлению. Храм воспринимался как уменьшенная копия Вселенной.

Как считает Г.С. Островский, христианский храм в древности – это не только «священное писание для неграмотных», переведенное на язык наглядных, красочных образов, но это «целая система мироздания, исполненная для людей того времени большого смысла и значения». Таков Софийский собор в Киеве, созданный по образцу храма Святой Софии в Константинополе. Своды, стены, купол, столбы, хоры, лестничные переходы покрыты мозаичными картинами и византийскими фресками, на которых изображен персонифицированный духовный мир христианства, взывающий к душе молящегося через сдержанно-суровые лики архангелов, апостолов, евангелистов, отцов Церкви, святых воинов. В потоках света, льющихся из окон купола, переливаются серо-фиолетовые, зеленые, желтые, синие, голубоватые тона, создавая неповторимую атмосферу отстраненности от суетности здешнего мира, за которой следует гармонизация малого космоса человеческой души с Космосом мира Небесного [9].

Вместе с Византийским храмом пришла на Русь и икона, живописная летопись христианской веры. Руководитель иконописной мастерской В.А. Криворотов пишет о поэсисе «многомерного космизма» иконы, понять который можно, только рассмотрев, как она пишется. Прежде всего, иконописец это не простой ремесленник, он – духовидец, и, чтобы стать таковым, ему требуется многодневная подготовка: ограничение мирской деятельности и пост – настройка ума; раскаяние в греховности своей жизни – настройка души; непрерывная молитва – настройка духа. Лишь после того как все «системы иконописца настроены» и он полностью нейтрализовал свое «я», лишь тогда поэсис духовного мира открывается его душе, а сам «он становится его инструментом в процессе писания иконы» [10].

Иконописец поэтому никогда и не мыслит себя ее творцом, и для христианина икона не просто картина, а проводник, канал в мир духовный, являющийся «носителем принципа совершенства и гармонии», или космос духовный. О.Д. Куракина в храмовой росписи и иконе – этих первых живописных произведениях христианской Руси – видит «поэсис космизма» [11].

«На базе храмовой архитектуры, – пишет В.П. Даркевич, – этого синтеза искусств, создается подлинное единство богословских, эстетических и утилитарных ценностей... Для средневекового человека большой кафедральный собор или скромная уличанская церковка были не какими-то абстрактными «памятниками», а заповедными, самыми священными местами, где происходило духовное общение со Всевышним вне мирской суеты, где царила атмосфера благоговейной любви и трепетной надежды, где припадали к образу своего святого заступника и в радости, и в горе...

В Древней Руси земная церковь сумела обеспечить максимальную для того времени крепость, цельность общества, необходимую в борьбе за выживание» [4, с. 65].

Все это нашло отражение в устроении русского космизма как многопланового явления, несшего на себе печать национальных особенностей России и отечественных культурных реалий: православной религии, русской религиозной философии, отечественного искусства, литературы, науки, всего уклада народного быта и государственного устройства. Его представителями (Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, В.Н. Черныгин, Вяч. Иванов и др.) разрабатывалась, в частности, концепция храмового, литургического синтеза искусств, построенная на единстве церковного зодчества, росписи, ваяния, вокального и словесного искусства. Это было явление, подобного которому не существовало в Европе.

Храм всегда воспринимался как образ мира. Древние строители хотели вместить в него весь мир и на века сохранить свое понимание этого мира. Храмы объединены общим стремлением вверх, к небу, и, конечно, к Богу. Первые жертвенники у всех народов возводились на вершинах гор или холмов в стремлении приблизиться к небесам. Особенным символом является купол, означающий, помимо всего прочего, свод небес [12].

Академик Н.Н. Моисеев указывает на то, почему устроение русского космизма могло появиться только в православной среде. Известно, что христианство родилось на базе иудаизма, но основной пафос Нового Завета качественно отличается от того, что проповедовал Ветхий Завет, а именно, что только иудеи принадлежат к избранникам. Христос же пришел ради спасения всех, в том числе несчастных и угнетенных. Н.Н. Моисеев считает, что «идея спасения, спасения всех – важнейшая из идей христианства». Но постепенно эта исходная позиция начала фантастически деформироваться, и в результате, как и в дохристианские времена, идея «спасения падших» уступила свое место идее «избранности», но в еще более жесткой форме. Сегодня эта исходная позиция переродилась в кощунственную идею исключительности европейско-американско-японской цивилизации, в идею «золотого миллиарда», мотивируемую тем, что ресурсов планеты на всех не хватит, – идею, глубоко бесчеловечную в своей основе [13].

Контрастной и несколько неожиданной выглядит позиция В.В. Познера относительно православия в его автобиографической, довольно откровенной книге «Прощание с иллюзиями» [14]. Автор родился и сформировался как личность в католической Франции, много лет жил и работал в протестантской Северной Америке, где дал «клятву верности флагу Соединенных Штатов Америки», и хотя он учился в молодости в МГУ им. М.В. Ломоносова и по паспорту он русский, тем не менее, как он сам пишет, русским он себя не чувствует. И вот результат: «Дальнейший рост влияния РПЦ

будет признаком все большего сокращения демократии в России, и напротив – ограничение влияния церкви станет свидетельством роста демократии. Что и говорить, не повезло России, когда князь Владимир сделал выбор в пользу православной ветви христианства: именно она более других темна, нетерпима, замкнута, именно она активнее других доказывает человеку, что он – ничто. Любопытный факт: если взять все европейские страны и распределить их по тем трем ветвям христианства, которые в них доминируют, то окажется, что наиболее высокий уровень жизни, наиболее развитые демократические институты встречаются в государствах, где церковь имеет наименьшее влияние, то есть в протестантских; за ними следуют страны католические, и на последнем месте – православные. Полагаете, это случайно?» [14, с. 15–16].

Что ответить на этот риторический вопрос? Корреляция в данном случае, по меньшей мере, сомнительная. Во-первых, он ранжирует страны по уровню комфортности жизни, по степени потребительского отношения к среде обитания (и американцы в этом преуспели, давая около четверти мировых выбросов загрязняющих веществ!), что, как известно, ведет цивилизацию в тупик. Во-вторых, из этой корреляции «выскакивают» буддистская Япония и многоконфессиональный с преобладанием конфуцианства Китай. А в-третьих, в отношении России Владимир Владимирович попросту непоследователен. Вот что он пишет далее: «Назовите мне хоть один европейский народ, который в большинстве своем оставался в рабстве до второй половины XIX века. Покажите мне народ, который почти три века находился под гнетом гораздо более отсталого завоевателя» [14, с. 31].

А после посещения выставки с новгородскими иконами, писанными до татарского нашествия, он прозревает: «Я вдруг отчетливо понял, что они, эти иконы, эта живопись ни в чем не уступают великому Джотто, что Россия тогда была “беременна” Возрождением, но роды прервали татаро-монголы. Кто-нибудь попытался представить себе, какой была бы Россия, не случись этого нашествия и двухсот пятидесяти лет ига? Если бы Русь, развивавшаяся в ногу с Европой, выдававшая своих княжон замуж за французских королей, не была отрезана на три долгих века от европейской цивилизации? Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому вече? Что было бы, если бы Русь приняла не православие, а католицизм? Что было бы, если бы русское государство не заковало собственный народ в кандалы крепостничества? Что было бы, если бы всего лишь через пятьдесят с небольшим лет после отмены крепостного рабства не установилось рабство советское? Много вопросов, на которые нет ответов, а есть лишь мало чего стоящие догадки» [14, с. 31–32].

И тут же он дает объяснение этой своей довольно противоречивой череде вопросов и тому, почему альтернативные тенденции развития России для него всего лишь «мало чего стоящие догадки»: «Я отдаю себе от-

чет в том, что не принадлежу русскому народу... При всей моей любви к Пушкину и Гоголю, при всем моем восхищении Достоевским и Толстым, при том, что Ахматова, Цветаева, Блок и Булгаков давно стали частью моей жизни, я осознаю: я – не русский» [14, с. 32]. Он – не русский, он – представитель иной ментальности, и этим, видимо, все сказано...

Однако почитаемый В.В. Путиным Ф.М. Достоевский еще в XIX веке писал, что католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое нравоучение. По вине католицизма на Западе Христа потеряли, и оттого Запад падает [5].

Эти слова Ф.М. Достоевского комментирует сербский богослов Иустин: «Пророчество Достоевского о Европе постепенно исполняется на наших глазах. Европейское человечество, ведомое духом гуманистической, тщеславной “непогрешимости”, катится стремглав из тьмы во тьму, из ночи в ночь, пока не ввергнется в мрачную, вечную ночь, после которой не наступит заря. И в этой ночи человек не увидит своего бессмертного брата, ибо это возможно только в свете печального и чудесного Богочеловека Христа» [15, с. 210–211]. И далее: «Христоносная личность смотрит на природу не как на дикое чудовище, которое надо немилосердно укрощать, но как на больного, за которым надо ухаживать и целить любовью. Для такой личности природа представляется не бездушной материей, которую можно грубо расточать и безболезненно использовать, но представляется дивной Божьей тайной, которую нужно молитвенно любить и с любовью изучать» [15, с. 183].

Здесь мы видим удивительное смыкание православия с язычеством русов, видим преемственность их отношения к природе, перетекшего из язычества в православие и, далее, к умунастроению русского космизма и «общему делу» Н.Ф. Федорова. Здесь же мы видим смыкание взглядов Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского на природу. Н.Ф. Федоров видит в природе друга вечного, а понятие «господство над природою» определяет как «великую ложь». В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский призывает любить все создание Божие: и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любить. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды, и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, и полюбишь, наконец, весь мир уже всецело, всемирною любовью.

«Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с Совестью, – пишет сегодня профессор В.В. Милосердов, – этот образ проходил красной нитью через всю историю России. Ключевым моментом в понимании духовных начал российского общества является глубоко личностный, индивидуально избираемый путь к общности. Так мы понимаем российский коллективизм – общее для всех дело» [16, с. 568].

По мнению Н.М. Чуринова, «...на Руси в идеалах соборности была развернута античная диалектика, аристотелевская теория развития... В трудах древних русских философов идеалы соборности предстали, во-первых, как характеристики совершенства общественных отношений, их гармоничности, продиктованные заветом добродетели и любви к ближнему своему; во-вторых, как характеристики всеобщей связи общественных явлений» [17, с. 5].

Согласно философу П.И. Новгородцеву, покинувшему Россию в 1921 году, в католицизме преобладает юридическое понимание христианства, в протестантизме – этическое, в православии – принцип любви во Христе [18].

Н.Н. Моисеев полагает, что идея спасения всех, высказанная 2000 лет назад, по-настоящему не была осознана, поскольку была высказана слишком рано. Представления об «избранности» стали наиболее отчетливо проявляться в учении кальвинистов, гугенотов, англиканской церкви, в меньшей степени – у католиков. В минимальной степени идеей избранности было пронизано православие. Отсюда вывод Н.Н. Моисеева: «Я думаю, что идея избранности, глубоко проникшая в сознание людей, живущих в западной культуре, опасна не только сама по себе. У людей, особенно у людей с высокой степенью пассионарности, она... лишает их участия в общем, едином процессе. Идеи, подобные идее Н.Ф. Федорова об общем деле, идеи космизма вряд ли могли бы появиться в протестантском мире» [13, с. 10].

Подчеркивая космичность православия, его апологет Э.Г. Яблонский утверждает, что лишь преображение, в своем предельно сакральном смысле направленное вверх, в небеса, к Богу, к единству, – всегда было тем светочем, к которому стремилась русская душа и который наиболее выпукло показали русские славянофилы [19].

Таким образом, вселенское мироощущение, представление о «жизненности космических сил» арьев, а затем языческих славян были перенесены на почву православия с его идеями соборности, спасения всех и преображения. Поэтому появление и проявление феномена русского космизма было подготовлено всей историей славянства, начиная с древних его истоков.

Библиографический список

1. Демин В.Н. Заветными тропами славянских племен. М.: Фаир-Пресс, 2001.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с ми-

фическими сказаниями других родственных народов. М.: Современный писатель, 1994. В 3 т.

3. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М.: Типография Грачева и К⁰, 1876–1879. В 2 т.

4. Даркевич В.П. Цивилизация Древней Руси XI–XVII веков. М.: Белый город, 2011.

5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М.: Современник, 1989.

6. Сараскина Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

7. Лесков Н.С. Чертогон // Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1973.

8. Иванов Вяч. И. По звездам. Борозды и межи. М.: Астрель, 2007.

9. Островский Г.С. Рассказ о русской живописи. М.: Изобразит. искусство, 1989.

10. Криворотов В.А. Космизм и икона // Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Кафедра философии АН СССР, МФТИ, 1989.

11. Куракина О.Д. Поэсис русского космизма: космическая драма отвлеченных начал // Антропос и поэсис. Вып. 1. М.: Ин-т философии РАН, 1998.

12. Дмитриев Н. Храм как образ мира. 2010.

13. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003. № 1(30).

14. Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012.

15. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002.

16. Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире. Екатеринбург: УралГСХА, 2008.

17. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. 3-е изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

18. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

19. Яблонский Э.Г. Космизм как феномен русской культуры // Самиздат. 2010. 6 апреля. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jablonskij_eduard_genrihowich/ed567.shtm.

Т.Г. Бурдина
УГЛТУ, Екатеринбург

ДУХОВНОСТЬ – ИММАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В XXI ВЕКЕ

XXI век бросает человечеству свой, особый вызов, суть которого состоит в критическом переосмыслении рационалистической парадигмы бытия: далеко не все в природной и социальной реальности подвластно научному прогнозированию, а тем более контролю и управлению. Как нам представляется, одним из поворотных моментов этого процесса должно стать обращение к духовности – понятию, практически отсутствовавшему в философии марксизма.

С теоретической точки зрения, забвение Духа в философских системах есть забвение существеннейшей аксиомы о социологически недетерминированной творческой свободе, принадлежащей сфере внутреннего, экзистенциального, метафизического. Материалист стремится выстроить модель реальности «без всяких посторонних прибавлений» (Ф. Энгельс), однако концепция дуализма (человек как точка пересечения двух миров – материального и трансцендентного) методологически более продуктивна и становится жизненно необходимой в условиях современного развития техники и технологии не только как инструментарий познания и преобразования мира, но как духовный ориентир бытия человека в ситуации сложнейших переплетений социальных реалий, накаленного противоречиями информационного пространства, конфликтных межличностных отношений, раздирающих, а порой и уничтожающих личность, и т. д.

Человек обладает «избыточным» духовным миром, и многие его деяния необъяснимы только с материалистических позиций. Психика человека многоуровневая. К нижним ее уровням тяготеют инстинкты (Юнг, архетипы коллективного бессознательного), пре- и перинатальный опыт (Грофф) и др. На высшие уровни, границы которых никому не известны, психику человека выводит так называемая «духовная вертикаль», включающая такие общекультурные аспекты, как познавательный, этический, эстетический, религиозный и т. д. Эта вертикаль сверхутилитарно-прагматична, избыточна, порой представляется бесполезной с житейско-мировой точки зрения, она самоценна.

Для российской ментальности характерен особый приоритет духовности, что находит свое выражение в том, что русский человек на протяжении всей истории искал и ищет не столько законности, сколько справедливости, стремится жить по совести. Само понятие «совесть» можно представить следующим образом: со-весть, т. е. соответствие некоей вести, неким правилам, предписаниям, данным человеку свыше. Вся классиче-

ская русская литература, русская философия пронизаны поисками реализации в самой жизни неких высших духовных предписаний. Следует заметить, что именно это обстоятельство и сделало столь популярными в широких народных массах простые ясные лозунги, выдвинутые большевиками в период Октябрьской революции (не реализованные в конечном итоге большевистской властью, но сыгравшие огромную роль в деле духовного слома традиционной российской ментальности). И это же обстоятельство делает русский народ глухим ко многим рационалистическим, даже продуктивным и верным, идеям либерализма, ибо они носят утилитарный, прагматический характер. Русский народ в своей массе скорее пойдет бороться за правду, справедливость, нежели за законность.

Безусловно, во всяком человеческом действии так или иначе присутствует рациональность, но это не означает, будто весь психический массив в его целостности исчерпывается одной лишь рациональностью. В первом приближении можно связать внерациональное в психике с целями действий, а рациональное – со средствами, поиском оптимальной по эффективности организации деятельности, проектированием (что особенно характерно для техники и технологии XXI века). Системное проектирование сформировалось как особый этап инженерной деятельности где-то в начале 60-х годов. Оно связано с углубленной математизацией технических наук, стандартизацией наборов технических элементов систем разного принципа действия. Произошло расслоение сфер проектирования и реализации проектов – непосредственная работа с проектами обособляется в качестве важного этапа инженерной деятельности, формируется сеть научно-проектных, научно-исследовательских институтов. В конце XX – начале XXI века проектная деятельность захватывает и гуманитарное знание, причем в самых разнообразных формах: проекты совершенствования системы обучения, проекты, связанные с деятельностью средств массовой информации, особенно телевидения, становятся привычным понятием культурного дискурса. Безусловно, проекты в гуманитарной сфере во многом отличаются от проектов сферы научно-технической. Им свойственна большая свобода, креативность, идеологическая и духовная наполненность. Вместе с тем и для сферы инженерных проектов, и для сферы проектов гуманитарной направленности не свойственна такая методологическая строгость и стройность, как в сфере фундаментального научного знания. Но без адекватной, подвижной, гибкой, отвечающей запросам времени методологии проектная деятельность невозможна.

Проектная деятельность системна и междисциплинарна по самой своей сути. С одной стороны, она включает в себя ряд проектов как рядоположенных, так и соподчиненных друг другу, с другой – увязывает их между собой, указывает на временные границы и последовательность их реализации. Проектная деятельность в силу многопланового ее характера содер-

жит в себе всегда элементы непредсказуемого, моменты риска, и для достижения положительных результатов проектной деятельности зачастую требуются сверхутилитарные усилия субъектов этой деятельности, а внутренним побудительным мотивом подобных усилий может быть только высокая духовность. Безусловно, трудно представить горящих идеей коммунизма Павла Корчагина и его товарищей, героев романа Н. Островского, в современных условиях, работающих в качестве менеджеров, логистов, системных администраторов и т. д., ибо современная проектная деятельность, кроме духовных моментов, как нами уже указывалось, требует владения большим массивом информации, умения работать с ней. Однако нацеленность коллектива на общий результат, максимальная самоотдача каждого работника (что сейчас называется корпоративным духом) имеет место и в наше время. Следует только отметить, что «корпоративный дух» преследует конкретные цели определенной организации, а для объединения всей страны перед лицом многочисленных проблем XXI века корпоративного духа недостаточно. Здесь необходимы особые усилия всех ступеней общественного организма – от детсадовского воспитания до высшего образования – и искреннее стремление не на страх, а на совесть не просто повышать свою квалификацию и служить интересам корпорации, а видеть за всем этим интересы России.

К примеру, написание работ по проектированию какого-либо вида деятельности (в частности, студентами УГЛТУ гуманитарного факультета по специальности 100103 «Социально-культурный сервис и туризм») предполагает создание определенного методологического аппарата и следование ему. При этом, что следует особо подчеркнуть, подобная методологическая конструкция не может быть создана раз и навсегда для всех возможных проектов. Например, дипломы, в которых поднимается тема, связанная с посещением исторических мест, памятников, паломническим туризмом, представляют широкий спектр применения методологий мировоззренческого, философского, исторического, культурологического, социологического плана, включая вместе с тем методологические проблемы экономики (бизнес) и СМИ (реклама) и т. д. Однако наряду с чисто прикладными выкладками подобные работы не могут не нести в себе огромный потенциал патриотизма.

Работы, касающиеся вопросов рекламной деятельности, в большей степени концентрируются вокруг методологии взаимодействия бизнеса, СМИ и массового потребителя, интересы которого привлекаются и обслуживаются. Научное знание во всех случаях наличествует и дает основание для формирования любой методологии, ибо достижение успеха возможно только в том случае, если проектная деятельность будет опираться на объективные истинные знания и выстраиваться на базе адекватной методоло-

гии (в первую очередь методологии системного анализа и синергетического подхода).

Конечно, обрисованная выше картина несколько прямолинейна. Цель может представляться до крайности ценностно-бесстрастной, выглядеть итогом чисто интеллектуальных усилий. Однако подобное целеполагание всегда совершается в более широком контексте ценностей внерационального характера (оно направлено на самосохранение, самоутверждение, повышение своего социального статуса и др.). Примером «чистой» рациональности может быть разве что решение логических задач в качестве самоцели, но и такая увлеченность базируется на некоей логически неуловимой страсти к логицизму.

Осознание сущностной роли иррационального в духовном пространстве бытия породило целый поток публикаций, главная идея которых сформулирована на IV Российском философском конгрессе ректором МГУ В.А. Садовничим, который сказал, что «в наступившем веке мы все в большей степени будем сталкиваться с запретами и ценностями морально-этического характера. Их нельзя будет создать или преодолеть только технологическими средствами. Думаю, что в конце концов эти ценности определяют дальнейший выбор пути цивилизационного развития. Либо человечество выберет концепцию развития, основанную на возрастающем росте потребления, которая до сих пор является доминирующей... либо люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством». В.А. Садовничий отметил, что у человечества есть только два пути построения будущего – это наука и религия, когда научное познание (понятие, имеющее максимально рациональное содержание) должно быть дополнено мудростью (понятием, более близким к ряду понятий иррационального характера – моральных, нравственных, этических) [1].

Духовная вертикаль, включающая в себя такие общекультурные аспекты, как познавательный, этический, эстетический, религиозный, в принципе сверхутилитарна, избыточна и порой бесполезна с житейско-мирской точки зрения. Рубикон научного и религиозного лежит в сфере веры и потому не подлежит окончательным практическим либо логическим обоснованиям. Глубокие рассуждения по этому поводу мы находим в романе «Братья Карамазовы» Достоевского: «Истинный реалист, если он неверующий, всегда найдет в себе силы и способность не поверить и чуду, а если чудо встанет перед нами неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт» [2]. Кроме религиозной духовности существует светская духовность. Светская духовность – это всегда обращение к человеку, его творчеству, социуму как носителю и транслятору духовности.

Творцами – субъектами светской духовности являются прежде всего высокое искусство и, к сожалению, очень незначительная часть средств массовой информации. Особо сложную и неоднозначную роль играет Интернет – величайшее искушение нынешнего века. В этом плане вселяет определенные надежды новое общественное телевидение России (ОТР).

Недавняя трагедия, произошедшая в Крымске, со всей неприкрытостью продемонстрировала мощь природных катаклизмов, слабость технического и технологического щита человека перед ними. Самое страшное – драма человеческого духа в полифонии экологического и технологического ужаса. Все язвы российского общества (коррупционность чиновничьего аппарата, отвага одних на фоне мародерства других) были продемонстрированы во всей своей явности.

Подлинное, сплоченное объединение общества и в наиболее благоприятные периоды его бытия, и, тем более, в периоды катастроф может быть достигнуто только через духовное единство. Это выдвигает проблемы духовного просвещения на первый план, ибо мощь современной техники и технологии делает Зло все более искушенным и масштабным, противостоять которому может только Добро – тихое и незаметное, бытийствующее в душе каждого отдельного человека.

Библиографический список

1. Садовничий В.А. Доклад на пленарном заседании IV Российского философского конгресса. М., 2005.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1985.

С.Ф. Масленникова
УГЛТУ, Екатеринбург

ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблемы нравственного воспитания учащейся молодежи, формирования ее системы ценностей активно разрабатываются в современной психолого-педагогической литературе. Это, прежде всего, связано с социальным заказом Высшей школе на воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободу личности и обладающих высокой нравственностью [1, с. 123–127].

В «Программе развития системы непрерывного педагогического образования в России на 2001–2010 год» определены общие цели непрерывного образования студентов, одной из которых является воспитание нравственного человека. Одной из главных целей в области воспитания личности учащейся молодежи ФГОС ВПО признается приверженность этическим ценностям, укрепление нравственности личности.

В отечественной психологии существует множество определений понятия «личность». Наиболее общепринятым является определение личности как человеческого индивида в системе его отношений с обществом: «личность есть не столько то, что человек умеет и чему обучен, сколько его отношение к миру, к людям, к себе, сумма желаний и целей» [2, с. 17]. Понятие «личность» включает в себя устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как человека того или иного общества или общности. Личность – системное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении, характеризующее его со стороны включенности в общественные отношения. Личность человека – это социальное по своей природе, относительно устойчивое и прижизненно возникающее психологическое образование, представляющее собой систему мотивационно-потребностных отношений, опосредующих собой взаимодействия субъекта и объекта.

По определению Р.С. Немова, личность – это «человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях, являются устойчивыми, определяют нравственные поступки человека, имеющие существенное значение для него самого и окружающих». В структуру личности ученый включает темперамент, способности, волевые качества, характер, эмоции, социальные установки, мотивацию [3, с. 336–338]. Быть личностью – это значит:

- иметь активную жизненную позицию, о которой можно сказать: «На том стою и не могу иначе»;
- осуществлять выборы, возникшие в силу внутренней необходимости;
- уметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом;
- обладать свободой выбора и нести через всю жизнь бремя выбора [4].

Современное понимание личности позволяет по-новому раскрыть проблему нравственного воспитания и его значения в становлении личности. «Принцип субъектности», положенный в основу воспитательного процесса, предполагает развитие способности у человека быть субъектом собственного поведения, деятельности и в итоге – своей жизни. Нравственное воспитание, понимаемое как воспитание определенных нравственных качеств, становится фактором становления личности, способной к саморегуляции поведения и адаптации в изменяющейся социокультурной

среде: «Когда у человека сложились те или иные качества, он ведет себя не столько в зависимости от внешних условий и обстоятельств, сколько в соответствии с характером этих качеств». Само личностное становление человека оказывается в неразрывной связи с формированием его нравственных качеств. Эти качества, являясь внутренними психологическими образованиями личности, обуславливают способность человека произвольно регулировать свое поведение и сознательно организовывать свою жизнь, то есть определяют его поведение, деятельность, связи и отношения, а следовательно, и дальнейшее личностное формирование.

Нравственные качества, определяя направленность всех отношений человека, являются основными, системообразующими компонентами в структуре личности человека. В нравственных качествах человека наиболее отчетливо проявляется системный характер психического. В структуре личности они выступают как интегративные психологические образования, внутренне обуславливающие социальную сущность человека, его поведение и деятельность. «Растущий человек, – отмечает Д.И. Фельдштейн, – становится личностью в той мере, в которой формируются социальные качества, определяющие его как общественное существо, члена конкретного общества, сознательного, общественно-ответственного субъекта» [5, с. 10]. Данный концептуальный подход освещен в психолого-педагогических исследованиях Л.И. Божович, В.М. Коротова, Б.Т. Лихачева, Л.И. Рувинского, В.Э. Чудновского, И.Ф. Харламова, В.Т. Чепикова, Г.П. Щедровицкого.

Наиболее развернуто и конкретизированно сформулировал сущность нравственного качества как психологического образования В.Т. Чепиков, по определению которого «нравственное качество есть динамичная интегративная совокупность психических процессов, состояний и свойств, характеризующих потребностно-мотивационную, интеллектуально-чувственную и поведенческо-волевою сферы личности, содержание и структура которых определяют ее субъективные отношения к окружающей действительности и соответствующим образом проявляются в поведении и деятельности» [6]. В соответствии со структурой нравственных качеств этим автором сформулированы и общие методические подходы к организации воспитательного процесса через следующие этапы:

- 1) стимулирование активности воспитанников и формирование потребностно-мотивационного компонента нравственных качеств;
- 2) организация морально-познавательной деятельности воспитанников по усвоению нравственных знаний и формирование на их основе интеллектуально-чувственного компонента нравственных качеств личности;
- 3) организация практической деятельности и общения воспитанников и формирование поведенческо-волевого компонента нравственных качеств [6, с. 142–143].

Трактовка нравственного воспитания как процесса формирования нравственных качеств личности позволяет решить проблему его диагностично сформулированной цели. А цель нравственного воспитания в рамках личностно ориентированной концепции может быть выражена в конкретных личностных качествах, определяющих систему нравственных отношений личности, ее поведение и деятельность, а также характеризующих результаты личностного формирования.

В то же время попытка конкретизировать нравственные качества, необходимые для становления личности, всегда приводила к широкому разбросу мнений и к спорам среди исследователей этой проблемы. В советский период конкретизации задач нравственного воспитания способствовал «Моральный кодекс строителя коммунизма», который являлся идейной основой, определяющей весь процесс нравственного воспитания учащихся. В постсоветское время, в период перехода нашего общества к рыночным отношениям, цели и задачи нравственного воспитания подрастающего поколения очерчиваются авторами в меру собственного понимания значимости определенных норм общественной морали, а также их соотношения с вечными нравственными ценностями.

Таким образом, процесс воспитания нравственных качеств, активно входящий в жизнь высших учебных заведений, позволяет решить следующие задачи профессионального образования:

- развитие социально-личностных компетенций;
- подготовка выпускника к инновационному, творческому характеру профессиональной деятельности,
- формирование ответственного отношения к своей профессиональной деятельности;
- становление гуманистических ценностных ориентаций как основы личностной характеристики специалиста.

Библиографический список

1. Национальная доктрина образования на период до 2025 года // Социологические исследования. 2008. № 11.
2. Лишин О.В. Педагогическая психология воспитания: учеб. пособие. М., 2003.
3. Немов Р.С. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений. В 3 кн. Кн. 3. Психодиагностика. М., 2003.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. М., 1990.
5. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. М., 1994.
6. Чепиков В.Т. Теоретические и методологические основы процесса воспитания нравственных качеств личности младшего школьника: автореф. ... дис. д-ра пед. наук. М., 1998.

А.И. Пожар
Филиал РГСУ, Ивантеевка

О ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ ТИПОВЫХ ПЕРЕЧНЕЙ ВОПРОСОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, НАДЕЛЕННЫХ СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН

В последние годы проблемы детской беспризорности и социального сиротства в Российской Федерации приобрели тревожные тенденции.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон «Об опеке и попечительстве») органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Высшее должностное лицо субъекта вправе самостоятельно определить конкретный орган исполнительной власти в качестве органа опеки и попечительства на территории субъекта.

Органы местного самоуправления муниципальных образований, на территории которых отсутствуют органы по опеке и попечительству, в соответствии с указанным законом могут наделяться полномочиями по опеке и попечительству.

В Российской Федерации органы опеки и попечительства представлены следующим образом:

- органы опеки и попечительства, осуществляющие свои функции непосредственно через территориальные подразделения – в 18 субъектах России;

- органы опеки и попечительства, делегировавшие полномочия органам местного самоуправления – в 65 субъектах России;

- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие управление в сфере образования, являющиеся органами опеки и попечительства или осуществляющие управление в сфере опеки и попечительства – в 56 субъектах РФ;

- иные органы исполнительной власти субъектов РФ, являющиеся органами опеки и попечительства или осуществляющие управление в сфере опеки и попечительства – в 27 субъектах РФ.

Полномочия органов опеки и попечительства определены Семейным и Гражданским кодексами Российской Федерации, а также ст. 8 Закона «Об опеке и попечительстве».

Таким образом, в каждом муниципальном районе и городском округе защита прав детей, оставшихся без попечения родителей, возлагается на органы опеки и попечительства, которыми являются органы местного самоуправления. Обязанности и права органа опеки и попечительства распространяются на сферу взаимоотношений, связанных в первую очередь с опекой и попечительством над несовершеннолетними, оставшимися без попечения родителей, а также совершеннолетними недееспособными (ограниченно дееспособными) лицами.

В научной литературе высказываются различные мнения в отношении понятия опеки и попечительства. Обоснованной представляется точка зрения Н.М. Ершовой, которая определяет опеку и попечительство как «комплексный раздел семейного и гражданского права, включающий все виды попечения над гражданами, которые нуждаются в особых формах охраны своих прав и интересов, и имеющий целью защиту их личных и имущественных прав» [1, с. 46].

Российское законодательство защищает права несовершеннолетних детей и при проведении сделок с недвижимостью, в том числе и ипотечных сделок. Так, для совершения сделок необходимо их согласовать с органами опеки и попечительства.

Органы опеки и попечительства вправе изымать детей у любых лиц, включая родителей, для защиты жизни и здоровья ребёнка, выявляют детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляют устройство таких детей в семьи или специализированные учреждения. Органы опеки и попечительства дают гражданам заключения о возможности быть усыновителями, опекунами (попечителями), приёмными родителями.

Опека и попечительство как правовые институты существовали и в дореволюционной России. А.И. Загоровский писал: «Забота о малолетнем, лишившемся родителей, столь естественна и необходима, что потребность в ней создается в самые ранние периоды человеческой общественности» [2, с. 199].

В отличие от усыновления, опека и попечительство действовали в течение всего периода советской власти.

Постсоветский законодатель также не стал ломать традиции в этой области, поэтому опека и попечительство действуют и сейчас. До принятия Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г. отношения, связанные с опекой и попечительством, регулировались семейным законодательством. Однако при этом признавалось, что опека и попечительство тесно связаны с институтами гражданского законодательства о правоспособности и дееспособности граждан, в связи с чем должны рассматриваться наукой гражданского права и не могут быть отнесены только к семейному праву. Наибольшее распространение имела трактовка опеки и попечительства как смешанного института гражданского, семейного и в некоторой

части административного права (например, в части контроля местной администрации за выполнением опекунами и попечителями своих обязанностей). Представление о комплексном характере правового регулирования отношений опеки и попечительства представляется обоснованным, оно получило отражение и в законодательстве.

Среди ученых-юристов стало традиционным отношение к институту опеки и попечительства как к чему-то незначительному. По сей день справедливо утверждение Н.М. Ершовой: «Специалисты по семейному праву не считают опеку и попечительство в целом своей областью, цивилисты же не разрабатывают этот институт, полагая, что он скорее касается сферы семейного права» [3]. Между тем, изменения, произошедшие в гражданском законодательстве и в цивилистической науке, обуславливают потребность в реформировании института опеки и попечительства.

Государство через органы опеки и попечительства осуществляет свою заботу о детях-сиротах и детях, оставшихся по различным причинам без родительского попечения.

Вопрос контроля за деятельностью органов опеки и попечительства на государственном уровне в Российской Федерации не рассматривался до принятия Закона «Об опеке и попечительстве».

В соответствии со ст. 27 Закона «Об опеке и попечительстве» контроль за деятельностью органов опеки и попечительства осуществляют уполномоченные законодательством Российской Федерации и законами субъектов Российской Федерации органы и должностные лица.

Порядок проверок Рособнадзора определен приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.09.2010 № 957 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной функции по осуществлению контроля за деятельностью органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (далее – Регламент). В июле 2011 года в Рособнадзоре создан отдел контроля в области опеки и попечительства.

В Регламенте перечислены все основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Рособнадзора, вопросы, проверяемые Рособнадзором, формы контроля и т. д.

В субъектах Российской Федерации также должен быть определен порядок осуществления контроля за деятельностью органов местного самоуправления, наделенных полномочиями по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан.

В некоторых субъектах уже разработаны и приняты:

- административные регламенты исполнения государственной функции по осуществлению контроля за деятельностью органов местного самоуправления, наделенных полномочиями по опеке и попечительству в от-

ношении несовершеннолетних граждан (Республика Северная Осетия – Алания, Амурская область и др.);

- Положение о проведении проверок (Свердловская область – в настоящее время готовится к утверждению Регламент).

При проведении выездных и документарных проверок Рособрнадзор констатирует, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации, являющиеся органами опеки и попечительства, недостаточно осознают меру государственной ответственности за судьбу детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данное утверждение может быть обосновано многочисленными проверками, проведенными Рособрнадзором (в том числе и автором) в различных субъектах Российской Федерации.

Наглядно это можно рассмотреть на примере проверок, проводимых органами опеки и попечительства субъектов Российской Федерации (или территориальными органами опеки и попечительства) в отношении органов местного самоуправления, наделенных полномочиями по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан.

Должностные лица, осуществляющие проверки, включают в план проверок далеко не полный перечень вопросов, а ограничиваются при проведении проверок тремя-четырьмя. Чаще всего проверяются личные дела опекаемых, осуществляется учет детей, оставшихся без попечения родителей, решаются вопросы, связанные с предоставлением жилья детям-сиротам и лицам из их числа. Многие другие вопросы, относящиеся к компетенции органов опеки и попечительства, остаются вне поля зрения проверяющих.

Во время проверок Рособрнадзором выявлено, что практически ни один орган опеки и попечительства не обращает внимания на такие проблемы, как соблюдение законодательства Российской Федерации в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; соблюдение порядка и хранения отчета опекуна или попечителя; соблюдение порядка немедленного изъятия органами опеки и попечительства ребенка у родителей или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка и другие вопросы.

Приказом по проведению проверки утверждается и план-задание, в котором определяются вопросы для проведения проверок.

Перечень вопросов для проверки деятельности органов опеки и попечительства складывается из тех полномочий, которые возлагаются на органы опеки и попечительства, будь то органы опеки и попечительства органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органы местного самоуправления, наделенные полномочиями по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан.

Рассмотрим основные блоки вопросов, необходимые для проведения проверок органов опеки и попечительства по исполнению государственных полномочий в отношении несовершеннолетних граждан.

Блок 1. Соблюдение порядка формирования и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Блок 2. Соблюдение правил усыновления несовершеннолетних граждан иностранными гражданами или лицами без гражданства.

Блок 3. Соблюдение порядка наделения полномочиями по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан образовательных, медицинских и иных организаций.

Блок 4. Осуществление полномочий по опеке и попечительству органом опеки и попечительства по месту жительства подопечного.

Блок 5. Соблюдение порядка ведения личных дел несовершеннолетних подопечных.

Блок 6. Соблюдение порядка выявления, учета и устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Блок 7. Соблюдение правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществление контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации.

Блок 8. Соблюдение порядка установления опеки или попечительства, создания приемной семьи.

Блок 9. Соблюдение порядка подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных, установленных семейным законодательством Российской Федерации формах.

Блок 10. Контроль за соблюдением порядка временной передачи несовершеннолетнего, находящегося в организации для детей-сирот и детей, которые остались без попечения родителей, гражданину, желающему временно принять ребенка в свою семью.

Блок 11. Соблюдение правовых норм по охране имущественных прав подопечных.

Блок 12. Соблюдение порядка и обоснованности прекращения опеки или попечительства.

Блок 13. Соблюдение законодательства Российской Федерации в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Ершова Н.М. Вопросы семьи в гражданском праве. М., 2004.
2. Загоровский А.И. Курс семейного права. М.: Зерцало, 2003.
3. Ершова Н.М. Опека, попечительство, усыновление. М., 2008.

И.В. Назаров
УГЛТУ, Екатеринбург

О РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

На рубеже веков и тысячелетий общественная мысль сосредоточивается на осознании прошлого и настоящего и определении пути для дальнейшего развития. При этом она пытается дать объективный анализ бытия и сознания, объяснить их действительное положение, проследить их истоки и тенденции развития.

Современную эпоху развития России характеризуют как переходную от социализма к рыночной экономике и сопровождающуюся кризисными явлениями. Для нее характерны значительные изменения во всех областях жизнедеятельности общества – экономической, социальной, политической, духовной и др. Так, в области экономики произошел значительный спад промышленного и сельскохозяйственного производства, в социальной области – ухудшение материального положения значительной массы населения страны, падение доверия ко всем ветвям власти, в духовной области – идейный разброд, отсутствие вдохновляющей идеи, неуважение к человеку и его труду, правовой нигилизм.

Поиски выхода из кризиса ставят вопросы о его причинах, истоках; снова возникает проблема идентичности русского народа, его характерных особенностей, менталитета.

Под менталитетом понимают устойчивую совокупность социально-психологических и духовно-нравственных черт, определяющих все стороны жизнедеятельности данной социальной общности и составляющих ее индивидов. Менталитет человека, будучи элементом его духовной культуры, является отражением его бытия. Но это не пассивное, зеркальное отражение, а сложный противоречивый процесс, где многое зависит от субъекта, его знаний, способностей, от традиций. Известно, что реальная действительность неодинаково воспринимается разными людьми, даже принадлежащими к одной социальной группе. Это связано с тем, что менталитет как система чувств, взглядов, привычек и идей обладает относительной самостоятельностью и некоторой автономностью в своем развитии. В нем отражается не только наличное бытие субъекта, но и коллективное бессознательное, опыт прошлых поколений, есть и внерациональные моменты.

Многие люди не могут или не желают принимать новые представления, не хотят мириться с ними, что нередко превращается в неприятие современной им жизни. Но рано или поздно изменение общественного бытия находит отражение и в менталитете.

Своеобразие исторического пути России нашло отражение и в менталитете ее граждан. Еще в XIX веке в споре славянофилов и западников отмечались характерные черты русского национального характера.

Славянофилы подчеркивали такие черты русского народа, как соборность, или истинную социальность, как свободное объединение людей, основанное на любви. А. Хомяков отмечал, что Россия есть государство православное, и чем больше будет проникнута духом православия государственность, тем крепче, здоровее будет развиваться народ.

Некоторые славянофилы писали о «богоизбранности» русского народа, об особом, отличном от других народов пути его развития. Славянофилы утверждали, что, в противоположность Западу с его «католическим рационализмом», Россия восприняла христианство в чистом и целостном виде и потому обладает отличными от Запада принципами жизни: сельским общинным устройством, смирением народа и его единением с монархом, общностью мыслей и интересов всех людей – соборностью.

Министр просвещения С.С. Уваров выразил это в формуле «Православие. Самодержавие. Народность» как официальной идеологии России при Николае I.

Известный православный философ И.А. Ильин писал, что Божественное Провидение проявляется как бремя, которое несет и реализует русский народ в его более чем тысячелетней истории. Ильин выделяет три таких бремени: бремя земли, бремя природы и бремя народности.

Бремя земли – это необъятное пространство, открытое и беззащитное, которым надлежало овладеть, а затем и обустроить. Бремя природы – необычайно суровый климат, зона вечной мерзлоты, но и необъятные леса, полноводные реки и залежи полезных ископаемых. Бремя народности – необходимость объединения около 200 племен и наречий.

Будучи православным мыслителем, Ильин связывал русскую культуру с религиозным сознанием. Он считал, что дух православной культуры определяет характер русского народа.

В то же время Ильин не идеализировал русский народ, подчеркивая при этом, что характер каждого народа имеет как свои хорошие качества, так и свои недостатки. Тотальная безмерность русского национального характера порождала, по его мнению, такие положительные качества, как щедрость, широта, удадь, свободолюбие, и такие отрицательные качества, как расточительство, бесшабашность, разгул, слабая дисциплина. Выход из национальной катастрофы России Ильин видел в создании ответственной, государственно-религиозной идеи и национальном самовоспитании [1].

В.К. Трофимов, анализируя русский национальный менталитет, выделяет следующие его сущностные качества:

- парадоксальность ментальных проявлений;
- безмерность жизненного порыва;
- стремление к абсолютным ценностям;
- созерцание сердцем;
- национальная стойкость;
- любовь к свободе;
- «мы»-психология;
- всечеловеческая толерантность.

Эти качества национального менталитета зависят, по его мнению, от трех главных факторов: особенностей природной среды, социальной и религиозно-духовной жизни [2].

В.К. Трофимов рисует привлекательный образ русского человека как романтика, который коллективно стремится к свободе, стойко переносит тяготы жизни. Насколько этот образ совпадает с реальностью, менталитетом и образом жизни большинства населения – такой вопрос этим исследователем не ставится. И в действительности люди с таким менталитетом есть, особенно среди представителей интеллигенции, культуры, но их мало, и не они определяют характер общественной жизни страны.

Большинство же населения, не отказываясь от провозглашения безмерности жизненного порыва и всечеловеческой толерантности, стремления к абсолютным ценностям, демонстрирует стремление к нормальной человеческой жизни – материальному благополучию, успешной работе, семейному счастью. И эти ценности выходят на первый план по сравнению с высокими, абсолютными идеями и порывами при столкновении с трудностями, реальными проблемами жизни.

Сходные идеи о национальном характере русского народа развивает политолог В.В. Аксютин [3]. Он пишет, что на формирование

характера русского народа воздействовали три основных фактора: языческая природа восточнославянских племен (национальный гено-тип), воспитание народа православием (культурный архетип) и уникальные суровые условия выживания (природный архетип). По мнению Аксютчица, русский народ в обыденной ситуации расслабляется и мобилизуется только в экстремальной, пограничной ситуации, несущей угрозу существованию. Такая ситуация в настоящее время налицо. Либо нация вдохновится новой миссией, новой национальной идеей, либо Россия перестанет существовать.

В то же время исследователями отмечаются изменения, которые происходят в менталитете нашего народа в последнее время, в постсоветский период.

А. Палкин указывает, что коллективизм, некогда доминировавший в русском сознании, уступает свои позиции индивидуализму. Дружелюбие, которым русские славились с давних пор, становится избирательным и иногда своеобразным образом трансформируется в неприязнь. Он пишет, что «это порождает повышенную конфликтность, с одной стороны, и неустойчивость семейных отношений – с другой. Русские склонны находить врагов в ближнем окружении, поскольку образ врага в глобальном пространстве ушел в прошлое, а общая идеология и общие нравственные принципы выработаны не были. Отсюда – повышенная агрессивность и высокий процент неполных семей, сопряженный с высоким процентом разводов» [4, с. 153].

Изменяются и семейные ценности, в частности, архетип большой семьи утратил свое значение. Лишним подтверждением этого является высокий процент разводов и неполных семей в современной России. Современные русские не склонны создавать больше семьи в связи с неблагоприятными экономическими условиями, отсутствием устойчивых нравственных ценностей и бытовыми сложностями.

Характерными чертами современных русских, сохранившимися с давних пор, являются, по мнению А. Палкина, природная лень; гордость; терпение и жертвенность; покорность как склонность подчиняться воле начальства, которая проявляется на всех уровнях общественной жизни; патриархальный уклад жизни; невысокая ценность человеческой жизни.

В целом в XXI веке русская цивилизация пребывает в стадии уклада, из которой ее может вывести новая перспективная национальная идея.

Парадоксальность русского менталитета состоит в том, что в нем существуют разнонаправленные черты, и в том, что народу приписываются такие достоинства и добродетели, которые большинству его не характерны. Часто в менталитете провозглашаются благородные идеи, ставятся высокие цели, «суждены нам благие порывы», а реализуются чисто прагматические действия и поступки. Если судить о русском народе по его менталитету, то он гораздо лучше живет и мыслит, чем есть в действительности. Как отмечал А.И. Солженицын, «наш дух сильное гнетущего бытия». На эту черту русского менталитета указывал Ф.М. Достоевский, говоря о том, что наш народ надо судить «не по тем мерзостям, которые он часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» [5, с. 144].

Для экономики России характерна низкая производительность труда, большая энергоемкость производства, плохая его организация. По производительности труда в промышленности мы отстаем от США и развитых европейских стран в 3–4 раза. Особенно тяжелое положение в сельском хозяйстве, где низки производительность труда и урожайность. Последняя не превышает 20 ц/га зерновых. Доля России в мировом всеобщем валовом продукте составляла в 2011 году только 3 %. Такое положение объясняется, по нашему мнению, одной закономерностью: *на тысячу жителей в России людей, не желающих, не умеющих и не способных ответственно трудиться, больше чем в развитых странах мира.*

В общественном же сознании большинства россиян широко распространены идеи о могуществе державы, ее огромной экономической силе и, соответственно, ведущей роли в мировой политике.

То же самое можно сказать и о богатстве страны. Россия является великой по размерам страной и считается богатой, исходя из ее природных ресурсов. Занимая одну восьмую часть суши, она богата углем, нефтью, газом, золотом, различными рудами. У нее есть черноземные земли, леса, протекают полноводные реки. Но это только потенциальное, и не реальное богатство. Оно еще не говорит о богатстве населения. В Дании или Японии нет крупных месторождений полезных ископаемых, но доход на душу населения гораздо выше российского, и они не относятся к бедным странам. Следовательно, о богатстве страны и ее величии нужно судить не по размерам территории и наличию полезных ископаемых, а по другим показателям, при-

нятым в мире, – по уровню образования, продолжительности жизни, уровню благосостояния.

«Индекс человеческого развития», разработанный одной из комиссий ООН, включает пять главных показателей приближения каждой страны к устойчивому экоразвитию:

- 1) продолжительность жизни людей при рождении;
- 2) валовой национальный продукт на душу населения;
- 3) грамотность взрослого населения;
- 4) количество обязательных лет обучения в школе;
- 5) численность людей с высшим образованием.

По этому показателю Россия занимала в 1994 г. 32-е место, в 1996 г. – 57-е место, в 2002 г. – 60-е место, в 2011 г. – 65-е место в мире среди 186 государств. По доходам населения Россия занимала в 2010 г. 97-е место в мире.

Мы никогда не жили лучше, богаче, чем голландцы или французы, – при феодализме, капитализме, социализме и постсоциализме. Так, валовой внутренний продукт на душу населения в 2011 г. составил во Франции 32 700 долл., в Германии – 34 800 долл., в России – 15 800 долл. Среднемесячная зарплата в США в 2010 г. равнялась 3 300 долл., в Германии – 3 900 долл., в России – 600 долл. Минимальная зарплата составляет в Люксембурге 1 642 евро, в Ирландии – 1 462 евро, в России – 104,5 евро.

Средняя пенсия в 2010 г. в Норвегии равнялась (в пересчете в рубли) – 60 тыс., в Италии – 53 тыс., в Швеции – 37 тыс., в России – 7,5 тыс. К бедным и малообеспеченным слоям населения принадлежит большинство россиян. Доходы ниже прожиточного минимума имели в первом полугодии 2011 г. 21,1 млн. человек. Трудно говорить о богатстве страны при таких доходах большинства ее жителей.

Для общественной жизни страны характерно отсутствие демократических традиций, неумение отстаивать свои интересы, низкая политическая и правовая культура. Это вполне объяснимо нашей историей, ибо никогда Россия не была демократической страной. Законы, принимаемые властями, не способствовали ее общественному развитию, к тому же плохо исполнялись.

Духовная жизнь народа характеризуется отсутствием уважения к человеку и результатам его труда, безразличным отношением к закону, правовым нигилизмом. Волна преступности захватила страну, и последняя вышла на первое место в Европе по числу заключенных на 100 тыс. жителей. В год регистрируются около трех миллионов пре-

ступлений, а по мнению М. Абрамова, «в 2009 г. в России было совершено не 3 с небольшим миллиона преступлений – как следует из официальной статистики, а почти 26 миллионов» [6, с. 58]. Это значит, что не 2 % граждан являются преступниками, а с учетом латентной преступности – 18 %. Социологические исследования показали, что выявленные криминологами черты правонарушителей (импульсивность, эгоистичность, агрессивность, мстительность, пренебрежение к законам, беспринципность и жестокость) во многом присущи населению в целом. И, когда А. Приставкин, бывший председатель комиссии по помилованию при Президенте России, приходит к выводу, что иностранцев больше всего поражает в приезжих из России именно жестокость, он во многом прав. В интернет-газете «Аргументы и факты» он заявил, что наш мир, вопреки легенде, что русские слишком добрая нация, фантастически жесток.

Ежедневно от руки домашнего тирана в семье погибает 41 женщина, 36 тыс. подвергаются избиениям. По официальным данным, каждая четвертая семья страдает от домашнего насилия, а по анонимным опросам – каждая вторая. В стране официально насчитывается 710 тысяч сирот, причем 95 % из них имеют живых родителей. Ежегодно в родительных домах матери оставляют 30–50 тыс. младенцев.

Оригинальные идеи о причинах жестокости русского человека развивал С.А. Аскольдов [7]. По его мнению, русская душа, как и всякая другая, состоит из трех частей: святое начало, специфически человеческое и звериное. Наибольшее своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоизмеримо слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала святое и звериное. Аскольдов писал, что русский народ оставался по существу чуждым гуманизму, зародившемуся и пребывавшему лишь в умах русской интеллигенции. В силу слабости среднего человеческого начала русский народ подвержен резким колебаниям между святостью и звероподобием. Особенно это проявляется в экстремальных условиях, хотя нередко и в обычных, о чем мы хорошо знаем из классических произведений отечественной литературы. Достаточно вспомнить чеховские повести «В овраге», «Мужики», «Барыня». В них дается изображение всех кругов «деревенского ада». Великий русский писатель выступает против славянофильских мифов о якобы изначально заложенной в русском народе

христианской сущности, его особой избранности и духовной высоте по сравнению с другими народами.

В то же время в общественном сознании россиян широко распространены идеи о высокой духовности народа, наличии в нем коллективистских и христианских начал, «широте души», природной доброте, соборности и т. д. Россия представляется передовой, великой державой, призванной вести за собой другие народы и страны. Эта традиция считать Москву «третьим Римом», светочем цивилизации, русский народ – призванным показать путь другим народам, выполнить мессианскую роль существует с XVII века. Особенно подчеркивается роль богатой событиями истории и влияние русской культуры на развитие европейской и мировой культуры.

Но данные статистики, особенно криминальной, не подтверждают эти идеи. Не случайно Л.И. Чинакова, говоря о менталитете народа, отмечает небывалый рост имущественной и экономической преступности, массовое распространение различных форм воровства и коррупции, громадный удельный вес теневой экономики, масштабы вывоза капитала за рубеж, кровавые конфликты на почве дележа собственности, культ вещей, денег, обогащения любой ценой. Настораживают, по мнению Л.И. Чинаковой, и результаты многих социологических исследований, особенно среди молодежи. Согласно этим результатам, большинство, иной раз – до 80 %, опрошенных студентов и учащихся считают основной целью жизни обеспечение материального благополучия; они вообще не работали бы, если бы были материально обеспечены; служить же другим людям и общему благу намерены менее половины респондентов [8].

Как объясняется противоречие между реальной российской действительностью и благостной картиной ее в менталитете? Дело в сложном, противоречивом генезисе менталитета. Из всего многообразия идей, взглядов и чувств в нем сохраняются только некоторые. Люди не всегда любят смотреть в зеркало, в лицо фактам и реальности. Это явление, известное издавна, Ф. Бэкон называл идолом рода, затрудняющим человеческое познание. Он считал, что оно свойственно самой природе человека и значительно мешает увидеть мир и самого себя во всем многообразии достоинств и недостатков. По Бэкону, ум человека употребляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном виде. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает.

Люди обычно не замечают противоречивости своего менталитета, часто это не осознается ими. Реальное поведение нередко противоречит декларируемым нравственным нормам. По мнению Левады, в современной России сложился новый тип личности, который можно назвать «человек лукавый». Его привлекают высокие моральные качества, но в поступках он часто пренебрегает ими.

Великодержавное, имперское мышление, нередко доходящее до шовинизма, вдалбливалось в головы русских людей на всех уровнях. Утверждалась, что мы объединили огромные территории и многие народы, причем не завоевывали, а добились «добровольного присоединения». Мы первые совершили победоносную социалистическую революцию, в Космос первыми полетели, создали лучший в мире балет. У нас были такие талантливые и гениальные люди, как Ломоносов, Пушкин, Менделеев, Толстой, Достоевский, Бердяев, а лауреатов различных премий в области искусства, науки и техники – ленинских, сталинских, государственных, президентских, губернаторских – у нас сотни и тысячи. По числу академий и академиков мы, наверно, превосходим все страны мира, вместе взятые. Хотя вклад России в мировую науку довольно скромный, и по более объективному показателю развития науки – числу Нобелевских лауреатов – мы находимся на 8–9-м месте (вместе с Австрией).

Мы предпочитаем судить о народе по его лучшим представителям, забывая о том, что в каждом народе есть выдающиеся люди. Героев произведения Гоголя, Зощенко, Булгакова, Ильфа и Петрова мы не отождествляем с народом, считая, что это, скорее, талантливое преувеличение. Обломов, Плюшкин, Чичиков, Хлестаков – это, мол, не типичные представители, а художественный образ, созданный воображением писателя. Тогда в стороне остается большинство народа, о котором, по аналогии с лучшими людьми, можно судить как о трудолюбивом, добром и законопослушном.

О двойственной природе русского народа, его «жуткой противоречивости» писал Н.А. Бердяев в «Судьбе России», подчеркивая, что «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью» [9, с. 10]. Н.А. Бердяев указывал на противоречивость русской души, которая, с одной стороны, женственная, пассивная и покорная в делах

государственных, неспособная устраивать порядок в своей земле, а с другой стороны – устремлена к созданию мощного государства, огромной империи. С одной стороны, русский дух носит сверхнациональный, всечеловеческий характер, а с другой стороны, это страна национального бахвальства, высокого самомнения.

Бердяев считал, что противоречия русской действительности всегда находили отражение в русской литературе и русской философской мысли. Он видел проблему в противоречивости русского бытия, не сомневаясь в его адекватном отражении различными формами общественного сознания. Нам представляется, что проблема состоит в ином, а именно в неадекватном, одностороннем отражении реального бытия в менталитете. Мы склонны гордиться всегда, мы идем от победы к победе, у нас почти никогда не было поражений, по крайней мере, мы не любим о них вспоминать. А это объективно мешает изменить «гнетущие материальные обстоятельства», лишает менталитет его онтологических оснований, ведет его к созданию утопий и мифов.

Таким образом, особенность русского менталитета состоит в том, что он односторонне, неполно отражает реальную действительность. В нем часто только декларируются те или иные общечеловеческие ценности и идеи, но не они определяют мотивы деятельности человека. Это затрудняет объективный анализ действительности и поиски выхода из кризиса. Поэтому критическая оценка и анализ менталитета становятся важными и актуальными задачами общественной мысли.

Библиографический список

1. Копалов В.И. Обретаемое наследие // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2002. № 2.
2. Трофимов В.К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск: Шен, 2000.
3. Аксючиц В.В. Национальный образ России // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2003. № 1 (3).
4. Палкин А. О русском национальном характере // Свободная мысль. 2011. № 11.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избр. страницы. М.: Современник. 1989.
6. Абрамов М. О некоторых направлениях модернизации // Свободная мысль. 2011. № 2.

7. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 210–249.
8. Чинакова Л.И. О менталитете русского народа // Социол. иссл. 2000. № 7.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

С.Н. Каташинских
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРАКТИКА ЧТЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ

Российский издательский бум конца 80-х – начала 90-х гг. XX века подтвердил представление о чтении как важном социальном процессе, обеспечивающем распространение идей и знаний в обществе. Огромные тиражи газетного и журнального текста были обусловлены повышенным интересом к запрещенной ранее литературе, массовым увлечением публицистикой и документальной литературой: мемуарами, дневниками и архивными материалами. Литературно-публицистические исследования времен перестройки, раскрывающие социальные реалии прошлого, пришли на смену идеологической схоластике эпохи застоя. Книжный дефицит постепенно был ликвидирован, читательский голод утолен невообразимым прежде обилием изданий различного формата. Но чтение как коммуникативный акт невозможно понять вне единства процессов создания и распространения текстов, поскольку без знания того, что читалось и как читаемое, попадало к читателю, невозможно понять процесс чтения.

Советскому человеку приходилось делать определенные усилия, чтобы достать или прочесть необходимый текст. Книжные очереди в виде предварительной записи на собрания сочинений художественного и философского содержания, годовая подписка на толстые журналы, книгообмен как отдел в книжных магазинах, прием макулатуры на книги, тетрадки самиздата, передаваемые из рук в руки, – и все это ради обладания, коллекционирования и в конечном счете – чтения. Поэтому чтение являлось систематическим занятием и представляло собой интеллектуальную языковую практику письменной и устной речи.

В середине 90-х гг. XIX века произошел аналогичный «читательский бум», когда в результате политических и экономических реформ на фоне социально-критических настроений происходило резкое увеличение читательской аудитории за счет приобщения к чтению ранее не читающих слоев населения России. Л.Н. Толстой описывает процесс освоения чтения

крестьянскими детьми: «...Чтение механическое и постепенное в действительности слились в одно, – для нас же эти два предмета все еще подразделяются по их цели; нам кажется, что цель первого есть искусство из известных знаков бегло составлять слова, цель второго – знание литературного языка» [1, с. 28]. Если с механическим чтением дети справлялись, то смысл прочитанного от них ускользал: «Мы попробовали "Робинзона" – дело не пошло: некоторые ученики плакали с досады, что не могут понимать и рассказывать; я стал им рассказывать своими словами – они начали верить в возможность понять эту премудрость, стали добираться до смысла и в месяц прочли "Робинзона", но со скукой и под конец почти с отвращением» [1, с. 28]. С подобным отношением к чтению, но уже классической отечественной литературы, мы встречаемся у современного интернет-поколения.

Канадский писатель А. Мангуэль так описывает феномен чтения: «Никогда история не повторяется так, как это она делает в чтении, когда каждое поколение читателей должно пройти те же этапы обучения, что и предыдущее. Но время от времени рождаются читатели, у которых появляются новые требования, которые стимулируют изобретение новых технологий» [2, с. 137].

Глобальная компьютеризация порождает новые способы чтения. В эпоху печати культура чтения достигает своего наивысшего расцвета, на что указывают следующие тенденции: повышение качества технологий полиграфической промышленности; совершенствование художественно-оформительского искусства, развитие справочно-информационного аппарата; повышение уровня культуры эстетического общения с книгой. Появление и развитие электронных технологий приводит к существенным изменениям основ организации жизнедеятельности общества, трансформации и пересмотру большинства социокультурных приоритетов и ценностей. Электронное пространство представляет собой альтернативную, дополняющую объективную реальность среду, в которой осуществляются различные виды человеческой деятельности.

Стремительно развивающийся рынок электронных книг в 2009 году был назван «Электронной революцией». Фактически теперь издатель, выпуская книгу, создает не один, а сразу два продукта – печатный и электронный, каждый из которых живет своей жизнью [3, с. 156]. Таким образом, интенсивное развитие электронных технологий и коммуникационных средств ведет к формированию поколения электронной культуры, у которого могут быть свои предпочтения, законы существования в информационном пространстве, а возможно, и свои ценности [4, с. 198.]. Появление радио-, теле-, видеокоммуникационных средств трансляции оказало неоднозначное воздействие на состояние и развитие культуры чтения. С одной стороны, радио- и телепостановки лучших произведений отечественной и

зарубежной художественной литературы, встречи в эфире с писателями, режиссерами, актерами способствовали укреплению традиций чтения, стимулировали интерес к литературным новинкам. Появление передач образовательного и научно-технического цикла обусловило повышение интереса к чтению научных, научно-популярных, технических изданий.

С другой стороны, происходит увеличение числа радио-, телепередач развлекательного характера. Вдумчивое чтение заменяется пассивным восприятием развлекательной информации, что способствует снижению активной аналитической работы мышления, падению читательской активности, уменьшению числа людей, выбирающих среди других видов деятельности чтение как время проведения досуга. Вместе с тем увеличение объемов производства мультимедиа-продуктов и представление их в виртуальном пространстве способствует развитию умений и навыков работы с невербальным материалом, а также ведет к формированию образного типа мышления, усиливает роль видеоряда в восприятии явлений и событий. Однако, по мнению специалистов, мультимедиа-технологии ограничивают творческие возможности человека, приводят к пассивному «поглощению» информации, торможению в развитии воображения и мышления.

Как порождение эпохи глобализации, интерактивная информационная среда способствует образованию новой культурной реальности, оказывающей влияние на состояние большинства сфер жизни общества. Происходит расширение границ культурного пространства, включение новых принципов, способов и технологий в процесс создания и распространения культурных ценностей. Вместе с тем наблюдается нарушение гармоничной целостности единства культуры, когда один вид культуры – электронная технология – вытесняет традиционную культуру, нарушая баланс и равновесие внутри самой культуры. Электронные визуальные технологии способствуют формированию «клипового» сознания и мозаичного восприятия действительности, что заметно снижает способность аналитического осмысления образов, предметов и понятий. Конечно, мультимедийные ресурсы включают текст, изображение, звук, анимацию, гипертекст и другие средства передачи смысла информации. Однако полноценное и разностороннее развитие личности может происходить лишь в процессе чтения.

Кроме того, электронные технологии влияют на трансформацию культурного языкового пространства. Новая среда предлагает более эффективные и оперативные коммуникативные возможности взаимодействия и общения, и овладение ими особенно активно осуществляется в молодежной среде. Кардинальные изменения в «языковой» ситуации происходят по следующим причинам: во-первых, «размывание» границ информационного пространства приводит к увеличению коммуникативных контактов, активному обмену информацией и неизбежной экспансии иноязычных понятий и выражений в письменную и устную речь; во-вторых, наряду с процесса-

ми, констатирующими обогащение речевого пространства, наблюдается упрощение, огрубление и обеднение речевого общения как следствие разрушения преемственности поколений и нежелания осваивать тексты литературного классического наследия. Решение данной проблемы видится в расширении круга чтения художественной литературы, формировании перечня художественных произведений и его включении в образовательный процесс в порядке обязательного изучения. Язык культуры создается на тех текстах, которые уже сформировали языковое сознание функционирующих поколений. «В современном обществе доминирует "деловое", "профессиональное", "прагматичное" отношение к чтению, оно способствует развитию информационных навыков и умений, однако при таком подходе эмоциональный аспект чтения остается в значительной степени нереализованным» [5, с. 164]. Электронные технологии становятся пространством для формирования принципиально иной – виртуальной культуры. Уже сегодня в сети создается литературная среда, концентрирующая свои ресурсы в электронных библиотеках, полнотекстовых базах данных, интернет-конференциях, форумах, специальных литературных сайтах.

Настоящую революцию, по мнению разработчиков электронных технологий чтения, произведет распространение электронных устройств чтения нового поколения. Новые средства практически не потребляют электроэнергию — только в момент переворачивания страницы, а экран с электронными чернилами не светится. «Новые устройства с дисплеями на электронных чернилах называются электронными ридерами (E-Readers). Экран на электронных чернилах имеет белый (светло-серый) цвет, буквы на нем черные. Таким образом, у вас возникнет полное ощущение того, что вы читаете обычную книгу, да и глаза при этом не устают». Электронные ридеры кардинально меняют представления о работе с текстом. Новые устройства делают чтение более комфортным, позволяют хранить сотни книг, ставить электронные закладки, делать любые заметки «на полях», оставляя при этом текст неизменным; создавать иерархические структуры хранящихся в них книг; мгновенно находить нужную главу, страницу, выражение, цитату или строку; хранить на одном диске (флешке) всю электронную библиотеку; находить в Интернете и копировать необходимые документы, книги и хранить их в электронном устройстве.

Сравнительный анализ электронного и книжного чтения показал определенные преимущества электронных книг. Они компактны и портативны: в одном устройстве могут храниться сотни и тысячи книг. Кроме того, устройство обычно меньше и легче бумажной книги. По желанию пользователя можно изменять начертание и размер шрифта и формат вывода (в одну колонку или в две, портрет или ландшафт). Дополнительно возможен поиск по тексту, переходы по гиперссылкам, отображение временных

выделений и примечаний, электронные закладки, создание автоматического словаря.

Встроенные программы – синтезаторы речи – позволяют озвучивать тексты. Электронная книга дает возможность не только читать тексты, но и отображать анимированные картинки, мультимедийные клипы или проигрывать аудиокниги. Многие электронные тексты находятся в бесплатном доступе, также электронный текст быстрее и дешевле опубликовать, чем его бумажный вариант. Тем не менее, как и любые электронные приборы, устройства для чтения электронных книг зависимы от источников питания, требуют периодической подзарядки встроенных аккумуляторов (батарей). Довольно часто в устройствах, купленных в специализированных интернет-магазинах, используется DRM, и у производителя есть возможность дистанционно удалять информацию с устройств пользователей. Многие издатели официально не публикуют электронные версии бумажных книг.

Итак, культура чтения как электронных, так и бумажных книг обретает сегодня качественно новые характеристики – мобильность, динамичность. Читатель нового поколения получает большие возможности в выборе источников информации; совершенствует навыки поиска материала в многообразии электронных информационных ресурсов; осваивает и развивает в себе способы восприятия и понимания электронных текстов; увеличивает объем чтения текстов на иностранном языке; впервые становится активным участником сетевой литературной жизни наравне с другими действующими лицами – автором и критиком-литературоведом. Несмотря на ряд тревожных тенденций, культура чтения осознается как индикатор интеллектуального и духовного потенциала нации, как качественное состояние общества и основа построения высокоразвитой гуманной человеческой цивилизации [5, с. 164].

Новая социокультурная ситуация в сфере чтения сегодня характеризуется двумя противоположными процессами: с одной стороны, наблюдается тенденция тяготения к чтению произведений развлекательной, так называемой «легкой» литературы. С другой, статус чтения в обществе достаточно высок, что связано, прежде всего, с необходимостью получения профессиональных знаний. В настоящее время очевидно изменение читательских предпочтений, вызванное кардинальными трансформациями в материальной, экономической, социокультурной сферах человеческой деятельности. Повышается статус высшего образования в обществе. Увеличивается число людей, желающих получить диплом о втором высшем или последипломном образовании и приобрести ученую степень. Прирост большого количества высокообразованных людей повышает спрос на серьезную, интеллектуальную литературу, книги и журналы. В этой части общества возрастает потребность в чтении специальной профессиональной литературы, в различного рода информационных источниках.

Все большее значение в поиске информации приобретают электронные ресурсы, среди которых основным является глобальная сеть Интернет. Так или иначе наблюдается смещение установок чтения с досугового на профессиональное (или деловое), что отвечает требованиям современной социокультурной ситуации. В связи с этим происходит увеличение тиражей профессиональных изданий. Повышается качество информационной культуры в обществе, что предполагает совершенствование умений и навыков работы с источниками; грамотное ориентирование в каталогах и картотеках, осуществление поиска необходимых документов; изучение вспомогательного справочно-информационного аппарата книги (аннотаций, предисловий, комментариев, указателей, списков литературы); выявление наиболее ценных сведений и др. Эти умения и навыки — часть культуры чтения. Электронные технологии, предоставляя возможность работы с электронными библиотеками, каталогами, книгами, мультимедийными образовательными и развивающими пособиями, способствуют развитию этих качеств личности.

В современном обществе доминирует «деловое», «профессиональное», «прагматичное» отношение к чтению, оно способствует развитию информационных навыков и умений, однако при таком подходе эмоциональный аспект чтения остается в значительной степени нереализованным. Интенсивное развитие электронных технологий и коммуникационных средств ведет к формированию поколения электронной культуры, у которого могут быть свои предпочтения, законы существования в информационном пространстве, а возможно, и свои ценности.

Таким образом, основным капиталом XXI века станет не природно-ресурсный потенциал страны, даже не финансы, а интеллектуальный (в том числе научно-образовательный, информационный и коммуникационный) потенциал и информационная культура. Страны, лишенные такого «капитала», будут быстро отставать и превратятся в сырьевые колонии или придатки других стран либо в «экономически грязные» цеха мировой экономики.

Современная практика чтения представляет собой визуально-разговорную модель чтения, в которой слова заменяются условными знаками (смайликами), не требующими ни пространного текста, ни пояснения, ни описания, а только восприятия картинки. С другой стороны, складывающаяся модель электронного чтения является лишь очередным этапом в долгом историческом процессе, в котором чтение способствует получению знаний и является фактором формирования профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Что такое искусство. М.: Современник, 1985.
2. Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
3. Чушкина С.Е. Чтение как основной компонент читательской деятельности // Культура и образование: сб. статей. Вып. 13 / под ред. В.Л. Бенина. УФО: ИРО РБ, 2012.
4. Беспалов В.М. Психология чтения: моногр. М., 2007.
5. Галактионова Т.Г. Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования (теоретико-методологические основы образования): моногр. СПб., 2007.

Т.Р. Лыкова
УГЛТУ, Екатеринбург

**К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ
ВОСПИТАНИИ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

Ориентация студентов на фундаментальные начала духовно-нравственных ценностей, которые имеют непреходящее значение, является одним из главных направлений отечественного образования. От сформированной у молодежи гражданской ответственности, духовно-нравственных ценностей в большой степени зависит формирование в России гражданского общества и правового государства, продвижение нашей страны в число передовых стран мира. В таком государстве человек обладает широкими правами, адекватными Международной хартии прав человека, знает свои права и умеет их защищать, нетерпим к любым проявлениям насилия и произвола, чувствует неразрывную связь с Отечеством, берёт на себя ответственность за его судьбу, помогает конкретными делами стране стать сильнее и богаче.

Совершенно очевидно, что в XX веке во всем мире произошло резкое падение нравов, и это падение еще более стремительно продолжается и в XXI веке. Многие выдающиеся мыслители – Шпенглер, Хайдеггер, Тойнби, Ясперс, Гуссерль, Хаксли, Оруэлл, Фукуяма, Томас Манн говорили о закате западной культуры. Хайдеггер отмечал, что человеку грозит не техника, угроза таится в самом существе человека. «Но где опасность, – писал он, – там вырастает и спасительное» [1, с. 66]. Теологические концепции культуры выдвигают в качестве главной идею о том, что культура

человечества в целом завершила свое восхождение и теперь неудержимо катится к гибели. Поскольку ядром всякой культуры в них является религия и выработанные ею основы нравственности, то именно они и испытывают жесточайший кризис от вторжения рационализма.

Перейдя к нашим отечественным реалиям, мы можем констатировать, что в российском обществе происходит падение нравственности. Во многих сферах жизни мы повсеместно наблюдаем нарушение нравственных норм и запретов, особенно в рекламе, СМИ, масскультуре. Происходит манипулятивное воздействие, особенно телевидения и рекламы, с популяризацией «гедонистического проекта», который предлагает «получать от жизни все», а значит, и попробовать алкоголь, наркотики и другие «радости жизни», что приводит к изменению ценностных установок.

Общество теряет культурные традиции, служившие моральным якорем. Рост потребительства, вседозволенности, распушенности – признаки того, что общество погружается в омут моральной деградации. Раньше люди еще как-то отличали добро от зла. Многие утратили веру, а с ней и нравственные ориентиры. Всякая власть и авторитет, диктующие нормы жизни, упали в глазах людей. Так противопоставление понятий добра и зла для них стало относительным. Соответственно, падает уважение к традициям, семейным ценностям, происходит деградация семьи как важнейшего социального института, что отрицательно отражается на демографических показателях.

На формирование моральных ценностей ребенка влияют в первую очередь родители, потом школа и социальное окружение. Именно самоотверженная любовь родителей, их собственный пример и есть главная основа воспитания у детей моральных качеств. Поэтому родители, а потом условия школы, вуза должны формировать в сознании и душе ребенка положительные образы.

Значимость заявленной темы осознавалась многими поколениями людей, но последние годы эта проблема не решалась в нашей стране по целому ряду причин, связанных с кризисными явлениями в обществе и государстве. Инновационное осмысление основ духовно-нравственного воспитания, включая ее важнейший компонент – нравственность, является актуальной задачей настоящего и будущего системы университетского образования.

В образовательной университетской среде происходит становление личности, приобретение ею социального опыта, влияющего на формирование общественно значимых ценностей, поскольку именно система ценностей является ведущей подструктурой личности. Ценностные ориентации определяют поступки студента, его жизненные планы, социальную активность, реализацию своего потенциала, планирование конкретной деятельности.

Духовность – это родовое определение человеческого способа жизни, связанное со смыслом собственного существования. Самым тесным образом с нравственной и духовной сферой соотносится такое понятие, как интеллигентность, т. е. совокупность качеств личности, выделяющих человека как подлинного и последовательного носителя культуры. К числу основных признаков интеллигентности относят следующие интеллектуальные и нравственные качества человека:

- приоритет общечеловеческих ценностей;
- признание безусловного приоритета истины;
- упорство в достижении и объяснении истины;
- обостренное чувство социальной справедливости;
- способность к состраданию;
- приобщённость к достижениям мировой и национальной культуры;
- отвержение нетерпимости и вражды в национальных отношениях;
- следование в своей деятельности велению совести;
- идейная принципиальность в сочетании с терпимостью к позиции других;
- тактичность и личная порядочность;
- безусловная вежливость, уважительное ведение полемики.

В структуре уровней нравственного развития личности особенно, на наш взгляд, следует обратить внимание на уровни автономной морали, формирования устойчивых моральных принципов и на мировоззренческий уровень. Именно эти уровни нам следует развивать в образовательной среде университета.

Особую роль в этом процессе принадлежит преподавателю, куратору, наставнику, которые сами должны представлять в качестве образца в самых разнообразных ситуациях, причем, каждый преподаватель сам вправе выбирать формы и методы решения данной проблемы. Следовательно, речь идет о том, что, прежде всего, нужно развивать и формировать личность студента, подразумевая при этом под понятием «личность» приобретение человеком в течение всей жизни тех социальных свойств и качеств, которые характеризуют его как носителя прогрессивных тенденций общественных отношений эпохи, тех нравственных требований, которые общество предъявляет человеку.

Последние социологические исследования студентов свидетельствуют о том, что вектор ценностных ориентаций современного студенчества существенно изменился. Профессионализм преподавателя, всегда занимавший первое место в рейтинге, уступил место таким личностным качествам преподавателя, как порядочность, доброта, совесть, эмпатия, толерантность. Гибкая личность преподавателя должна включать в себя непременно и такие качества, как педагогический такт и педагогическая этика или педагогическая деонтология. Именно поэтому наиболее прием-

лемой на современном этапе является технология педагогики сотрудничества, целостно-смысловой сутью которой считается равенство преподавателя и студента, понимаемое не в смысле одинаковости или равноценности знаний и опыта, а в праве каждого познавать мир без ограничений. Только при условии, что сам преподаватель является носителем истинно гуманистической культуры, его деятельность будет основываться на принципах равноправия, плюрализма и толерантного отношения.

В контексте выбранной темы необходимо заметить, что воспитание человека культуры, интеллигентного, с развитыми духовно-нравственными ценностями, невозможно без осознания педагогом и студентами важности общения друг с другом на основе нравственных ценностей. Речь идет в данном случае о равноправном, уважительном стиле общения между участниками образовательной среды университета, т. е. стиля, который способствовал бы становлению личности, формированию ее интересов и развитию способностей, закладыванию основ духовно-нравственной культуры. В свою очередь нужно отметить, что духовно-нравственная культура студентов является сложной интегральной системой его личностных качеств, которые в современной социокультурной среде принято считать нормативными.

Осуществление идей духовного развития возможно только при наличии определенной культурной среды университета. Именно она создает многообразие зон развития и ситуации выбора, определяя возможность творческого саморазвития и особую студенческую культуру.

Среди факторов духовно-нравственного воспитания выделяют высоконравственную среду, гуманные взаимоотношения участников педагогического процесса, учет индивидуальных особенностей студентов, учет жизненного опыта, здоровый психолого-педагогический климат, здоровый климат в семье, учет особенностей социальной среды. Одним из важнейших педагогических факторов развития студента как человека, обладающего духовно-нравственными ценностями, является совместная деятельность преподавателя и студента, направленная на решение конкретных практических задач.

Сотрудничество всех участников педагогического процесса является смыслом совместной деятельности, наиболее высоким уровнем которого служит творческое сотрудничество, позволяющее наиболее полно реализовать имеющийся потенциал участников общения. Наиболее эффективная личностно-развивающая стратегия педагогического взаимодействия направлена в первую очередь на развитие и саморазвитие субъектов взаимодействия, на создание условий для самореализации и самоопределения личности и на установление субъект-субъектных отношений.

Главной заботой государства должна быть культура в самом широком ее понимании – образование, наука, искусство, отношение к друг дру-

гу и к природе, культура как глубинное основание общественного устройства и всего социально-экономического развития.

Поэтому ответ на вопрос, каким должен быть выпускник университета, следующий. Это должна быть интеллигентная личность, востребованная на современном рынке труда, с отчетливо сформированными понятиями духовно-нравственной культуры. Вопросы духовного и нравственного воспитания молодежи в образовательном процессе играли и играют одну из ключевых ролей. Через образовательные технологии осуществляется участие в нравственном воспитании личности и его общественный контроль. Социально-политические реформы, проводимые в последние десятилетия в России, серьезным образом обострили проблему выбора нравственных ориентиров. Общество, отказавшись от былых кумиров и ценностей, стремительно вступило в новую эпоху своего исторического движения. Как и во всякий переломный период, наступает время переоценки событий прошлого. После долгих лет забвения начался процесс возрождения ценностей и норм в духовной жизни страны, освещенных тысячелетней традицией народа.

Духовная жизнь общества и личности принадлежит к высшей сфере человеческой деятельности. Пожалуй, самой её существенной стороной является поиск истинных или абсолютных начал бытия. Духовная жизнь возможна как процесс сознания, когда человеческая мысль «схватывает», фиксирует основополагающие моменты бытия. И в этом отношении духовность личности тесным образом связана с мировоззрением и с предельно-общими формами взаимодействия мира и человека. Ибо что есть культура? Это не мертвые памятники, а живой опыт, передаваемый людьми из поколения в поколение: опыт жизни, опыт труда, опыт веры. Для России и россиян это и опыт религиозный. Русская православная церковь для многих народов и людей является хранительницей такого опыта.

Важно отметить, что духовная жизнь отражает все сферы социальной активности человека, которые оцениваются как проявление тех или иных ценностей. Подобному оцениванию человек подвергает все явления действительности, рассматривая ее в плане добра и зла, истины и неистины, красивого и безобразного, справедливого и несправедливого и т. п. Нахождение критерия для обоснования социально значимых ценностей приобретает особое значение в период обесценивания культурных традиций, дискретизации мировоззренческих и идеологических устоев общества. Современная система российского образования вместе со всем обществом переживает кризис нравственных и идеологических ориентиров. Отсутствие у государства внятной идеологической доктрины накладывает негативный отпечаток и на систему духовного и нравственного воспитания молодежи в вузе. В свое время Кант попытался доказать, что все попытки абстрагирования в реальной социальной практике от соотнесенности по-

ступка и моральной санкции на него ведут к редукционированию морали до прагматического способа удовлетворения эгоистических потребностей личности.

Другими словами, элиминация в сознании человека представления о должном сводит мораль до разумно воспринимаемого знания о том, как технически можно достичь того или иного результата. Отсюда и осуществленная Кантом критика рационализации морали, поскольку, во-первых, не всякая цель, даже разумная, с чьей-то точки зрения, может быть признана нравственной, а во-вторых, и во имя благой и высшей цели могут быть использованы аморальные средства.

Как известно, этика представляет из себя систему знания, предметным содержанием которой является мораль. Но в то же время надо согласиться и с тем, что этика не есть знание в привычном смысле этого слова, ибо оно не просто фиксирует то положение моральных норм, которое складывается в реальном общественном организме, но и формирует сами эти нормы. Иначе говоря, мораль выражает не только то, что уже есть в обществе с точки зрения морального или аморального, но и то, что должно в нем быть с точки зрения духовных предписаний. Здесь видна специфика духовно-нравственного образования молодежи, которая отражает процесс формирования устойчивых ценностных ориентаций. Не случайно, что в последнее время проблема воспитания и образования студенчества приобретает все большую значимость, поскольку размывание нравственных устоев в обществе негативно сказывается и на системе вузовского образования.

Решение духовно-нравственных проблем в образовательном процессе с необходимостью ставит на первое место личность, самого человека. Важно, чтобы у современного студента не произошла «переоценка ценностей», которая, как мы знаем, часто выражается в нигилистическом отношении к фундаментальным социальным нормам и установкам. Такие традиционные ценности, как Родина, патриотизм, труд, семья, воспитание детей, социальные и нравственные идеалы, национальный язык и культура, не должны уходить «на второй план». Так, нравственный идеал, опираясь на силу общественного мнения, выполняет важную регулирующую функцию в системе моральных ценностей общества и личности. Процесс осознания идеального смысла бытия служит здесь начальной и необходимой ступенью в выполнении социальных и нравственных норм. Посредством нравственного идеала осуществляется связь между наличным моральным бытием общества и человека и представлениями о должном. Роль образования, и в первую очередь гуманитарного знания, здесь трудно переоценить. Особенно это важно осознавать в настоящий период российской истории, когда разрушение старой системы нравственных координат уже совершилось, а становление новых ещё не состоялось.

Любовь к отечеству, чувство причастности к судьбе родного села, района, области не возникают сами по себе, а воспитываются. Расширение знаний о крае, его истории, развитие интереса к прошлому – ступенька в дальнейшем осознании своей причастности к Родине, ее истории, культуре.

Краеведение способствует решению задач социальной адаптации, формированию готовности жить и трудиться в своем крае, участвовать в его развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социальных задач нашего времени.

О необходимости использования краеведческого материала в обучении и воспитании писали Я.Л. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, А. Дистервег. В России эту идею развивали К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, С.Т. Шацкий, В.Н. Сорока-Росинский, а также А.С. Барков, В.Н. Буданов, В.К. Кондаков, Н.И. Новиков, Д.Д. Семёнов и др.

К.Д. Ушинский, например, в статье «О необходимости сделать русские школы русскими» с горечью замечает, что «...русский человек всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится» [2, с. 218–225].

К.Д. Ушинский в работе о народности воспитания подчёркивал, что осуществление в педагогике принципа народности обязывает учителя обратиться в процессе обучения прежде всего к конкретному окружающему материалу; он выступал за создание «местных пособий» для школ и привлечение учителей для написания таких пособий. Ушинский считал изучение «жизненной среды», в которой живут, а следовательно, и воспитываются дети, большой педагогической задачей [2, с. 218–225].

Одна из ведущих задач современной системы образования, функционирующей в условиях информационного общества, состоит в воспроизводстве социально-значимого образца, по которому личность способна самостоятельно определять собственное мироотношение. На образовании (в широком смысле слова включающем в себя и воспитание) лежит ответственность в трансляции от поколения к поколению мировоззренческих принципов, объединяющих социальный организм. Без единых нравственных и духовных стандартов общество оказывается перед угрозой антагонистических противоречий, которые способны разрушить мировоззренческий баланс между различными социальными группами. Опыт существования российского государства показывает, что такими стандартами являются традиции православной культуры. В условиях социального и ценностного нигилизма православие оказалось действенной силой, противостоящей духовной деградации общества.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
2. Ушинский К.Д. Педагогическая поездка в Швейцарию // Пед. сочинения. В 6 т. Т. 2. Сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1988.

А.В. Пашкова
Филиал РГСУ, Ивантеевка

**КАЧЕСТВО НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРИМИТИВИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Анализируя состояние современного российского высшего профессионального образования, можно констатировать наличие перехода от цивилизации к примитивным его формам. Интегральным индикатором состояния научного потенциала являются показатели качественной структуры кадрового потенциала и доли наукоемкой продукции в мире. Одной из значимых характеристик кадровой составляющей науки является ухудшение возрастной структуры научно-педагогических работников, нарушающее связи между поколениями ученых и исследователей, слабый приток молодых специалистов. Если в 1970-е гг. средний возраст научно-педагогических работников составлял 38 лет (в том числе кандидатов наук – 43 года и докторов наук – 56 лет) [1], то в настоящее время средний возраст всех научно-педагогических работников, имеющих ученые степени, свыше 60 лет [2]. Приток молодежи проблематичен, так как большая часть аспирантов не хочет оставаться в науке, а докторскую диссертацию ориентированы защищать лишь единицы.

В ходе анализа качественного состава научно-педагогических кадров России может быть выявлена еще одна серьезная проблема – большая доля преподавателей, не имеющих специальной подготовки, т. е. не окончивших аспирантуру, являющуюся важным критерием пригодности специалиста. Основным звеном подготовки научно-педагогических кадров в системе послевузовского профессионального образования является аспирантура, от эффективности которой зависит решение задачи не только повышения квалификации научно-педагогических кадров, но и их пополнения и «омоложения».

Среди основных причин отказа многих талантливых молодых людей от дальнейшего обучения в аспирантуре можно выделить следующие:

- низкая заработная плата научно-педагогических работников. Сегодня заработная плата молодого преподавателя или ученого составляет 20–25 % от заработной платы его сверстника, работающего в других сферах. В большей степени подобное положение дел относится к ведущим отраслям народного хозяйства (строительству, энергетике и пр.), что может привести к значительному дефициту научных кадров в них, так как в последние годы на многие специальности не то что нет конкурса, но даже нет желающих;

- невысокий социальный статус. Снижение престижа научно-педагогической профессии приводит к нежеланию лучших выпускников вузов связывать свою дальнейшую деятельность с наукой и преподаванием;

- отсутствие технической и информационной возможности реализовать свои творческие устремления, отсутствие экономической востребованности изобретений, в связи с чем установки научно-педагогических кадров вузов на эмиграцию или временную работу за рубежом по-прежнему очень высоки.

Если же, невзирая на вышеназванные причины, талантливые молодые люди и поступают в аспирантуру, успешно обучаются, то, к сожалению, многие, имея практически готовую диссертацию, так и не находят возможности ее защитить. Основными причинами этого являются отток молодых высококвалифицированных кадров из высшей школы и их занятость на работе.

Говоря об утечке кадров из научно-педагогической сферы, следует выделять два ее вида: открытая (смена места работы) и скрытая (смена вида или направления деятельности). Первый вид носит массовый характер в связи с тем, что заработная плата во многих отраслях значительно превышает доход преподавателя и научного сотрудника. Однако уход в другие отрасли совсем не гарантирует того, что молодые люди будут принимать участие в научно-инновационной политике государства. Понятно, что если имеет место скрытый отток кадров, то он найдет свое отражение прежде всего в научных показателях. Действительно, если преподаватель высшей школы тратит свое время на зарабатывание денег в других местах, то, как правило, именно научные показатели «страдают» в первую очередь: преподаватель худо-бедно проводит учебные занятия (не проводить их он не может, хотя может минимизировать свои временные затраты на подготовку к ним), а вот на научно-исследовательскую деятельность времени остается либо очень мало, либо совсем не остается. Как следствие, у такого преподавателя перестают появляться научные статьи, снижается его «профессиональная активность» [3]. Этому мешает и слабая техническая оснащенность вузовских лабораторий, а также отсутствие доступа к элек-

тронным базам научной информации. Неудовлетворительно комплектуются научной и учебной литературой вузовские библиотеки.

Рассмотренные особенности научно-педагогических кадров России призвана нивелировать Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» [4], рассчитанная на 2009–2013 гг., целью которой является создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании. Среди заявленных ФЦП задач выделим:

- создание условий для улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров, эффективной системы мотивации научного труда;
- создание системы стимулирования притока молодежи в сферу науки, образования и высоких технологий и закрепления ее в этой сфере;
- создание системы механизмов обновления научных и научно-педагогических кадров [3].

О результатах ее осуществления пока говорить рано, однако очевидно, что принципиальные проблемы эффективности воспроизводства научных кадров лежат сегодня в основном за пределами системы их подготовки.

Рассмотренные аспекты качества научно-педагогических кадров в системе высшего профессионального образования без реального воплощения заявленных в ФЦП задач будут способствовать еще большей примитивизации системы российского высшего профессионального образования, а значит, и образования как социальной системы в целом.

Библиографический список

1. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
3. Трепачка В.М. О некоторых проблемах, влияющих на эффективность системы подготовки научно-педагогических кадров в учреждениях образования // Проблемы управления. 2007. № 3 (24).
4. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fcpc.ru>.

Л.И. Летягин
УрГПУ, Екатеринбург

О МИФАХ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА»

Нет никаких сомнений в том, что задача воспитания патриотизма в условиях современной России приобретает особое практическое значение. Понижение уровня национальной самооценки, утрата консенсуса по поводу базовых социальных ценностей в перспективе означает окончательный «разрыв» единого духовного пространства российского общества, утерю национальной самоидентификации, угрозу безопасности существования России как суверенного государства.

Существует ли на самом деле тот «патриотический нигилизм», который получает «широкое распространение» и должен быть «реально преодолен», как утверждает в научной и публицистической литературе?

В чем же причины кризиса «национальной самоидентификации», насколько глубок и обратим этот процесс?

Ответы на эти вопросы зависят, прежде всего, от того, каким статусом мы наделяем понятие «патриотизм».

Если речь идет о его классическом (традиционном) определении, то «патриотизм – это любовь к стране. Она включает привязанность к родной земле и людям, восхищение ее обычаями, традициями, гордость за свою историю и уровень благосостояния. Все это предполагает чувство единства всех граждан» [1].

Таким образом, патриотизм, если так можно выразиться, имеет:

- а) «географический аспект» (любовь к «родной земле»);
- б) включает в себя разнообразные феномены культурной и духовной жизни (любовь к традициям, обычаям и т. д.);
- в) социально-психологические факторы (гордость за историю и за достигнутое благополучие, чувство единства).

С этих позиций признание резкого усиления «патриотического нигилизма» в современной России, силы его влияния, степени укорененности в российском общественном сознании явно преувеличены.

Любой, родившийся и проживший на родине достаточно долго и уехавший, например, в другую страну, будет испытывать ностальгию по «отчему дому и отчим могилам», «улице, фонарю, аптеке», «березкам», друзьям, товарищам. При этом чувство ностальгии присуще не только нашим соотечественникам и не является «загадкой» исключительно «русской души». Точно такую же тоску по родине («барханам», «оленьям», «болотам» и т. д.) испытывают и представители фактически всех народов, по крайней мере в своем подавляющем большинстве.

Значительное же число граждан, покинувших Россию в течение последних лет, составляют отнюдь не «любители экзотики» в виде географических «достопримечательностей», «иных запахов» и «кухни».

Второй подход к анализу понятия «патриотизма» связан с введением категории «государственного (державного) патриотизма», который в «снятом» и, по сути дела, «подчиненном виде» включает «традиционный патриотизм».

Государственный (державный) патриотизм выступает «первоочередным условием укрепления государственности», «функционирования социальных институтов, общества и личности» [2]. Тем самым понятие «отечества», оказываясь «многослойным» и «предельно широким», включает в себя государство, а «любовь к отечеству», соответственно, означает преданность, стремление своими действиями *служить интересам государства*.

Заметим, что еще совсем недавно, патриотизм, рассматриваемый с позиций «классового подхода», уже определялся как «любовь к социалистическому отечеству, беззаветная преданность делу социализма и коммунизма» [3].

Здесь, как и в приведенном выше случае, патриотизму придается статус *политической идеологии*, основной функцией которой всегда являлось и является защита (сохранение) существующего политического режима, данной формы государственной власти, на что указывал такой классик теории идеологии, как К. Мангейм (K. Mannheim).

Но если главной функцией патриотизма оказывается идеологическая функция, то это означает, что он, и это закономерность любого классового общества, призван выполнять функцию *сохранения данного политического режима и защиты интересов правящей политической элиты путем сокрытия реальных классовых противоречий и «обоснования необходимости» формирования «объединяющей национальной идеи»,* некоего «национального единства».

Это *принципиальное положение*, позволяющее понять, в чем причины «государственно-патриотического нигилизма», который действительно получил распространение в России и который проявляется в недоверии, неуважении, в «предельном случае» – в противостоянии граждан проводимой государством и его органами внешней и в особенности внутренней политике. «Государственный патриотизм» как *феномен массового сознания и фактор массового поведения* невозможен в условиях невыполнения государством своих основных функций и обязательств перед всем обществом или распространения их лишь среди привилегированной части граждан.

Выполняет ли наше государство свои обязательства перед гражданами, т. е. тот общественный договор, который закреплен в Конституции РФ?

Согласно этому договору государство *обязано* осуществлять, например, такие важнейшие функции, как функцию охраны порядка (которую выполняют такие специализированные государственные институты, как полиция, прокуратура, суды и т. д.), хозяйственно-организационную функцию, сутью которой является помощь (путем соответствующих нормативно-правовых актов) хозяйственным субъектам, включая малый и средний бизнес, функцию социальную (медицина, образование, пенсионное обеспечение и т. д.).

Что касается функции охраны порядка, то все мы прекрасно знаем, как работает полиция, функционируют суд и прокуратура.

То же самое касается помощи хозяйственным субъектам, которые попали в ситуацию «между молотом и наковальней», где молотом выступает сложившаяся система «новой демократической коррумпированной бюрократии», а наковальней выступает она же в форме организованной финансово-экономической преступности.

Наблюдается деградация системы страховой медицины, образования, пенсионного обеспечения, молодежной политики и т. д.

Не будет преувеличением сказать, что в современной России государство все более и более приобретает «виртуальный» и во многом декоративный характер по отношению к подавляющему большинству своих граждан, «проявляясь» в реальности лишь в случае выборов или угрозы существующему строю.

О каком государственном патриотизме, какой любви и преданности государству может идти речь в этих условиях?

Тем не менее, в нашей научной и публицистической литературе широко распространено мнение, что у нас есть какой-то свой «национальный», «особенный», «учитывающий российскую специфику» вариант возрождения патриотизма.

Увы, это не так – патриотизм в любой его форме, как феномен массового сознания, развивается по объективным социальным законам. С такой же железной необходимостью, как меняются времена года (и смена которых не может быть отменена ни декретом, ни заклинаниями), патриотизм не может быть «введен» или «отменен», «включен» или «выключен» на манер электрической лампочки.

Если мы живем в обществе с рыночной экономикой, если оно разделено на классы, если государство и его органы не выполняют свои функции или, что то же самое, *выражают и защищают интересы относительно небольшой группы населения, по сути дела игнорирующей «общие интересы»*, тогда как другой его, несравненно большей части *предлагается неукоснительно выполнять «свои обязанности перед родиной»*, то в этих условиях возможности патриотического воспитания представляются нереальными и приобретают мифологический или, скорее, магический ха-

рактический характер в виде различного рода обрядов, заклинаний и т. д. Нарушение «общественного договора» – неспособность государства выполнять главные его обязанности (охраны порядка, жизни, здоровья, собственности граждан, проведения справедливой социальной политики) ставит под вопрос его собственное существование в прежнем виде – это объективный закон развития любого государства.

Еще одной закономерностью развития отношения «гражданин – государство» в условиях невыполнения государством своих обязанностей является неспособность индивида противостоять государству и реальная возможность государства (обладающего всем многообразием властных ресурсов-полномочий) постоянно менять «правила игры» и в конечном счете дезавуировать как «неподходящие в данное трудное время» свои обязательства.

С этих позиций, реально оценивая сложившуюся обстановку, можно говорить о трех основных вариантах («сценариях») преодоления государственно-патриотического нигилизма:

1) нахождение «внешних» и «внутренних» врагов и практическая борьба с ними, что может иметь как положительное значение (если эти враги реальны – например, организованная преступность, как финансово-экономическая, так и криминальная) для формирования доверия к государству, так и отрицательное, если враг будет «назначен». В последнем случае, и это объективная закономерность, несовпадение «феномена» и «ноумена» приведет к необходимости постепенного включения во «вражеский лагерь» все новых и новых членов, в итоге неизбежно возрождение тоталитаризма в любых его проявлениях (от фашизма до большевизма);

2) «активизация» процессов воспитания государственного патриотизма. Поскольку «реальность будет постоянно посрамлять идею» (К. Маркс) и воспитание будет расходиться с реальностью, оно должно будет приобрести обязательный характер, сопровождаться применением методов усиленной «промывки мозгов» и манипулирования сознанием. Необходимым в этих условиях является введение жесткой цензуры (включая контроль над Интернетом) и ограниченной изоляции страны. Итогом может явиться режим «твердой руки», предполагающий отказ от основных демократических принципов, что будет означать быстрый переход к авторитаризму и постепенное «сползание» в тоталитаризм;

3) государство и его органы, проявляя *политическую волю (как волю и стремление подавляющей части граждан к достойной жизни для себя и своих детей и внуков)*, осознавая свой патриотический долг и способствуя тем самым самосохранению «данной» политической структуры, действуя в рамках положений «общественного договора», изложенных в Конституции, определяют *реальные* приоритеты (отражающие наиболее значимые для граждан проблемы), приступают к *их практическому решению*,

используя все ресурсы власти. В этом случае у государства нет необходимости ни в «промывании мозгов», ни в поисках «внешних» и «внутренних» врагов, ни в изоляции страны, тем более в «возбуждении патриотических чувств и настроений», в культивировании «мягких», «твердых» и иных форм национализма.

Только тогда каждый гражданин сознательно примет основные инвективы патриотизма, но не как политической идеологии в форме государственного патриотизма, а как уважения к государству и его институтам (формам, средствам власти), становясь активным участником процессов реформирования и развития нашей родины, и именно тогда понимаемый в таком аспекте «государственный патриотизм» может выступить одним из важнейших средств этих преобразований.

Библиографический список

1. World Book Encyclopedia. 2003. Vol. 15.
2. Лутовинов В. Патриотизм // Основы безопасности жизнедеятельности. 1999. № 3.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

И.В. Рязанов
ПГСХА, Пермь

ПЕРМСКИЙ МИФ: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Проблема региональной идентификации является достаточно актуальной для исследований, которые, в границах социально-гуманитарного знания, моделируют процессы, характеризующие мифологические параметры современной культуры. Одной из таких иллюстраций может служить проект исследования культурной археологии Пермского мифа, который стал одной из отправных точек исследования тенденций современной культуры, связанных с мифотворчеством. В числе представителей региональных научных школ, чья многолетняя научная деятельность связана с изучением процесса мифологизации, могут находиться археологи, этнографы, литературоведы и др. исследователи. Попытка посмотреть на проблему Пермского мифа полифокусно стала пробным экспериментом, в рамках которого появилась возможность панорамного обсуждения вопросов, затрагивающих социально-гуманитарную сферу развития современно-

го общества. Остановимся на нескольких позициях, отражающих широкий спектр мнений по самым актуальным вопросам мифологической реконструкции.

Во-первых, это лингвистическая реконструкция Пермского мифа, обращенная к культурно-диалектной традиции народов Прикамья, которая, по мнению профессора И.А. Подюкова, предполагает выделение особой матрицы слова [1]. Эта матрица, в силу логики развития самой культуры, во многом обуславливает связь архаического и современного сознания. При этом особый акцент должен быть перенесён на творческую деятельность культурно-бессознательного, так как именно она влияет на формирование картины мироздания. Современная фольклористика, перенасыщенная образностью и метафоричностью, как раз и является ярким примером стихийного мифотворчества, широко распространённого в нашем обществе. Директор музея «Палаты Строгановых» С.В. Хоробрых, присоединяясь к мнению профессора И.А. Подюкова, считает, что автохтонная финно-угорская мифология во многом влияет на пермскую топонимику, что приводит в итоге к специфической уникальности регионального менталитета [1]. Лингвистический антропоморфизм, то есть перенос человеческих свойств и качеств на окружающую человека действительность, с точки зрения обоих специалистов, является органичной частью как архаической, так и информационной культуры. Например, в народной фразеологии, отражающей всё символическое богатство языка, можно выделить особый метафорический код языка. И именно в нём заметны не только следы древних культов, остатки магической и ритуальной обрядности архаического мировосприятия, но и живая связь нашего прошлого с настоящим и будущим.

Так, мифологическое воздействие на совокупность речевых практик в эпоху информационного перенасыщения остаётся самой загадочной областью нашей культуры. И если информации становится всё больше и больше, а смысла всё меньше и меньше, то обращение к мифу для человека эпохи информационного перенасыщения является во многом возможностью вернуться к самому себе и своей культурной почве.

Во-вторых, это культурологическая реконструкция Пермского мифа, попытка поиска символической почвы, его культурных оснований. Эпоха универсализации различных сторон человеческого бытия прямо и неизбежно подводит человека современной культуры к проблеме собственной самоидентификации. Как справедливо заметил эксперт-культуролог В.М. Раков, «помимо универсального, человеку, живущему в провинции, необходимо локальное», например, своя «пермскость» как особый локальный миф [2].

Миф предстает как способ организации бытия, как своя символическая почва, насыщенная исторической памятью, во многом не похожей на

историческую статистику профессиональных историков, делающих из исторического факта свой культовый сциентистский миф. Опорные смыслы Пермского мифа могут быть разнообразны, а схема их структурного единства должна быть представлена определённой последовательностью. Научные факты местной истории – это только материал для чего-то большего, их необходимо трансформировать в идеи и собирательные понятия. На этой основе, с культурологической точки зрения, и возникает возможность творчески переработать всю краеведческую тяжесть и бессистемную множественность всего происходящего в нашей истории.

Историк Корчагин считает, что миф – это не более чем психологические характеристики индивидуального и коллективного сознания [1]. Для строгого научного исследования, считает он, миф является «несуществующим» объектом изучения. В ситуации кризиса общественной рациональности только наука, исследующая факты, способна противопоставить себя всеобщей иррациональности.

Итак, различие точек зрения обусловлено мировоззренческим выбором принципиальных оснований способа познания. Эпистемология эпохи позитивизма, делающая акцент на познании фактов, вряд ли совместима с тем, что произошло в исторической науке в XX – начале XXI века. История – это эстетический миф, и современная европейская наука в лице своих лучших представителей это поняла, создав свои культурно-исторические мифы. Пермский миф в культурологическом аспекте – это всегда определённая структура, включающая в себя символические основания нашей истории и культуры. Другими словами, история, рассматриваемая в символическом переосмыслении фактов нашей локальной истории, и есть наш Пермский миф.

В-третьих, это попытка реконструкции локальных и автохтонных мифов, исторически существующих в границах Пермского мифа. Она представлена, в частности, субкультурами диггеров и спелеологов и подчиняется не только общекультурным механизмам (противопоставлению хаоса космосу; антропоцентрической структурностью пространства; выделением зооморфных персонажей и т. д.), но и своим природным и ландшафтными особенностям.

Мифологические сюжеты «народной» традиции диггеров и спелеологов во многом связаны, как считает доцент К.Э. Шумов, с наличием большого количества пещер и карстовых пустот, а также старых (геологических) гор в регионе [2]. В мифопоэтической традиции пещера не только место обитания хтонических существ, напоминающих «белую крысу» у современных диггеров и спелеологов, но и то, что противопоставлено всему существующему на поверхности зримой культуры. В этом смысле традиционный сюжет с «самозахоронением чуди» может быть обыгран в Пермском мифе в качестве ментального архетипа. Это наш бессознатель-

ный жест в отношении любой культурной экспансии по отношению к нашей, в том числе подземной и хтонической, культуре.

Любой порядок возникает из хаоса, только из него возникает космос. Поэтому мифологема чуди – это своего рода попытка открыть двери хаосу, определённый способ вернуться в деструктурное состояние и тем самым свести к минимуму воздействие внешнего агрессивного фактора на космическое и хтоническое. У Пермского мифа свои хтонические бездны, имеющие ментальную проекцию не только на прошлое, но и, как думается, на будущее. И если объединяющим началом мифа о подземелье являются представления человека об опасности, которую представляет земля как одна из стихий, то это же представление об опасности в определённые исторические эпохи и «спасает» человека, превращаясь в один из опорных смыслов Пермского мифа.

Особый вариант локальной мифологии представил известный уфолог Н.В. Субботин, который высказал суждение, что феномен аномального в современной культуре свидетельствует, в частности, и о нашей связи с архаическим сознанием [2]. Многочисленные примеры «подземной» или уфологической аномальности подтверждают идею К.Г. Юнга о том, что они, как и феномен НЛО, являются выражением архетипов коллективного бессознательного.

В целом попытка культурологической реконструкции Пермского мифа, на наш взгляд, помогает объяснить механизм социально-культурной идентификации на уровне региональной культуры. Она позволяет приблизиться к пониманию того, что А.Ф. Лосев называл в «Диалектике мифа» самой загадочной и чудесной областью человеческого существования.

Библиографический список

1. Пермский миф [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/perm_mif.
2. Пермский миф [Электронный ресурс]. URL: <http://www.facebook.com/ifyILegendyZemliPermskoj>.

НАШИ АВТОРЫ

Антропова Наталья Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Беляева Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), Екатеринбург.

Бурдина Татьяна Георгиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Каташинских Варвара Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии и СТУ Института фундаментального образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург.

Каташинских Сергей Николаевич – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Колесова Ирина Семеновна – кандидат философских наук, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ, филиал), Новоуральск.

Кох Иван Адамович – заведующий кафедрой философии и культуры, руководитель социологической лаборатории Уральского государственного горного университета (УГГУ), Екатеринбург.

Летягин Леонид Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), Екатеринбург.

Лыкова Татьяна Рафкатовна – старший преподаватель Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Масленникова Светлана Федоровна – кандидат педагогических наук, и. о. зав. кафедрой социально-культурных технологий Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Мирошников Юрий Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН), Екатеринбург.

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), почетный работник высшего профессионального образования, Екатеринбург.

Некрасов Станислав Николаевич – профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Уральской государственной сельскохозяйственной академии (УрГУ), Екатеринбург.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Пашкова Анна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент каф. социальной работы и социального управления Российского государственного социального университета, филиала в г. Ивантеевке Московской области (РГСУ, филиал), Ивантеевка.

Пожар Александр Иванович – гл. специалист-эксперт отдела контроля в области опеки и попечительства Управления надзора и контроля за деятельностью, канд. пед. наук, доцент Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), Москва.

Посыпайко Александр Филиппович – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург.

Рязанов Иван Владимирович – кандидат философских наук, доцент Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д.Н. Прянишникова, Пермь.

Усольцев Владимир Андреевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), главный научный сотрудник Ботанического сада Уральского отделения РАН, заслуженный лесовод России, Екатеринбург.

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник
научных трудов по материалам
научно-практической конференции

Редактор О.В. Атрошенко
Оператор О.А. Казанцева

Подписано в печать	Печать офсетная	Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 7,67	Тираж 100 экз.	Уч.-изд. л. 7,76
		Заказ №

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет»
620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
Тел.: 8(343)262-96-10. Редакционно-издательский отдел

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УПИ»
620062 РФ, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2